

НАРОДЫ Западной и Средней Сибири

культура
и этнические
процессы

КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ СЕРИИ

акад. АГН, доктор экономических наук *В.Т. Пуляев* (гл. ред.), акад. АГН, АСН и РАЕН, доктор исторических наук *Н.А. Томилов* (гл. ред.), доктор исторических наук *С.С. Агаширинова*, член-кор. РАН, доктор исторических наук *С.А. Арутюнов*, доктор исторических наук *И.Н. Гемуев*, доктор исторических наук *А.И. Гоголев*, доктор исторических наук *А.В. Головнев*, акад. РАН, доктор исторических наук *А.П. Деревянко*, акад. АГН, доктор философских наук *А.Э. Еремеев*, доктор исторических наук *Н.В. Кочешков*, член-кор. РАН, доктор исторических наук *Р.Г. Кузеев*, член-кор. РАЕН, доктор исторических наук *Н.В. Лукина*, доктор исторических наук *В.И. Матющенко*, доктор исторических наук *Т.М. Михайлов*, акад. АГН, доктор исторических наук *А.С. Мыльников*, доктор исторических наук *Д.Г. Савинов*, доктор исторических наук *Ч.М. Таксами*, доктор исторических наук *В.А. Тишков*, кандидат исторических наук *А.Г. Селезнев* (отв. секретарь)

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2002

SCIENTIFIC COUNCIL OF THE STATE PROGRAM
«RUSSIAN SOCIETY:
REFORM AND DEVELOPMENT STRATEGY»
MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
OMSK STATE UNIVERSITY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN DIVISION
OMSK DIVISION OF THE JOINT INSTITUTE OF HISTORY,
PHILOLOGY AND PHILOSOPHY
MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION
SIBERIAN DIVISION
OF THE RUSSIAN INSTITUTE OF CULTUROLOGY
OMSK HUMANITARIAN UNIVERSITY

PEOPLES OF WEST
AND MIDDLE SIBERIA
CULTURE AND ETHNIC PROCESSES
CULTURE OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Volume 6

EDITORIAL BOARD SERIES OF WORKS

V.T. Pulyaev, Academician (Academy of Humanitarian Sciences), Dr. Sci. (Economy), Editor-in-Chief, *N.A. Tomilov*, Academician (Academy of Humanitarian Sciences, Academy of Social Sciences), Dr. Sci. (History), Editor-in-Chief, *S.S. Agashirnova*, Dr. Sci. (History), *S.A. Arutyunov*, Corresponding Member (Russian Academy of Sciences), Dr. Sci. (History), *I.N. Gdmuev*, Dr. Sci. (History), *A.I. Gogolev*, Dr. Sci. (History), *A.V. Golovnyov*, Dr. Sci. (History), *A.P. Derevyanko*, Academician (Russian Academy of Sciences), Dr. Sci. (History), *A.E. Ereemeev*, Academician (Academy of Humanitarian Sciences), Dr. Sci. (Philology), *N.V. Kocheshkov*, Dr. Sci. (History), *R.G. Kuseev*, Corresponding Member (Russian Academy of Sciences), Dr. Sci. (History), *N.V. Lukina*, Corresponding Member (Russian Academy of Natural Sciences), Dr. Sci. (History), *V.I. Matyushchenko*, Dr. Sci. (History), *T.M. Mikhailov*, Dr. Sci. (History), *A.S. Mylnikov*, Academician (Academy of Humanitarian Sciences), Dr. Sci. (History), *D.G. Savinov*, Dr. Sci. (History), *Ch.M. Taksami*, Dr. Sci. (History), *V.A. Tishkov*, Dr. Sci. (History), *A.G. Seleznyov*, Cand. Sci. (History), Secretary of the Board

NOVOSIBIRSK

«NAUKA»

2002

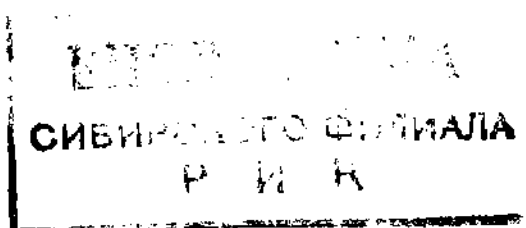
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
«РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО:
СТРАТЕГИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ»
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СИБИРСКИЙ ФИЛИАЛ
РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРОЛОГИИ
ОМСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ И СРЕДНЕЙ СИБИРИ

КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ РОССИИ

Том 6

1941

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2002

ББК 63.5
Н28

Авторский коллектив

Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова, М.А. Жигунова, Д.Г. Коровушкин, В.П. Кривоногов, И.В. Лоткин, Г.М. Патрушева, Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов, Л.Т. Шаргородский

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор *М.Е. Бударин*, доктор исторических наук, профессор *Б.А. Конников*, кандидат юридических наук, доцент *В.А. Симонов*

Утверждено к печати Ученым советом
Омского филиала Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН

Редакционная коллегия тома

кандидат исторических наук *И.В. Лоткин* (отв. ред.), акад. АГН, АСН и РАЕН, доктор исторических наук *Н.А. Томилов* (отв. ред.), член-кор. АГН, кандидат исторических наук *Д.А. Алисов*, доктор исторических наук *М.Н. Губогло*, кандидат исторических наук *Д.Г. Коровушкин*, кандидат исторических наук *М.А. Корусенко*, доктор исторических наук *В.П. Кривоногов*, кандидат исторических наук *Г.М. Патрушева*, кандидат исторических наук *А.Г. Селезнев*, кандидат исторических наук *Т.Б. Смирнова*, *С.С. Родионова* (секретарь)

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 01-01-161570*

Н28 Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы / Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова, М.А. Жигунова и др. — Новосибирск: Наука, 2002. — 325 с. — (Культура народов России; Т. 6).

ISBN 5—02—032241—5 (Т. 6).

ISBN 5—02—032246—6.

В монографии отражаются изменения в развитии современных этнических процессов как крупных этносов, так и малых этнических групп, оказавшихся в иноэтническом окружении, а также факторы, определяющие это развитие. Обобщаются исследования ученых Сибири по истории и современным этническим процессам у народов региона (русских, казахов, татар, чувашей, латышей, эстонцев, шорцев и др.).

Для этнографов, историков, археологов, краеведов и всех тех, кто интересуется культурой народов Сибири.

ББК 63.5

ISBN 5—02—032241—5 (Т. 6)
ISBN 5—02—032246—6

© Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова, М.А. Жигунова и др., 2002
© Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, 2002
© Российская академия наук, 2002
© Оформление. Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография отражает результаты многолетних исследований (фактически с 1974 г.) омских этнографов по проблеме современных этнических процессов у народов Западной Сибири. Эти работы проводились в рамках Омского государственного университета сначала на кафедрах истории и всеобщей истории, а с 1985 г. на созданной в Омском университете третьей в России (после кафедр этнографии в Московском государственном университете и этнографии и антропологии в Ленинградском государственном университете) кафедре этнографии, которая сегодня называется кафедрой этнографии и музееведения. Изучение современных этнических процессов научными сотрудниками вошло в тематику исследований созданных в 1991 г. Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН и в 1993 г. Сибирского филиала института культурологии Министерства культуры РФ. О направлениях этой работы рассказывается в вводной статье «Проблемы изучения современных этнических процессов у народов Западной и Средней Сибири учеными омского этнографического направления».

В каждой главе помещены материалы по традиционной-бытовой культуре и ее современному состоянию одного или двух этносов.

Н.А. Томилов

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ И СРЕДНЕЙ СИБИРИ УЧЕНЫМИ ОМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время как в России, так и в странах Содружества независимых государств возникла проблема профессионального решения национальных вопросов, межнациональных конфликтов и снятия напряженности. В связи с этим возрастает роль наук, занимающихся изучением этнических свойств и явлений, национальных структур и отношений, а также координация и интеграция этих наук, в первую очередь этнографии (этнологии), социологии, психологии, истории, правоведения, демографии, географии. Сложная и напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений в государствах бывшего СССР обязывает каждого ученого-гуманитария обратиться к проблемам межнациональных отношений и удовлетворения политических, социальных и культурных запросов народов, национальных групп и дисперсных меньшинств.

В научном подходе к решению национальных проблем важную, если не решающую роль играют результаты изучения современных этнических процессов. Очень важно, что в отечественной этнографической науке в последние четыре десятилетия большое внимание уделялось проблемам этнических процессов у народов СССР, а после его распада — у народов России. Решению обострившихся в середине 1980-х — первой половине 1990-х гг. национальных проблем и урегулированию межнациональных отношений способствовало то обстоятельство, что к этому периоду у этнографов были накоплены уже значительные материалы изучения современных этнических процессов почти по всем регионам России и союзным республикам.

Одновременно с появлением работ по этнографии конкретных народов и регионов происходило методологическое и теоретическое осмысление проблем по этой тематике. Разрабатывались вопросы типологии этнических процессов, выявлялись причины и механизмы их развития в зависимости от численности, расселения, национального окружения, особенностей исторического пути тех или иных народов и национальных групп. Определялись показатели этнических процессов, политические, социальные, экономические и иные факторы, усиливающие или ослабляющие их развитие. Много в этом направлении сделали С.А. Арутюнов, Ю.В. Бромлей, С.И. Вайнштейн, С.И. Брук, О.А. Ганцкая, И.С. Гурвич, Т.А. Жданко, В.И. Козлов, Л.П. Потапов, П.И. Пучков, Л.Н. Терентьева, В.А. Тишков, Л.В. Хомич, В.В. Покшишевский и ряд других ученых.

Новые возможности в изучении современных этнических процессов открыли сотрудники сектора социальных исследований Института этнографии АН СССР. В работах Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, Э.К. Васильевой и др. поднят ряд важных вопросов в плане изучения этносоциальных и этнополитических процессов, психологии национальных отношений и других аспектов. Появились новые научные направления, главным образом в области этносоциологии. Этнографическая наука обогатилась новыми методами исследований.

Что касается изучения этнографами современных этнических процессов в Сибири, то, пожалуй, пионером здесь следует считать ленинградского ученого Л.П. Потапова, опубликовавшего в начале 1950-х гг. специальную статью об этнических процессах консолидации у алтайцев, а в 1955 г. о национальной консолидации народов Сибири¹. В дальнейшем активно и целенаправленно этой проблемой стали заниматься сотрудники сектора народов Крайнего Севера Института этнографии АН СССР (Москва). В 1960 г. И.С. Гурвич опубликовал статью об этнических процессах на севере Якутии². В начале 1960-х гг. вышли в свет статьи А.В. Смоляк, З.П. Соколовой³. Эти работы сыграли важную роль как в укреп-

лении в отечественном сибиреведении данной проблематики, так и в выработке методики изучения современных этнических процессов у малочисленных народов СССР. Сотрудники сектора под руководством И.С. Гурвича развернули обширную деятельность по изучению этнических процессов во всем Сибирском регионе, результаты которой были опубликованы в ряде монографий и сборников научных трудов⁴. Отметим также вклад в изучение этих процессов московских ученых: В.И. Васильева, М.Я. Жорницкой, В.В. Лебедева, Ю.Б. Симченко, В.А. Туголукова.

Организирующая роль сектора и его руководителя И.С. Гурвича в проведении исследований современных этнических процессов в Сибири очень ярко проявилась в привлечении к этим работам ленинградских этнографов и ученых Сибири, а главным образом в подготовке для сибирских регионов кадров этнографов. Среди них К.Д. Басаева, Д.Г. Брагина, В.П. Кривоногов, Н.А. Томилов, Н.И. Шатинова и др. В Сибирском отделении АН СССР с участием этнографов проводились исследования по современным этноязыковым процессам у народов Сибири⁵. Кроме того, в Институте истории, филологии и философии АН СССР, а позднее в выделившемся Институте филологии СО РАН сложилась новосибирская школа этносоциологии под руководством В.И. Бойко, которая уже около 30 лет исследует проблемы этносоциального развития народов Сибири⁶. С 1995 г. работает ежегодный региональный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири» (руководитель семинара Ю.В. Попков), в работе которого участвуют и этнографы.

Омские этнографы и этносоциологи, занимающиеся изучением современных этнических процессов, свои исследования проводят на методологических, теоретических и методических основах московской школы, фактически эти исследования начинались в рамках Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета в 1968—1974 гг., когда Н.А. Томилов обследовал различные группы сибирских татар и расселившихся среди них поволжско-приуральских татар⁷. С

Илья Самуилович Гурвич на II Всесоюзной научной конференции «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий» (Омск, 26 ноября 1984 г.).

1974 г. в Омском государственном университете (ОмГУ) он постепенно создал группу этнографов, развернувших исследования этнических процессов и этнокультурной истории. На протяжении 1986—1995 гг. на образованной кафедре этнографии и музееведения университета плановой научно-исследовательской темой было изучение

социально-культурных и этнических процессов в России XIX—XX вв. В тематику научных работ отдельных сотрудников Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (возникшего в 1991 г.) и Сибирского филиала Российского института культурологии Министерства культуры России (1993 г.) также вошло изучение современных этнических процессов.

Объектами исследований омских этнографов стали многие народы и национальные группы Сибири — сибирские и поволжские татары, алтайцы (телеуты), шорцы, манси, селькупы, чулымские тюрки, казахи, русские, украинцы, чувашаи, немцы, латыши, эстонцы и др. В результате работ в Музее археологии и этнографии ОмГУ сосредоточен значительный объем статистических и этнографических данных разного рода — свыше 20 тыс. заполненных опросных листов по изучению современных этнических процессов, несколько тысяч семейно-генеалогических схем, более 2 тыс. музейных этнографических предметов. По проблемам изучения современных этнических процессов и современной традиционно-бытовой культуры омскими этнографами защищено десять кандидатских диссертаций. Существенный вклад в эту проблематику внесли Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова (Проваторова), В.Б. Богомоллов, Т.Н. Золотова, Д.Г. Коровушкин, М.А. и С.Н. Корусенко, Н.В. Кулешова, И.В. Лоткин, Г.М. Патрушева, М.А. Жигунова (Плахотнюк), В.В. Реммлер, С.А. Рублевская, Т.В. Савранина, Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов, Л.Т. Шаргородский, а также тесно сотрудничающий с омскими учеными красноярский этнограф В.П. Кривоногов, изучающий современные этнические процессы у хакасов, тофаларов и коренных народов Красноярского края.

В Омске проведено несколько крупных научных конференций, среди которых всесоюзные «Социально-культурные процессы в Советской Сибири» (1985), «Этнографическая наука и пропаганда этнографических знаний» (1987), «Национальные и социально-культурные процессы в СССР» (1990), «Этническая история и культура народов Советской страны» (1991); всероссийские «Рус-

В президиуме Всесоюзной научной конференции «Социально-культурные процессы в Советской Сибири» (слева направо): В.И. Васильев (Москва), В.И. Бойко (Новосибирск), Н.А. Томилов (Омск, 26 ноября 1985 г.).

Участники Всесоюзной научной конференции молодых ученых «Этническая история и культура народов Советской страны» (Омск, 22 мая 1991 г.).

ский вопрос: История и современность» (1992, 1994, 1996), «Духовное возрождение России» (1993), «Немцы Сибири: История и культура» (1993), «Региональные проблемы межнациональных отношений в России» (1993), «Урбанизация и культурная жизнь Сибири» (1995), «Федерализм и новая региональная политика: Сибирь в России» (1995), «Художественное моделирование и народные традиции» (1995), «Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития» (1996, 1998), «Народы Западной Сибири: История, культура, современность» (1996), «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек» (1997); всероссийский семинар «Проблема культуры городов России» (1995 г. — г. Тара, 1996 г. — г. Омск, 1997 г. — г. Ишим); международные конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века» (1994), «Омская область — пример реше-

Группа участников Международной научно-практической конференции «Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование» (слева направо): В.Г. Рыженко, М.А. Корусенко, Г.М. Патрушева, Ш.К. Ахметова, В.В. Реммлер, Н.А. Томилов, Н.В. Кулешова, О.В. Нагодил (ФРГ), Т.Н. Золотова, М.А. Плахотнюк, О.М. Бронникова (Омск, 26 мая 1992 г.).

На секции Всероссийской научно-практической конференции «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек» выступает заведующая лабораторией истории и этнографии немцев Сибири Омского государственного университета Т.Б. Смирнова, председатели секции (слева направо): Н.А. Томилов, Д.А. Алисов (Омск, 6 февраля 1997 г.).

ния проблемы российских немцев» (1994), «Немцы Сибири: История и современность» (1996), «Россия и Восток: Проблемы взаимодействия» (1997), «Протестантизм в Сибири» (1998) и др. Материалы всех конференций и семинаров опубликованы. Кроме того, омскими учеными и их коллегами из других городов выпущено несколько сборников научных трудов⁸ и монографий⁹ по современным этническим процессам и культуре народов и национальных групп Сибири.

12 марта 1991 г. Постановлением Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы была утверждена республиканская комплексная научно-исследовательская программа «Народы России: Возрождение и развитие», сформированная главным образом учеными вузов России (действовала до 1997 г.). Головной организацией всей программы стал Санкт-Петербургский государственный университет (научный руководитель В.Т. Пуляев). По одному из восьми направлений, посвя-

щенных культуре народов России, головным вузом стал ОмГУ (научный руководитель Н.А. Томилов). Это способствовало расширению работ этнографов по изучению современных этнокультурных процессов, состояние которых связано с решением национальных проблем и с улучшением межнациональных отношений.

Причины обострения межнациональных отношений в бывшем СССР изложены в трудах ученых, а способы их устранения — в документах законодательных и исполнительных органов власти. Но, как нам представляется, работу по вскрытию причин следует по-прежнему выделять в отдельное направление, эта задача требует более глубокого научного анализа. Сегодня национальный фактор в ряде стран СНГ по своей роли в политической, экономической и социальной жизни выдвинулся на первое место.

При рассмотрении национальных отношений в России нужно, на наш взгляд, изучить проблему отдельных явлений национальной и национально-культурной дискриминации. Она особенно ярко проявляется сейчас (например, в спорах по вопросу о сохранении в паспортах графы национальности, о выделении групп традиционных и нетрадиционных конфессий и т.д.).

Среди причин межнациональных конфликтов в свое время указывалось на социально-экономические проблемы, а в последнее время и на политические. Но без понимания исторических, социально-биологических и, что особенно важно, гносеологических и этнопсихологических корней нам не понять и суть современной национальной обстановки. И здесь по-прежнему сохраняется задача изучения этноцентризма, выражающегося в формировании представлений о людях других национальностей, их образе жизни и других культурных ценностях через призму оценок образа жизни и культуры своей этнической общности. Усиление этноцентризма в этих представлениях ведет к преувеличению ценностей своего народа и может способствовать развитию национализма и его крайней формы — шовинизма. Изучение механизма формирования этноцентризма, видимо, может способствовать выработке методов его измерения,

своевременному выявлению его деформаций и краткосрочному прогнозу, а значит, и оперативной разработке мер по снижению этноцентристской напряженности и профилактике межнациональных конфликтов.

Проблема конфликтных ситуаций, причин и механизма этнических противостояний лежит прежде всего в сфере обществоведческих наук, к которым, конечно же, относятся и история, и этнография, а не только известный всем и более узко понимаемый круг выделенных политизированных научных и учебных дисциплин. Ученым необходимо поднять все источники по национальным проблемам, активизировать конкретные этносоциологические, этнографические и другие исследования современных конфликтных этнических ситуаций, этнических процессов, сделать науку решающей силой в регулировании межнациональных конфликтов (пока она имеет больше совещательное значение). Необходимо, как нам представляется, в ближайшее время выявить факторы, определяющие направления развития этносоциальных процессов в широком значении этого понятия (отражающего сопряженность этнических с политическими, экономическими и социальными процессами) и межнациональных отношений, а также на проблему их регулирования.

Важное значение в связи с современной этнической обстановкой имеет проблема изучения разных аспектов народного права, в том числе народных способов регулирования межнациональных отношений. В историческом плане актуально и закономерно исследование норм межнациональных отношений в многонациональных государствах, роли этнического как социального системообразующего фактора. Представляется важным изучение не только федеративного устройства и выработки рекомендаций по созданию федерации России, но и возможных конфедеративных и ассоциативных связей России с рядом других стран. Необходимо изучить не только отечественный, но и зарубежный опыт в исследовании и решении национальных проблем и регулировании этнических конфликтов.

Не следует думать, что можно решить все национальные проблемы. В ходе исторического развития госу-

дарств СНГ и прежде всего такого уникального многонационального государства, каким является Россия, будет и возврат к этим проблемам, и решение их на каком-то новом уровне развития нашей страны в новой международной обстановке. Социальные, в том числе и этносоциальные катаклизмы, связанные с общемировыми кризисными процессами, будут, видимо, развиваться и дальше. Важно не вдаваться и в эйфорию по поводу почти неизбежного улучшения международных отношений в цивилизованном мире. Стремление к этому закономерно и ярко выражено в современной международной обстановке, но возможные социально-экономические катаклизмы и в будущем могут приводить к политическим и военным потрясениям.

Важным и в теоретическом, и в практическом отношении является исследование динамики этнических и этносоциальных процессов и методов их прогнозирования. Многолетний, периодически проводимый этносоциологический анализ может также вывести науку на решение проблем управления национальными процессами. Определенный опыт здесь накоплен этнографами Института этнологии и антропологии РАН, Московского и Омского университетов, научных академических центров Удмуртии, Чувашии, Сибири и некоторых других регионов России.

Если рассматривать прогнозирование как специфическую форму анализа не будущей, а настоящей социальной действительности, оно может стать действенным фактором повышения эффективности управленческих решений. Существуют три взаимодополняющих источника прогнозной информации: опыт, накопленный в результате исследований основных закономерностей развития исследуемого объекта; экстраполяция в будущее существующих тенденций; построение моделей исследуемых объектов. Соответственно существуют три взаимодополняющих способа разработки прогнозов: экспертиза, основанная на опросе экспертов; экстраполяция; моделирование. В настоящее время все указанные методы применяются и в этнографии, но с различной степенью использования. Наиболее распространены построение

Группа участников панельного этносоциологического обследования томских татар в с. Кафтанчиково Томской области (июль 1979 г.).

структурных моделей и простая экстраполяция существующих тенденций в будущее. Эти методы наиболее широко применяют российские этносоциологи, работающие под руководством Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, В.В. Пименова и др.

Актуально и перспективно направление, связанное с панельными (повторными) опросами населения по сходной программе. В частности, такого рода работу по изучению динамики этнических процессов у народов Западной Сибири ведут сотрудники кафедры этнографии и музееведения ОмГУ, этнографы Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН и Сибирского филиала Российского института культурологии (научный руководитель работ Н.А. Томилов). Построение динамических рядов развития компонентов этносов создает объективные условия для совершенствования структурных моделей и перехода к построению имитационных моделей. Повышается достоверность экстраполяций, появляется возможность от простых экстраполяций перейти к учету различных факторов, которые могут существенно изменять ход раз-

Участники фольклорного ансамбля в эстонском танце «Караян» и И.В. Лоткин (справа на заднем плане) (с. Цветнополе Азовского немецкого национального района Омской области).

вития этносоциальных общностей и межэтнических отношений.

В таблице приводятся в качестве примера показатели ответов лишь на отдельные вопросы этносоциологического обследования омскими этнографами в 1969—1989 гг. казахов, сибирских татар, украинцев и шорцев, проживающих в Западной Сибири. В целом наши материалы показывают, что уже в 1970-х гг. четко выявились тенденции роста этноцентризма, обеспокоенности людей за судьбы национальных культур, языков. В начале 1980-х гг. наши попытки обратить внимание общественности и научных центров на появившиеся тревожные симптомы в национальных установках натолкнулись на стену твердых убеждений в нерушимости дружбы народов СССР и в перспективности слияния их друг с другом. Но в 1980-х гг. усилились этноцентристские тенденции, особенно в томской группе сибирских татар. У последних еще больше возрос интерес к судьбам национальных явлений своей культуры (см. в таблице данные

о концертах и спектаклях, национальных блюдах), повысились и показатели установок на брак с людьми своей национальности. За 20 лет у томских татар значительно снизился уровень свободного владения татарским языком. Обеспокоенность за судьбу языка своей национальности привела в то время к резкому увеличению числа опрошенных, высказывавшихся за необходимость преподавания татарского языка в школах.

Таким образом, повторные этносоциологические исследования позволяют, с одной стороны, прогнозировать этнические процессы и, с другой — служить серьезной базой для выработки рекомендаций по своевременному удовлетворению национальных потребностей народов и национальных групп в нашей стране.

Очень серьезная проблема — это этническая, в том числе и этнокультурная история народов России и сопредельных стран. Исследование ее позволяет шире, глубже и объективнее взглянуть на общность исторических судеб народов и национальных групп и во многих случаях на их этническое родство, явившееся результатом их взаимодействий в разные исторические периоды, в том числе и на этапе бытования их в составе СССР, и на современном этапе. Необходимо объединить силы ученых, занимающихся проблемами этнической истории, образовать новые коллективы, чтобы приступить к трудной, но крайне необходимой работе по созданию многотомной научной серии «Этническая история народов России», рассчитанной на многие годы. Нужно продолжать работу по созданию учебников по истории и этнографии народов России, ее отдельных регионов и республик.

В современных условиях сложного развития России большое значение придается формированию историзма мышления и культурно-исторического самосознания, наблюдается усиление интереса к истории и культуре, к их роли в нашей жизни. Сам этот факт выражает стремление россиян повысить духовный потенциал нашего общества в целях очищения его от негативных явлений прошлого, вывода из кризиса всего общества и в дальнейшем — достижения стабильного и высокого уровня его развития.

Понимают и могут объясняться на национальном языке	17,2	25,3	27,9	27,4	5,5	3,9	3,5	3,9	1,2	3,4	3,2
	9,2	6,1	2,1	3,4	14,7	8,1	17,8	9,1	9,7	4,9	5,5
Не владеют национальным языком русским языком	0,2	7,1	3,0	5,8	—	—	3,5	0,4	—	—	0,5
	0,4	0,7	—	—	0,1	0,4	2,2	0,9	—	0,6	0,8

История и культура тесно взаимосвязаны друг с другом отношением к прошлому, настоящему и будущему. Изучение современного развития российского общества требует знания его истории, позволяющей понять социальные, экономические, политические и культурные процессы. Оценки прошлого, настоящего и будущего формируют культурно-историческую ориентацию общества и его личностей. Эта ориентация исторична, т.е. меняется с развитием общества. Роль истории и культуры в наше переломное время заключается в конечном счете в формировании направлений ценностных ориентаций российского общества.

В настоящее время продолжается идеологическая борьба за возврат к прошлым установкам (домарксистским и марксистским) в оценке культурно-исторического развития нашего общества. И в этой борьбе большое место занимает отношение к прошлой истории и к культурному наследию, оно во многом определяет наше будущее. В этом и смысл, и необходимость глубокого изучения истории общества и его культуры.

Прошлое — это часть настоящего. Оно занимает в нашем обществе огромное место и не только в виде мировоззрения, но и в виде явлений материальной и духовной культуры, и обычно считается одной из ценностных категорий. Следовательно, роль прошлого в нашей современности четко осязаема, она — часть нашего общественного бытия и сознания. Углубление понимания значения прошлого для современности связано с тем, что оно лежит в основе социальной памяти, формирующей культурно-историческое самосознание.

В области изучения истории и культуры перед каждым новым поколением ученых стоит задача реконструкции прошлого, которая решается социально-историческим анализом прошедшей действительности. Важной является задача сохранения прошлого в музеях, памятниках, разных областях культуры и быта. Для нашего времени актуальна и задача возрождения части идей и достижений культуры, утраченных в относительно недалеком прошлом. Основная цель решения этих задач — более интенсивно и в большем объеме использовать идеи и образы прошлого для развития современного общества. При этом необходимо не только использовать те явления прошлого, которые получают положительные оценки, но и учесть отрицательный опыт. Это необходимо делать для активного противодействия негативным явлениям, доставшимся нам от предшествующих эпох. Не надо приветствовать и преклонение перед всей стариной, как это нередко имеет место в наши дни. В оценке явлений прошлого, как сохраняющихся в нашей действительности, так и влияющих на наше мировоззрение явлений прошедших эпох, необходимо исходить все же из интересов населения, разоблачать домыслы и прямые искажения фактов, не допускать идеализации старины и прежде всего негативных ее явлений.

Роль культурно-исторических знаний, важность их развития определяются тем огромным значением, которое имеют эти знания в преобразующей деятельности человечества, формируя прежде всего историзм мышления, вызывая необходимость учета опыта прошлого и настоящего. Велик вклад этих знаний в процессы интеграции человечества, в осознание им общности историко-культурных судеб, наконец, единства человечества. Значительна роль знаний по истории общества и его культуры в подготовке кадров как гуманитарного, так и естественно-научного и технического профилей. И конечно же, большое значение культурно-исторические знания имеют в патриотическом, интернациональном, нравственном и эстетическом воспитании.

Изучение историко-культурного наследия народов России в последние годы приводит историческую науку

к решению многих принципиально новых проблем. Глубоко изучаются древние культуры, проводятся историко-этнографические исследования, анализируются процессы культурного развития России в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. И все же следует отметить, что не решены еще многие вопросы истории культуры. Недостаточно изучается традиционно-бытовая культура многих народов России, в том числе и русского населения. «Белых пятен» в этнографии достаточно много.

Сейчас создается многотомная научно-популярная серия о народах бывшего Советского Союза под названием «Народы и культуры», значение которой трудно будет переоценить. Тем не менее самобытность и многообразие культур народов и национальных групп России, взаимосвязанность многих из них, видимо, не будут полностью отражены в этой серии. В рамках научной программы «Народы России» издается многотомное издание «Культура народов России».

Представляется важным выявлять роль традиционно-бытовой культуры в формировании профессиональной культуры, их взаимосвязанность в области мировоззренческих установок, народных знаний и представлений. Здесь требуется большая совместная целенаправленная работа историков культуры и этнографов. И в культурном развитии советского периода важно выявлять роль процессов в сфере традиционно-бытовой культуры народов и национальных групп, в их народном искусстве. Значительной заботы требует и введение в научный оборот новых неопубликованных источников по культуре, как собранных археологами и этнографами, так и хранящихся в архивах и музеях страны.

В дальнейшем значительного внимания потребует изучение проблем современного состояния и развития культуры. При этом именно они нередко бывают сопряжены с проблемами межнациональных отношений и национальной политики в России и других государствах СНГ, достаточно резко заявившими о себе в последние годы. В изучении современной культуры ряда народов и национальных групп важно поднимать и практические вопро-

сы создания профессионального слоя культуры в широком смысле этого понятия, включавшего также и образование. Собственно, это одна из важнейших задач обновления российского общества. В современной этноязыковой ситуации необходимо выявление фактической ущемленности ряда языков, исследование проблемы преподавания языков своих национальностей и обучения на них в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах. Совершенно недостаточно, на наш взгляд, изучаются этнополитические воззрения народов в прошлом и настоящем, национальные потребности в целом, их связь с социальными проблемами, с духовным развитием общества. Интерес вызывают научные и практические аспекты этнографии и этносоциологии городских слоев населения страны в разных регионах.

Еще одной проблемой является создание в стране профессиональной этнографической и этносоциологической службы, призванной осуществить сращивание науки и национальной политики. Фактически речь идет о создании еще одного слоя специалистов-практиков с этнографическим и социологическим образованием. Собственно, вузовские ученые Российской Федерации основную задачу научной программы «Народы России» видели в необходимости убедить общество в создании аппарата профессионалов для реализации национальной, в том числе национально-культурной политики Российского государства.

Авторский коллектив данной монографии выражает надежду, что представленные в ней в доступной для всех читателей форме результаты исследований современных этнических процессов и современного состояния традиционно-бытовой культуры народов и национальных групп Западной и Средней Сибири могут быть использованы в практике национальной политики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Потанов Л.П.* К вопросу о национальной консолидации алтайцев // СЭ. — 1952. — № 1. — С. 75—84; *Он же.* О национальной консолидации народов Сибири // Вопр. истории. — 1955. — № 10. — С. 59—67.

² *Гурвич И.С.* Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии // СЭ. — 1960. — № 5. — С. 3—11.

³ *Смоляк А.В.* О некоторых этнических процессах у народов Нижнего и Среднего Амура // СЭ. — 1963. — № 3. — С. 21—30; *Соколова З.П.* О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области // СЭ. — 1961. — № 3. — С. 45—62.

⁴ *Бромлей Ю.В., Гурвич И.С., Козлов В.И.* Этнические процессы в СССР // Этнические процессы в современном мире. — М., 1987. — С. 97—163; *Гурвич И.С.* Этническая история северо-востока Сибири. — М.: Наука, 1966. — 276 с.; *Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера.* — М.: Наука, 1970. — 280 с.; *Смоляк А.В.* Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. — М.: Наука, 1975. — 232 с.; *Этническое развитие народностей Севера в советский период.* — М.: Наука, 1987. — 224 с.; *Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера.* — М.: Наука, 1985. — 205 с.; и др.

⁵ *Сбор и обработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири (материалы к региональной конференции).* — Новосибирск, 1969. — 108 с.; *Стракач Ю.Б., Туголуков В.А.* Социолого-лингвистические исследования в Сибири // СЭ. — 1969. — № 3. — С. 156—158; и др.

⁶ Список основных трудов новосибирских ученых по проблемам этносоциального развития народов Сибири см.: *Этносоциальные процессы в Сибири.* — Новосибирск: ЦЕРИС, 1997. — Вып. I. — С. 228—229.

⁷ *Лукина Н.В., Томилов Н.А.* О работе Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета // СЭ. — 1971. — № 6. — С. 167—169; *Томилов Н.А.* Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар. — М., 1972. — 20 с.; и др.

⁸ *Городская культура Сибири: история и культура.* — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. — 153 с.; *Духовная культура народов Сибири.* — Томск: Изд-во ТГУ, 1980. — 184 с.; *История и культура Сибири.* — Омск: Изд. Ом. фил. Объед. ин-та истории, филологии и философии, 1996. — 128 с.; *Источники и методы исследования социальных и культурных процессов.* — Омск: Изд. ОмГУ, 1988. — 174 с.; *Материальная культура народов России.* — Новосибирск: Наука, 1995. — 236 с.; *Народы Сибири и сопредельных территорий.* — Томск: Изд-во ТГУ, 1995. — 320 с.; *Общество и религия.* — Омск: Изд. администрации Омска, 1997. — 100 с.; *От Урала до Енисея (Народы Западной и Средней Сибири).* — Томск: Изд-во ТГУ, 1995. — 188 с.; *Проблемы этнографии и социологии культуры.* — Омск: Изд. ОмГУ, 1988. — 128 с.; *Современная духовная культура народов Сибири и Севера.* — Омск: Изд. ОмГУ, 1989. — 183 с.; *Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири.* — Томск: Изд-во ТГУ, 1981. — 146 с.; и др.

⁹ *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. — Новосибирск: Наука, 1996. — 224 с.; *Коровушкин Д.Г.* Чуваши Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 1997. — 96 с.; *Кривоногов В.П.* Хакасы: Этнические процессы во второй половине XX века. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. — 146 с.; *Лоткин И.В.* Современные этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири. — М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии, 1996. — 255 с.; *Патрушева Г.М.* Шорцы сегодня: современные этнические процессы. — Новосибирск: Наука, 1996. — 224 с.; *Томилов Н.А.* Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск: Изд-во ТГУ, 1978. — 208 с.; *Томилов Н.А., Ахметова Ш.К., Бережнова М.Л. и др.* Решение национально-культурных проблем Омской области. — Омск, 1994. — 71 с.; *Шаргородский Л.Т.* Современные этнические процессы у селькупов. — М.: Изд-во Ин-та этнологии и антропологии, 1994. — 181 с.

КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ И СРЕДНЕЙ СИБИРИ

1. КАЗАХИ

Казахи Западной Сибири представляют собой одну из локальных групп, проживающих за пределами основной территории этноса — главным образом в южных районах Омской и Новосибирской областей. Проблемы этнического развития данной группы в силу ее значительной численности (свыше 100 тыс. чел.) и проживания в этнически смешанной среде представляют несомненный интерес для исследователей и в недавнее время получили освещение в историко-этнографической литературе¹.

Данные, содержащиеся в литературе и архивных документах, позволяют считать началом массовых переселений казахских племен в южные районы Западной Сибири первую четверть XVIII в., хотя известны и более ранние их контакты с народами этого региона и проникновение в Сибирь отдельных родовых подразделений кереев, найманов и аргынов в XIII—XIV вв., группы жалаириков (Большой Жуз) в XV—XVI вв.² В бассейне Иртыша, Ишима и Верхнего Тобола располагались их кочевья. В середине XVII в. вторжения западных монголов в южные районы Сибири отодвинули казахов с этой территории³. После падения Джунгарии в 1758 г. поиски новых пастбищ, внутренние феодальные усобицы вызвали их движение на север. Значительный рост этой группы в Западной Сибири наблюдался и в дальнейшем. К концу XIX в. численность казахов в этом регионе, по данным I Всеобщей переписи населения 1897 г., составила 45 778 чел.⁴

Казахи, проживающие на сибирских территориях, принадлежали преимущественно к Среднему Жузу. Расселение этой группы шло одновременно с формирова-

нием этнического состава населения Юго-западносибирского региона в целом. В расселении казахов можно выделить этапы, связанные, во-первых, с миграционным движением русско-украинского населения в конце XIX — начале XX в., которое повлекло массовое оседание казахов и их более дисперсное распределение в этнически смешанной среде, с массовой миграцией во время голода в Казахстане в 1920—1930-е гг., во-вторых и в-третьих, с притоком населения в 1950-х гг. в ходе освоения целинных земель и завершением формирования современной этнической ситуации исследуемого региона.

Численность казахов в Западной Сибири продолжала расти. По данным переписи населения 1959 г., на равнинной территории Западной Сибири (Омская, Новосибирская и Тюменская области) она составила свыше 58 тыс. чел., к 1970 г. возросла до 73,8 тыс. чел. По данным переписи населения 1989 г., казахов в этих трех областях было 102 995 чел.⁵

Более половины казахов (57,5 % по материалам переписи населения 1989 г.) сосредоточено в сельской местности. Их современное расселение на данной территории в основном отражает ситуацию, сложившуюся издавна. Наиболее компактно они проживают в юго-западных районах Омской области, где составляют от 7 до 12 % населения, и в юго-восточных районах Новосибирской области (Карасукский район — 7,3 %), т.е. в местностях, прилегающих к Северному Казахстану. В Тюменской и Томской областях число казахов незначительно.

Материалы для данной работы были собраны в ходе этнографических экспедиций ОмГУ в 1976, 1977, 1980—1983 гг. в Барабинском, Карасукском, Татарском, Чановском, Чулымском районах Новосибирской области, Исилькульском, Крутинском, Марьяновском, Москаленском, Нововаршавском, Называевском, Русско-Полянском, Таврическом, Шербакульском районах Омской области. Используются материалы историко-этнографических экспедиций Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН 1992—1994 гг., собранные в городах и рабочих поселках Новосибирской и Омской областей.

В Омской области сохраняются однонациональные селения, где число лиц других национальностей сводится к единицам. Так, треть казахского сельского населения проживает в 60 однонациональных поселках. Среди них имеются довольно крупные аулы: Каскат (628 чел.), Домбай (589 чел.), Байдалин (513 чел.) и др.

Для Новосибирской области характерно более дисперсное расселение казахов в иноэтнической среде: в десяти однонациональных селениях проживало менее $\frac{1}{10}$ всего казахского населения области. Подобное соотношение характерно и для других областей Западной Сибири. Однонациональные аулы повсеместно соседствуют с русскими и украинскими населенными пунктами, в Исилькульском, Марьяновском, Москаленском районах Омской области — с немецкими деревнями. В Большереченском районе Омской области, Кургатском и Чановском районах Новосибирской области казахи живут чересполосно с татарами.

Тенденция к расселению в смешанных в национальном отношении селах особенно проявилась в последние десятилетия в связи с процессом укрупнения хозяйств, что привело к исчезновению многих мелких казахских населенных пунктов, жители которых разъехались по центральным усадьбам, где основным было население других национальностей.

Городское казахское население составляет, по данным переписи населения 1989 г., 42,6 % от общего числа этой группы в Омской и Новосибирской областях. Значительная часть городских казахов сосредоточена в Омске и Исилькуле Омской области. Причем в Омске они проживают более или менее значительными компактными массивами в частных секторах Кировского, Куйбышевского, Центрального и Ленинского районов. Городское казахское население растет гораздо более быстрыми темпами, чем сельское, главным образом за счет миграций, а также естественного прироста.

Дисперсное расселение в этнически смешанной среде в городе и в селениях со смешанным составом привело к обширным межэтническим контактам прежде всего в производственной сфере и в быту. Однако в

семейно-бытовой сфере западно-сибирская группа казахов сохраняет определенную замкнутость. Об этом свидетельствуют и данные статистики, исследование которой за ряд лет (1935—1982) по сельской местности позволяет сделать вывод о преимущественном заключении однонациональных браков на протяжении всего рассмотренного периода. Доля смешанных браков составляет 7—8 % от общего числа.

Незначительная тенденция к увеличению национально-смешанных браков главным образом с представителями татарской, русской, реже украинской и других национальностей проявилась в последние десятилетия. Анализ данных об определении национальности детьми из смешанных семей по данным паспортных столов также свидетельствует об устойчивости группы казахов Западной Сибири в этнически смешанной среде. Дети в таких семьях традиционно «избирают» национальность отца-казаха, ибо межнациональные браки заключают преимущественно мужчины.

Личное подсобное хозяйство казахов имеет определенную специфику, связанную с традициями скотоводства. По данным похозяйственных книг сельсоветов, казахская семья в среднем содержит одну-две лошади, две-три коровы, пять-шесть овец, многие держат пуховых коз, домашнюю птицу: кур, гусей, уток, разводить которых начали с 1940-х гг. При уходе за животными сохраняются многие рациональные традиционные приемы содержания. Со второй половины сентября по апрель скот находится на стойловом содержании, для его прокорма в июне — начале августа вручную заготавливают сено. Все орудия труда, используемые в подсобном хозяйстве казахов, покупные. С весны скот переводят на подножный корм. Выпас в покотинах и засеках для хозяйства казахских аулов не характерен.

Огородничество развито в значительно меньшей степени. Приусадебные участки казахских семей в основном небольшие. В аулах лишь у некоторых семей перед домом располагаются несколько грядок с луком и огурцами, другие овощи редки. Не выработались в достаточной мере трудовые навыки, связанные с этим видом

занятий: не всегда окучивается картофель, пропалываются и поливаются грядки.

Домашнее хозяйство не носит товарного характера, служит для удовлетворения потребностей одной семьи. Однако излишки молока сдают на государственные сливкоотделительные пункты, а осенью мясо или живой скот продают государственным или коммерческим заготовителям. Мясом и молочными продуктами также торгуют на рынках или на улицах городов, подъезжая на машинах к домам.

Охота практически утратила свое значение. Рыболовство распространено лишь в тех местах, где имеются природные водоемы. Способы лова были заимствованы у русских. Применяют садки, невод, сети, удочки. Массовый характер носит сбор лесных ягод, из которых варят варенье, а часть продают.

Домашнее производство у казахов утратило свое значение. Ушли в прошлое выделка кож, обработка дерсва и металла. Однако некоторые виды домашних ремесел сохранились и поныне. Это прежде всего производство, связанное с обработкой шерсти. Широко распространены в быту сельских казахов войлочные ковры, изготовленные в домашних условиях. Обычно валяют отдельно белый и черный войлоки из некрашеной шерсти. Техника валяния традиционная⁶, но вместо специальной чиевой циновки для валяния (*ши*) используют брезент. У казахов Западной Сибири распространены следующие виды войлочных ковров: *сырмак*, *текемет*, *тус кигыз*, *кигыз*. На изготовление первых трех отбирают шерсть высокого качества. *Сырмак* делают из мягкого войлока, на который накладывают вырезанные по трафарету традиционные узоры из войлока или ткани и по контуру прострачивают вместе с основой. *Текемет* получают из более плотного и твердого войлока. В отличие от *сырмака* узор на нем накатан из войлока. *Текемет* часто бывает однотонным, без орнамента. Края его обшивают. *Сырмак* и *текемет* используют в качестве напольных ковров. *Тус кигыз*, как настенный ковер, изготавливают из более тонкого войлока, на который методом накатывания наносят орнамент из войлока контрастных тонов. Из

остатков шерсти валяют *кигыз*, который стелят на пол в прихожей или в комнатах под другие ковры.

Повсеместно распространены напольные и настенные ковры, выполненные из ткани методом аппликации. Обычно их шьют из квадратных лоскутков саржи, вельвета или плюша (*жиртыс*), аккуратно соединяя в виде геометрических фигур. Часто сверху нашивают орнамент *кошкар мюиз* в различных вариациях. Края узора обшивают цветной тесьмой. Настенные ковры могут быть по бордюру украшены национальной вышивкой — *кесте*. Однако в целом вышивка — довольно редкое явление, не характерное для ковров казахов Западной Сибири. Напольные коврики (*төр көрпе*) обычно стелят в гостевой комнате или при приеме гостей, для мягкости набивая пухом, пером, ватой или поролоном.

У казахов Омской области распространено ткачество. Ткут на наземном узконавойном станке (*ормек*) традиционной конструкции. Нитки, spunенные при помощи деревянного веретена (*уршик*), окрашивают в яркие цвета химическими красителями. Ранее краски получали домашним способом из растений. На станке ткут дорожки шириной 35—40 см, которые затем сшивают в напольный ковер (*алаша*), пользующийся большой популярностью. У казахов Новосибирской области ткачество не получило распространения.

Женщины часто шьют детскую одежду, платья и рубашки взрослым. Из козьего пуха и овечьей шерсти вяжут шали, рукавицы и носки.

В отличие от женских мужские ремесла почти полностью утратили свое значение. В сельской местности изготавливают пользующиеся спросом веревки из овечьей шерсти и конского волоса. Из них делают путы (*тусау*) и уздечки для жеребят (*нокта*). Кустарное изготовление шорных изделий и седел исчезло. Упряжь предпочитают покупать в магазинах. Традиционные казахские седла с деревянной основой (*ер*) вышли из употребления. Все встреченные нами экземпляры изготовлены в первой трети XX в. и уже давно находятся в нерабочем состоянии.

Значительно изменились средства передвижения казахов. Многие традиционные виды транспорта (волокуши для перевозки грузов, двухколесная арба) исчезли. В

сельском хозяйстве при подсобных работах еще применяют тележно-санный транспорт. В личном хозяйстве как в городской, так и в сельской местности на нем ездят на покосы за сеном, привозят воду и выполняют другие виды работ. До сих пор распространена верховая езда в большей степени в сельской местности, нежели в городской, хотя встречается и там, особенно в Омске и Омской области — по делам и в гости в соседние селения и районный центр, добираются в распутицу на работу, пасут скот. Любовь к верховой езде казахи прививают с детства. Одним из наиболее почитаемых видов развлечений на народных гуляньях являются скачки на лошадях (*байга*). Иногда при свадебном ритуале в сельской местности используют верховых и запряженных лошадей.

Вместе с тем современные виды транспорта получили самое широкое распространение. Многие казахи имеют в личном пользовании легковые автомобили, мотоциклы и мотороллеры, велосипеды. Между селениями, а также в районные и областные центры и близлежащие города налажено автобусное сообщение. В районах проживания казахов Западной Сибири проходят основные железнодорожные магистрали. В сельской местности для перевозки людей на работу, учащихся в школу используют автомобильный транспорт. Таким образом, традиционные средства передвижения в значительной мере вытеснены современными видами транспорта.

Большие изменения произошли в поселениях и постройках казахов Западной Сибири. Существует один тип поселений — круглогодичный стационарный. Летом на отгонных пастбищах, расположенных поблизости от стационарных поселков, находятся лишь два вагончика или домик для пастухов. Доярки ежедневно выезжают на утреннюю и вечернюю дойку.

В результате укрупнения казахских аулов в 1970-е гг. увеличилось число поселков со смешанным национальным составом, что способствовало этническим контактам. Увеличился приток казахов в крупные села, поселки городского типа и Омск. В таких многонациональных населенных пунктах казахи поселяются равномерно, так же как русские и украинцы в казахских. В казахско-татарских деревнях, существующих издавна, до сих пор

сохраняется в сглаженном виде деление на татарский и казахский концы. Основная масса казахских аулов возникла в процессе оседания кочевого населения в годы коллективизации. Они основывались в 1—3 км от бывших зимних стоянок с гнездовым типом поселения, черты которых сохраняются и поныне. Большинство современных поселений имеет уличную или линейную планировку, хотя по окраинам селений сохраняется некоторая разбросанность усадеб. В центре обычно находятся здания общественного назначения: школа, клуб, магазин, контора, на окраине — баня. Для казахских аулов характерна слабая озелененность, деревья и цветы сажают вокруг школы и других общественных зданий.

По данным похозяйственных книг сельсоветов, около 85 % всех домов в обследованных нами деревнях были построены в послевоенный период. Дома располагаются фасадом на улицу, вход в жилище с противоположной стороны или сбоку. В одних случаях жилые дома выходят стеной прямо на улицу, не будучи огорожены, в других — они чуть отступают вглубь и отделяются от улицы штакетником или жердевым забором. Усадьбы огорожены жердевыми или плетневыми заборами, глухие из теса встречаются редко. Зачастую можно увидеть неогороженные усадьбы, особенно в старых аулах. Изредка встречаются крытые полностью дворы, что является следствием связи жилых помещений с хозяйственными постройками в прошлом.

Комплекс жилых и хозяйственных помещений, принадлежащих одной семье, образует усадьбу, ее размер обычно 0,2—0,5 га. Жилой дом иногда стоит вдоль улицы либо перпендикулярно ей, но всегда фасадная сторона и большое число окон выходят на улицу. На усадьбе за домом, изолированно от него, располагаются летняя кухня, различные хозяйственные помещения для скота и птицы, летние огороженные жердями загоны, туалет. В комплексе хозяйственных построек казахской усадьбы отсутствуют личные бани. Позади всех построек большой участок земли засажен картофелем. Иногда небольшие огородные грядки с луком, огурцами и другими овощами возделывают между жилым домом и ули-

цей или рядом с домом. Двор обычно занимает большую территорию, хозяйственная половина ничем не отделена, зеленые насаждения часто отсутствуют. Посреди двора зачастую расположена летняя казахская печь, сложенная из кирпича и обмазанная глиной, иногда она огорожена жердями. Такие печи встречаются в южных районах, более близких к Казахстану.

Значительная часть жилых домов постройки нового типа — современные дома из кирпича и шлакоблочных или керамзитовых плит, а также деревянные насыпные дома. Ближе к северной лесной зоне встречаются дома, срубленные из бревен или брусьев, в южных безлесных районах с большим массивом украинского и южно-русского переселенческого населения дома сложены из саманного кирпича. Исчезли дерновые постройки, широко распространенные в 1930—1940-х гг. как постоянные жилища казахов.

Для новых домов характерны многокомнатная планировка, увеличение общей кубатуры жилища, размеров и количества окон, наличие прочного бутобетонного или кирпичного фундамента, деревянных крашенных полов. Крыша в таком доме стропильная, дву- или четырехскатная, крытая шифером. Распространены плиты из кирпича, реже из железа, в некоторых домах имеются комбинированные печи с плитой. Отопление в новых домах, как правило, паровое. Некоторые современные дома имеют карнизы и наличники с орнаментом, что следует считать новым явлением. Снаружи дома оштукатурены или обмазаны глиной и побелены. Деревянные стены обычно окрашены. По данным опроса, 67,1 % казахов отметили, что в их жилище не сохранилось традиционных черт.

Ко второму типу жилых домов относятся постройки первой половины XX в. или послевоенных лет, но имеющие черты, характерные для традиционных казахских жилищ конца XIX — начала XX в. Так, 17,3 % опрошенных казахов отметили сохранение таких черт в планировке жилища. Это дома дву- или однокамерные. Жилых помещений может быть и несколько, но они очень малы. Характерно малое количество окон и небольшие их раз-

меры. Окна расположены высоко над полом, «глухие». Некоторые из этих жилищ не имеют фундамента, пол глинобитный. Крыша двускатная, на стропилах покрыта шифером. Реже в таких домах встречается плоская или пологая двускатная кровля, держащаяся на одной-двух матах, поперек которых уложены жерди, застланные хворостом и пластами дерна. Стены этого типа домов сложены из самана или сырцового кирпича, снаружи обмазаны глиной, побелены известью. Сохранение традиционных черт в своих жилищах во внешней отделке отметили 3,5 % сельских казахов — стены их домов обмазаны белой глиной без побелки.

Встречаются жилища, представляющие собой большие однокамерные помещения, где основные балки кровли поддерживаются дополнительными столбами у стен или посередине комнаты. Печь находится напротив входа и делит жилище на две части. Именно в устройстве печи своего жилища 9,1 % информаторов нашли национальные отличия. Это обычная для районов Восточного, Северного и Центрального Казахстана в начале XX в. печь — *казандык* с дымоходом (с обогревателем в виде стенки высотой 1,2—1,5 м)⁷. В пос. Каржас Омской области до сих пор стоит саманный дом с печью — *казандык*, построенный в 1922 г. Его длина 9 м, ширина 6, высота потолка 2,8 м. Дом состоит из гостиной (*тор*), двух спален и кухни (*ауыз уй*). Печь со стеной-обогревателем отделяет гостиную от кухни. Однако такая характерная особенность казахской печи, как вмазанный в нее котел, стала уже большой редкостью.

В домах старого типа помещение обычно подразделяется на хозяйственную и жилую части. Передняя, ближняя к входу комната служит кухней, где на печи готовят пищу. Здесь же может стоять детская кровать, зимой хранится утварь и многие виды одежды, необходимые продукты. Дальняя комната — гостевая, парадная, там же обычно спят взрослые. В новых многокомнатных домах изменилось и функциональное назначение комнат. Жилище уже не делится на «хозяйственную» и «жилую» половину, «женскую» и «мужскую». В больших домах выделяют детские спальни. Однако в парадной комнате

всегда стоит красиво убранная кровать для гостей или приезжающих родственников.

Национальные черты в интерьере своих жилищ отметили 14,6 % информаторов. Это малое количество мебели и расположение ее вдоль стен: кровать, зачастую с пологом, сундуки со сложенными на них постельными принадлежностями, свернутыми войлочными или матерчатыми коврами домашнего производства. Стены украшены настенными войлочными коврами (*тус кигыз*), на полу — тканые ковры (*алаша*).

Большинство домов обставлено современной мебелью, которая меняется в зависимости от моды. Так, если в 1970-е гг. в парадной комнате обычно стояли пышно убранная кровать, высокий обеденный стол, стулья, шифоньер, шкаф или сервант для красивой посуды, трюмо или трельяж, иногда письменный стол и книжный шкаф, то в 1980-е гг. они были заменены стенкой и набором мягкой мебели с журнальным столиком. Окна украшены легкими тюлевыми и тяжелыми плотными гардинами, на стены повешены в больших деревянных рамках фотографии и зеркала. Широко распространена современная бытовая техника: стиральные машины, холодильники, телевизоры, магнитофоны, радиоприемники, пылесосы и т.д. Интерьер жилищ в сельской местности отличается от городской лишь преобладанием в ней национальных элементов. Это прежде всего связано с украшением жилища традиционными войлочными коврами (*сырмак, текемет, тус кигыз*) и ткаными шерстяными дорожками (*алаша*), а также наличием большого количества ковров фабричного производства.

В последние полтора-два десятилетия в жилище городских казахов произошли большие изменения, вызванные переселением в благоустроенные квартиры многоэтажных домов. В Омске в конце 1970-х — 1980-е гг. был снесен значительный массив частного жилищного сектора в Кировском и Куйбышевском районах — местах компактного проживания казахов. При переезде в многоквартирные дома предметы домашнего обихода, характеризующиеся этническим своеобразием, были заменены на современные промышленные изделия. Так,

низкий казахский стол и *төр көрпе* стали использовать большей частью только для приема гостей, вместо *алаша* и других национальных ковров — паласы и ковры промышленного изготовления.

Многие традиционные черты, присущие прежним жилищам казахов, перенесены теперь на хозяйственные постройки. У казахов Омской области широко бытуют летние кухни (*шошала* и др.) четырехугольной формы, а изредка восьмиугольной или даже округлой, что характерно для жилых построек XIX в. Круглые постройки имеют сферическую крышу с отверстием наверху для выхода дыма, стены зачастую плетеные и обмазанные глиной. Как известно, эта форма характерна для оседлого казахского жилища, распространенного до последней четверти XIX в. В последнее время *шошала* стала строиться в форме четырехугольника из самого разного материала: бревна, саманный кирпич, солома между двух рядов жердей, плетень с глиняной обмазкой. Фундамент отсутствует. Крыша плоская или односкатная, покрытая дерном. Интересен тот факт, что и *шошала*, которая является своеобразным носителем традиционных черт прошлого казахского жилища, имеет черты современных построек. Так, крыша кроется шифером, возводится фундамент, проводится газ. Для казахов Новосибирской области роль хозяйственных построек часто играют дома, служившие жилищами еще в 20—30-е гг. XX в., стены которых сложены из дерна.

Крытые загоны для скота (*кора*) сооружают по образцам старых дерновых жилищ. *Кора* имеет прямоугольную форму, наиболее распространенные стены — плетень с глиняной обмазкой, но встречаются и рубленые из бревен, сложенные из саманного кирпича, реже — из соломы между двух рядов жердей или жердей, обмазанных глиной. Крыша плоская и двускатная покрыта часто дерном, реже железом, шифером, соломой «в натруску» или уложенной снопиками.

Новым явлением стало строительство отдельных помещений для домашней птицы. Кроме крытых помещений для скота, служащих в основном для их зимнего содержания, во дворе располагаются большие летние

загоны, огороженные одним-двумя рядами жердей, а также плетневые загородки для содержания птицы. Обычны плетневые заборы из камыша.

В 1970-е гг. вошли в быт насыпные деревянные хозяйственные постройки. Гаражи строят дощатые или кирпичные. В последние десятилетия в городской местности стали использовать железобетонные и металлические гаражи промышленного производства.

Значительно изменилась одежда казахов. В основном распространена покупная. При опросе у 88,5 % информаторов отличий с одеждой окружающего их наиболее многочисленного населения региона не нашли. Национальные вкусы проявляются в выборе тканей. Традиционную одежду предпочитают шить из вельвета, плюша, бархата, атласа, различных шелков.

Мужчины раньше перешли на городской покрой одежды. Более 70 % информаторов мужского пола носят современные унифицированные виды одежды. Некоторые национальные элементы прослеживаются в одежде мужчин преклонного возраста. Это характерно прежде всего для головных уборов (тюбетейки, шапки с меховой опушкой — *борык*, меховые шапки — *тымак*), верхней одежды (*камзол*, *шапан*, *бешмет*), обуви (высокие мужские сапоги — *байпагы* или *койше бар етык*, низкие сапоги для обоего пола — *маше*). Чаще других видов верхней одежды используется *шапан*, причем обычно их бывает два вида — праздничный и повседневный. Большую часть национальной одежды шьют в домашних условиях, но отдельные ее виды покупают. Омские казахи часто ездят за тюбетейками и сапогами в соседнюю Северо-Казахстанскую область. Часть национальной одежды сохраняется в память об умерших родственниках или как образцы национального мастерства. Так, во многих семьях мужчины хранят старинные кожаные пояса (*бельбеу*) с металлическими застежками и бляхами, украшенными национальными орнаментами, выполненными в технике чернения, гравировки, чеканки. Национальную одежду предпочитают носить 26,1 % мужчин, из них 59,1 % относится к возрастной группе 60 лет и более, 36,3 % — к группе 50—59 лет.

В женском костюме этнической специфики сохранилось несколько больше. Женщины старших возрастных групп предпочитают носить платья традиционного покроя, поверх которых надевают камзол или короткую жилетку. Женщины преклонного возраста носят традиционные нижние штаны (*дамбал*) и мягкие кожаные сапоги (*маше*). Основным головным убором замужних женщин является платок, который они завязывают узлом на затылке. До недавнего времени существовала традиция пошива девочкам национальной шапочки (*такии*) с перьями филина наверху, играющими роль оберега. Такие шапочки иногда шьют и сейчас, причем перья филина могут быть заменены перьями любой другой птицы. Эти шапочки не носят, а просто хранят в семье. Их шьют и для участников художественной самодеятельности. В качестве нарядного головного убора распространены шелковые шали с кистями, зимой — пуховые шали. Молодые женщины и девушки предпочитают современные вязаные береты и шапочки, зимние меховые шапки. В холодное время носят плащи, пальто и шубы. 49,2 % опрошенных женщин не нашли отличий в одежде с окружающим их населением. Национальную одежду предпочитают носить 42,1 % информаторов женского пола, из них 83,8 % относятся к возрастной группе 60 лет и более, 36,3 % — к группе 50—59 лет.

Из многих распространенных в прошлом украшений бытуют серьги (*сырга*), кольца (*жузук*), браслеты (*блезык*) из серебра и различных светлых металлов. Их покупают в Казахстане или заказывают местным мастерам (*зергерам*). В некоторых семьях из поколения в поколение передают старинные украшения. Для омских казахов характерно украшение женских камзолов монетами, использование вместо пуговиц традиционных застежек — *капсырма*.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. обострение межнациональных отношений в стране и демократические преобразования вызвали рост национального самосознания и образование новых структур при местных органах власти — национальных культурных центров. В результате деятельности этих центров, направленной на возрожде-

ние и развитие традиционной культуры этноса, в Омске и Омской области в среде молодежи повысился интерес к национальным элементам в одежде и украшениях.

Одежду для детей в основном покупают или шьют дома. В сельской местности часто на одежду новорожденного нашивают треугольные амулеты (*тумар*). Зафиксированы случаи, когда в семье, где долгое время не было детей, ребенку, чтобы уберечь его от болезней и несчастий, шили одежду из лоскутков (*жиртыс*), которые принято раздавать на различных традиционных мероприятиях.

Обрядовой одежды у казахов Западной Сибири нет. На похороны надевают обычную одежду, избегая только ярких цветов и украшений. Как правило, на свадьбе жених и невеста в европейском костюме и платье с венком и фатой, иногда шьют для этой цели стилизованные в национальном духе наряды.

Национальную одежду надевают на традиционные и религиозные праздники. Пожилые люди носят ее и дома. На работу и для выхода в общественные места используют одежду европейского образца. В этом проявляется отличие функционального назначения традиционной и современной одежды. В целом же распространение среди опрошенного населения национальных видов одежды выглядит следующим образом: верхней одежды — 33,6 %, обуви — 37,0, головных уборов — 24,7, украшений — 19,9 %.

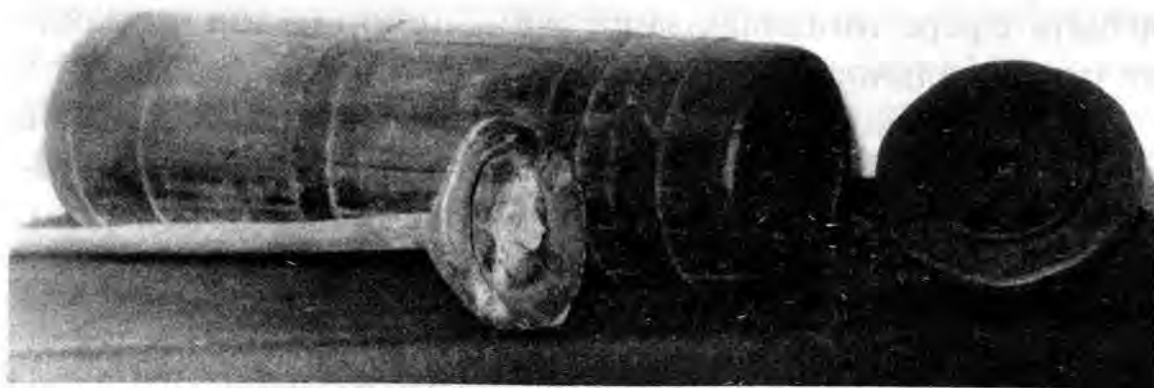
К одному из наиболее важных элементов материальной культуры относится пища. В современных условиях стандартизации и унификации многих явлений культуры и быта сфера пищевых запретов и приоритетов сохраняет максимальное количество этнически значимых черт.

Важным компонентом в системе питания казахов Западной Сибири являются молочные продукты, причем употребляют молоко коров, овец, коз и кобылиц. Самое распространенное — коровье молоко, козье и овечье употребляется реже, в основном в аулах южных районов Омской области и в Чановском и Чулымском районах Новосибирской области. В рацион питания сибирских казахов входят такие молочные продукты, как

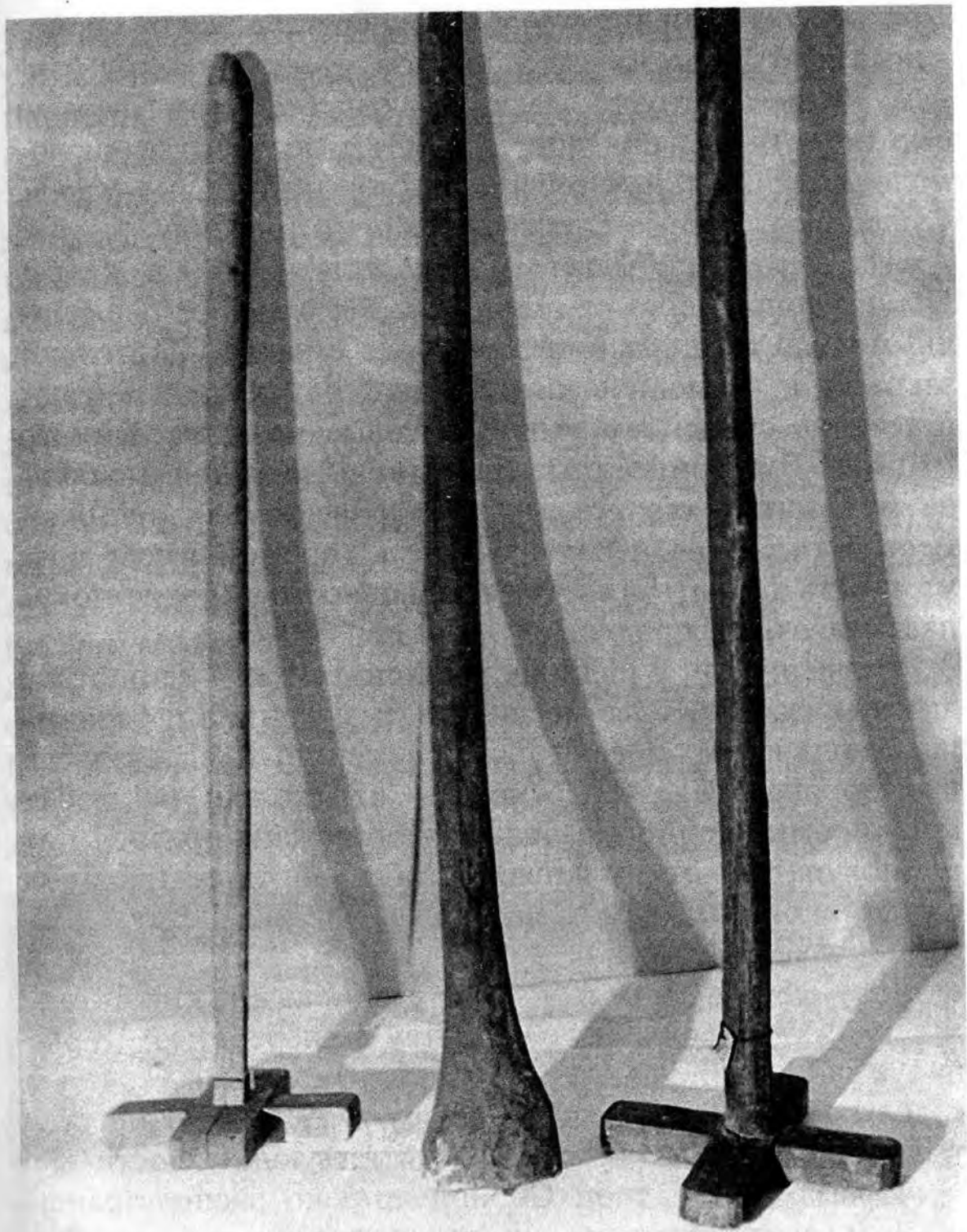
сметана, сливки (*каймак*), простокваша (*айран*), творог (*ірімшік*), сыр (*курт*), кисломолочный напиток из кобыльего молока с низким содержанием алкоголя (*кумыс*), молоко (*сут*). Для продуктов, требующих переработки, за исключением кумыса, используют в основном коровье молоко. После отела первое молоко коровы кипятят до образования густой творожной массы (*уыз*), которой угощают соседей и родственников. Раньше *уыз* получали другим способом. Молоко наливали в высушенный бараний желудок, который завязывали и варили в кипятке. В Исилькульском районе Омской области *уыз* запекают в духовке, добавляют муки и выпекают оладьи или лепешки.

Среди молочных блюд более всего распространены сливочное масло (*май*), сливки и сметана (*каймак*). *Каймак* получают, пропуская кипяченое или сырое молоко через сепаратор или взбивая в маслобойке мутовкой. Сырое молоко при этом слегка подогревают, опускают в погреб, выдерживают не менее недели. Особое лакомство — кипяченые с сахаром сливки (*кайнаткан каймак*).

Для получения масла сливки взбивают мутовкой в маслобойке. Масло обычно хранят в стеклянной или эмалированной посуде в прохладном месте. В аулах предпочитают его держать в овечьем или коровьем желудке (*карын*). Считается, что вкус масла при этом улучшается. Сливочное масло принято солить, хотя не все придерживаются этого правила.

Маслобойка — майшелек, пспешелек (аул Большой Исака Шербакульского района Омской области, фото 1993 г.).

Типы мутовок пспек (аул Каскат Исилькульского района Омской области, фото 1993 г.).

Из кислого молока получают творог (*ірімшік*). Различают два вида *ірімшіка* — белый (*ак*) и желтый (*сары*) или красный (*кызыл*). Первый получают из свернувшегося молока или обрата процеживанием или кипячением.

При долгом кипении творог приобретает желто-коричневый цвет, поэтому его называют *сары*, или *кызыл ірімшік*. Из него готовят сладкое блюдо (*коспа*) и твердый сыр (*курт*). Большой популярностью пользуются кисломолочные напитки. Особенно часто употребляют *айран*. Существуют разные способы его приготовления⁸.

Из свежего кобыльего молока казахи готовят *кумыс*. Процеженное через сложенную в несколько слоев марлю молоко сливают в специальную емкость, добавляют закваску и периодически взбивают; чем чаще взбивают в течение суток, тем выше вкусовые качества данного напитка. Вышеописанные традиционные молочные блюда и напитки характерны прежде всего для сельской местности. Лишь небольшая часть горожан имеет возможность держать животных, основное население покупает молочные продукты.

Главная роль в рационе казахов и по сей день отводится мясу. Наиболее предпочитаемы конина и баранина. Блюда из них подают при приеме гостей, на свадьбах и похоронах. Следует отметить, что казахи не любят мясо промышленного забоя. Даже горожане предпочитают покупать скотину живой, чтобы забить ее традиционным способом. При забое придерживаются следующего порядка: связывают ноги, валят на бок головой в сторону Коблы (*Кааба*), просят извинения у животного, произносят специальную молитву и перерезают горло над емкостью, куда спускается кровь, затем отрезают голову. После снятия шкуры тушу разделяют по суставам, получая части мяса, соответствующие кости⁹.

У казахов Западной Сибири широко распространен обычай заготавливать на зиму конину (*согым*). Горожане забивают лошадь у родственников, живущих в частном доме или в деревне. Лошадь всегда стоила дорого, поэтому обычно две-три родственные семьи сообща покупают ее. Мясо делят согласно частям туши, не взвешивая. Разница при этом составляет всего несколько граммов. В день забоя хозяйка непременно готовит ритуальное блюдо — *куурдак* — жаркое из мелконарезанного свежего конского мяса и ливера с картошкой, приглашает к столу соседей и забойщиков. При встрече казахи

узнают друг у друга о *согым* и поздравляют, если забой уже состоялся. В течение всей зимы продолжаются приглашения в гости. Этот праздник называют *омыртка* или *дамге шакыру*, т.е. приглашение отведать.

Молодые первыми приглашают старших, отдавая им дань уважения. Те в свою очередь делают ответное приглашение. В сельской местности на *омыртка* зовут всех аульчан. Горожане общаются только с определенным кругом родственников, друзей и соседей. Гостей приглашают по количеству блюд с мясом. Одно большое блюдо рассчитано на семь—десять человек и включает все гостевые части. Если гостей более десяти человек, добавляют одно малое блюдо, содержащее небольшие куски мяса, считающиеся почетными. При варке мяса опытные хозяйки часто взбалтывают воду (*сапыру*), чтобы бульон (*сорпа*) получился более наваристым. Мясо не должно быть жестким или сильно разваренным. Считается позором для хозяйки, если мясо отходит от костей. Мясо (*ет*) во всех торжественных случаях заправляют тонко раскатанным пресным тестом (*жайманан* или *салманан*). На блюдо накладывают *жайманан* и целые куски

Табак-блюдо (г. Карасук Новосибирской области, фото 1993 г.).

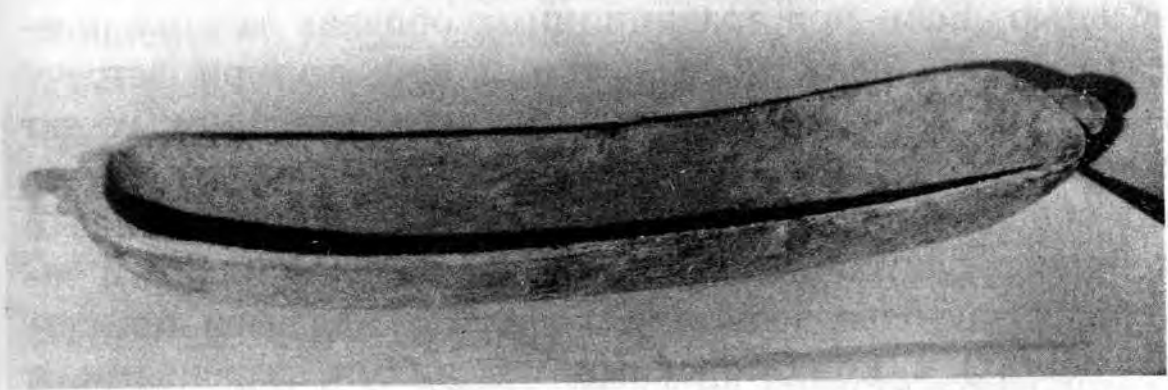
мяса с костью. Хозяин дома или кто-либо из гостей режет их, распределяя кости по иерархической системе¹⁰. Остальное мясо нарезают в общее блюдо, которое затем поливают соусом (*туздык*) из густо посоленного бульона, приправленного луком и по желанию тертой морковью, зеленью, перцем. В конце трапезы подают в пиалах бульон, в который иногда добавляют *айран* или *курт*. В Омской области по окончании мясной трапезы молодые мужчины состязаются в силе, стараясь разбить толстую кость (*жилик*) руками. После застолья старший из гостей читает краткую молитву с добрыми пожеланиями гостеприимному дому. На прощание хозяйка одаривает женщин гостинцами для детей и делит между гостями оставшееся мясо.

С наступлением весны оставшееся конское мясо коптят в три этапа. Мясо солят, сушат на солнце или в сарае, после чего приступают к копчению. Этот процесс характерен больше для казахов Омской области. Казахское население Новосибирской области предпочитает вяленое мясо¹¹.

Большую роль в системе питания исследуемого этноса региона играет растительная пища. Особое место в ней занимают блюда, приготовленные из муки. Традиционным продуктом питания стал хлеб, который покупают в магазине или пекут сами. Выпечка хлеба характерна для сельской местности. Из теста пекут разные лепешки: *жука нан*, *таба нан*, *шельпек*. Популярны пышки из кислого теста (*баурсаки*). В будние дни также часто пекут оладьи (*куймак*), пирожки (*бирек*, *сомса*) с начинкой из картофеля, мяса с ливером, риса с яйцом, капусты, творога и т.д.

В пище казахов много заимствований из национальных кухонь других народов: котлеты, манты, пельмени, плов, борщ, пироги, торты и т.д. Из татарской кухни пришел *балиш*, который пекут из пресного или кислого теста с начинкой из разных видов мяса.

Под влиянием русского населения в быт казахов вошли огородничество и садоводство. Картофель употребляют в пищу почти ежедневно в вареном, тушеном, жареном виде в качестве основного блюда или гарнира.

Астау — корытообразное блюдо (г. Карасук Новосибирской области, фото 1993 г.).

Астау — корытообразное блюдо (аул Бузан Русско-Полянского района Омской области, фото 1993 г.).

Обычными в пище казахов стали компоты из свежих и сухих фруктов, варенья, салаты из свежих овощей, соки, соусы, зимние салаты, квашеная капуста.

В степных аулах, где испытывают трудности из-за отсутствия воды, огородничество распространилось среди молодых семей в начале 1980-х гг. Но жители всегда покупают овощи в магазине или в соседних русских деревнях. Среди сельчан особой популярностью пользуются соленые помидоры и огурцы, которые заготавливают сами, и квашеная капуста, которую часто покупают у местного русского населения или в магазине.

Гостям и в сельской, и в городской местностях к мясу подают различного рода соленья и салаты, *туздык* заправляют мелко нашинкованной морковью, луком и зеленью. Если при традиционных обрядах за стол принято сажать дважды: на мясо и чай, то при встрече гостей по случаю дня рождения или праздничных дат многие представители интеллигенции накрывают стол по общепринятым европейским стандартам начиная с холодных закусок, дважды подавая горячие блюда и завершая застолье чаем или кофе (по желанию присутствующих) с кондитерскими изделиями, вареньями и выпечкой. К холодным закускам и мясным блюдам подают спиртные и безалкогольные напитки.

Если в прошлом почти не употребляли рыбу и грибы, то теперь они пользуются успехом у людей среднего и молодого поколения. Рыбу едят в основном жареную, иногда варят уху, изредка ее солят и сушат. Более всего употребляют соленые грузди, которые заготавливают сами.

Процент знания национальных блюд у казахов Западной Сибири довольно высок. Лишь 4,6 % информаторов не смогли назвать ни одного блюда национальной кухни, 66 % знают четыре и более.

Казахи Западной Сибири продолжают придерживаться целого комплекса обычаев и обрядов, особое значение в которых придается ритуальной пище¹². На поминки и в течение года каждый четверг пекут *шельпек*, для установления родственных отношений на свадебных церемониях принято угощать печенью с курдючным салом (*куйрық бауыр*). На празднике в честь новорожденного подают курдюк и шею и т.д.

В повседневной жизни казахов данного региона наряду с посудой промышленного производства в сельской местности используется и традиционная утварь домашнего изготовления. По данным этнографических экспедиций ОмГУ 1976 и 1982 гг., для приготовления кумыса в аулах Каскат Исилькульского района Омской области и Амангельды Карасукского района Новосибирской области использовали кожаные бурдюки (*саба* и *торсык*), сшитые из коровьей или конской шкуры. Для хранения масла выделывают бараний желудок или

кишки. Масло, сметану и кумыс взбивают деревянными маслобойками (*испешелек, майшелек, купильдек*). Как в сельской, так и в городской местности широко распространены чугунные котлы (*кумра и казан*). Большие деревянные блюда для мяса были заменены на аналогичную эмалированную, фаянсовую, фарфоровую и металлическую посуду.

В духовной культуре сибирских казахов произошли не менее значительные изменения. Многие ее традиционные элементы проявляются лишь в виде реликтов. Вместе с тем в условиях развития средств коммуникации, телевидения и радиовещания расширились возможности приобщения казахов Западной Сибири к многонациональной российской и мировой культуре.

Этнические процессы, протекающие в сфере духовной культуры, тесно взаимосвязаны с языком. Одной из наиболее характерных черт духовной культуры казахов является русско-казахское двуязычие. Высок уровень владения русским языком. В городской местности Омской области с 76 % в 1970 г. он повысился до 84,9 % в 1989 г. Функции русского языка в чтении периодических изданий и художественной литературы во много раз превосходят функции казахского языка. По данным этносоциологического опроса, 61,2 % информаторов села и 89,8 % — города читают газеты и журналы на русском языке, художественную литературу — на русском 27,5 % селян и 79,7 % горожан. Преимущественно на русском языке читается учебная, общественно-политическая и научно-техническая литература¹³.

У определенной части населения сохраняется интерес к печатным изданиям на родном языке. На казахском языке читают периодику 43,5 % сельских жителей и 28,3 % горожан. Количество подписных изданий на казахском языке постоянно уменьшается. Так, в 1976 г. казахи Омской области выписывали 234 экз. газет и 4411 экз. журналов на родном языке, в 1982 г. количество выписываемых газет сократилось до 165, а журналов до 4205 экз.

При ответах на вопрос о предпочтении слушать концерты художественной самодеятельности на казахском или русском языке 42,7 % информаторов выбрали род-

ной язык и 39,4 % — русский. Многие информаторы любят слушать казахское радио, пластинки и магнитофонные записи как со старинными, так и с современными песнями на казахском языке, которые они привозят из Казахстана. У молодежи большой популярностью пользуется современная русская и зарубежная эстрада. Развивается народное самодеятельное творчество. Во многих аулах имеются фольклорно-этнографические ансамбли. На областном конкурсе «Аншы балапан», устраиваемом казахским национально-культурным центром «Мольдир» и Омским областным отделением Республиканского общества «Казак тілі», призовые места неоднократно завоевывали коллективы художественной самодеятельности аула Домбай Марьяновского района, аула Каскат Исилькульского района, Каратальской средней школы.

К области духовной культуры, в которой ярко проявляется этническая специфика, относятся праздники и обряды, адаптированные к современным условиям. Значительной адаптации подвергся комплекс обрядов, связанных с рождением ребенка, которые можно разделить на следующие этапы: до 40 дней, после 40 дней, когда наступает пора ходить и год, причем последние два часто совпадают. Младенцу дают имя родители до 40 дней, для чего приглашают муллу. Мулла, прочитав соответствующую молитву, произносит в ухо ребенку его имя. По истечении 40 дней проводят обряд *кыркынан шыгару* (*кырык* — 40, *шыгару* — вытащить). Ребенку впервые подстригают ногти и волосы, обмывают в 40 ложках воды, настоянной на серебряных монетах. Этот обряд приглашают совершить нареченную мать. Родители одаривают ее. После 40 дней проводят *той* в честь рождения ребенка (*калжа*), на который приглашают только женщин. Обычай этот сохранился как память о тех днях, когда приходилось рожать дома и на помощь приходили женщины — соседки, родственницы, подруги. Двое поддерживали под локти (*колтык суер*), третья — живот (*бел тартар*), четвертая принимала роды и резала пуповину (*кындык кесер*) и называлась крестной матерью (*кындык шеше*). Пятая женщина обмывала ребенка и в

40 дней клала его в люльку (*бесыкке салар*). Все они во время *калжа* одаривались специальными подарками, например отрезом на платье, платком. До 1960-х гг. и даже позднее казахи пользовались напольными колыбельками, которые требовалось правильно и красиво оформить: приготовить матрасик, одеяльце, подушку, белье, устроить слив мочи через баранью косточку, приделанную к отверстию внизу люльки, сшить привязывающие ребенка ремни и украсить их орнаментом. Несмотря на то, что надобность в таких подругах-помощницах отпала после того, как женщины стали рожать в больницы и пользоваться кроватками и колясками, родители новорожденного заранее выбирают пять женщин, которых по окончании *тоя* — *калжа* одаривают богаче других. Самый красивый и дорогой отрез дарят *кындык шеше*. Гости приносят подарки новорожденному.

Когда в семье замечают, что ребенок пытается ходить, мать собирает близких подруг, родственниц, соседок для обряда *туссау кесер* — разрезание пут. Женщины приходят с подарками. Мать готовит для них угощение. Ножки малютки связывают восьмеркой путами из белой и черной пряжи. Выбранная матерью женщина берет ребенка за руки, обходит с ним гостей по кругу и срезает путы. Все действие сопровождается специальными молитвами, прибаутками, пожеланиями и осыпанием малыша монетами, конфетами и пшеном. На прощание мать раздает всем носовые платки или полотенежные отрезки, а женщине, срезавшей путы, дарит заранее приготовленный подарок.

У казахов Западной Сибири широко распространено обрезание мальчиков преимущественно в дошкольном возрасте. Обряд этот называется *сундетке отырғызу*. Раньше обрезание делали специальные муллы (*кожа*). В настоящее время для совершения обряда приглашают профессиональных хирургов. В день операции устраивают *той*. Родственники делают ребенку дорогие подарки.

Традиционные элементы в комплексе обрядов, связанных с рождением ребенка, тесно переплетены с новыми явлениями в этой области. Прежде всего надо отметить глубокие изменения в уходе за младенцем в связи

с применением новых правил гигиены, одежды и питания. В быт вошли торжественная регистрация новорожденного в органах местной власти, семейное торжество по этому случаю. В результате культурных контактов с другими народами семейный цикл обрядов пополнился ежегодным празднованием дней рождения детей.

Свадебная обрядность казахов также отличается сочетанием традиционных и интегрированных форм. Изменились мотивы вступления в брак, который заключается по обоюдному согласию молодых. Свадебный цикл разделяется так же, как и в других регионах, на несколько этапов: сватовство, молодежная свадьба (*кудалык*) и послесвадебные церемонии.

Сватовство может состоять из двух этапов. В этом случае на официальном сватовстве родственники невесты назначают дополнительные переговоры, обычно через неделю, где обговариваются время и условия проведения свадьбы. Официальное сватовство (*куда тусер*) начинается с приезда сватов в дом невесты. В сваты родители жениха приглашают самых авторитетных по возрасту и положению родственников. В группу может входить от пяти до десяти человек. Жениха с собой не берут. Невеста на это время обычно уходит к родственникам. Родители невесты накрывают чайный стол. Во время чаепития старший из сватов затевает степенно, «издалека» разговор, разбавляя его шутками, прибаутками и только к концу застолья подводит его к цели их приезда. После чая обговаривают калым, условия проведения свадьбы. Калым в современных условиях утратил былое значение как выкуп за невесту, причитающийся ее родителям. Это денежная помощь молодым от родителей жениха на покупку мебели, тогда как посуду, домашнюю утварь, постельные принадлежности, ковры и прочее дает сторона невесты. Обычай в прошлом отдавать за невесту 47 голов скота (калым — *мал*) трансформировался в обычай класть в *коржун* с подарками 47 мелких предметов. После того, как стороны приходят к согласию, в сельской местности или в частном доме в городе заводится живой баран, на забой которого гости дают молитвенное благословение (*бата*). В некоторых

случаях его забивают до приезда сватов. Для них готовят традиционное национальное угощение — *ет*. Сватов обязательно угощают *куйрық бауыр*. В церемонии сватовства активно участвуют женщины со стороны невесты, которые осыпают сватов *шашу*, включающим в себя конфеты, монеты, печенье и др., зерном, устраивают им различные испытания, требуя от них выкупа. По всей вероятности, этот обычай является реликтом былой борьбы патрилокальных и матрилокальных тенденций брака¹⁴. Сваты привозят с собой маленький мешок с подарками (*коржун*), состоящий из отрезков тканей, конфет, сухих фруктов, гостевых частей мяса (47 мелких предметов). *Коржун* с наружной стороны украшается монетами, кольцами, бусами, лентами. В свою очередь, родители невесты также преподносят сватам подарки (*кит*). Этим обряд сватовства завершается.

Сама свадьба традиционно также распадается на ряд этапов: первый проводится в доме невесты, затем проходит церемония перевоза ее в дом жениха, где и завершается празднество. Торжественная регистрация брака может проходить как в первый день, так и во второй или третий. В Омской области сельские казахи предпочитают регистрировать брак в областном центре. Особой популярностью пользуются городской загс и загс Советского района. В целом же регистрация проводится чаще всего по месту проживания жениха. В его доме проходит и брачная ночь.

Свадьба в сельской местности отличается от городской тем, что в ней, как правило, со второго дня участвует весь аул, а также большей чистотой традиционного церемониала. Собственно свадебная церемония богата традиционными обрядами. При приезде в дом жениха или невесты сватов (с той или другой стороны) обязательно осыпают зерном и сладостями, непременно происходит взаимное одаривание подарками. Сваты и с той и с другой стороны приезжают в дом жениха или невесты с заранее подготовленным *коржуном*, встречающая сторона также делает им ответные подарки (*кит*). С исчезновением обряда добрачного посещения женихом невесты (*урын бару*) жених платит комплекс выку-

пов за невесту (*кол устатар* — пожатие руки, *шаш сипатар* — поглаживание головы и др.).

Той начинается вечером, невеста с подругами ждет в своем или другом доме, куда за ней приходит жених. В аулах, когда жених ведет невесту в палатку, устанавливаемую во дворе для *тоя*, молодые люди выстраиваются в шеренгу и поют свадебную песню (*той жиры*). В застолье могут участвовать представители всех поколений, но чаще их рассаживают в разных комнатах. Распорядитель свадьбы — *таякакше* (теперь его чаще называют тамадой) предоставляет слово родителям невесты, ее братьям, сестрам и другим родственникам, затем родителям и родственникам жениха и т.д. Молодые слушают тосты стоя. Кроме того, распространен обычай, заимствованный у русских, кричать жениху и невесте «Горько!». Гулянье продолжается до утра и сопровождается национальными молодежными играми (*кызойнау*, *бугубай* и др.). Свидетели обычно зачитывают шуточные наказания, свидетельства о заключении брака, что вместе с юмористическими лозунгами, украшающими место проведения свадьбы, танцами можно отнести к атрибутам современной, или советской, свадьбы. На следующий день невеста переезжает к жениху, что вовсе не означает, что молодые поселятся у него.

Той в доме жениха проходит примерно по такому же сценарию, что и в доме невесты. Угощение состоит из традиционных блюд с обязательным включением обрядовой пищи и кушаний интегрированного типа с сервировкой стола по общепринятым стандартам. Мать жениха по окончании торжества приглашает муллу и близких родственников молодых для совершения обряда мусульманского бракосочетания — *неке кию*.

В последние несколько лет происшедший среди казахов всплеск национального самосознания проявился в возрождении некогда забытых обрядов. В Омской области перед отъездом невесты из отчего дома стали исполнять ритуальную песню «Жар-жар» — напутствие девушке, восстановлен также обряд *бет ашар* (букв. лицо открыть), который проводится в доме жениха. В возрождении обрядов большая заслуга принадлежит нацио-

нальным культурным центрам Омской области и Казахстана, широко пропагандирующим народные традиции.

После современной, или молодежной, свадьбы, часто с большой разницей во времени, иногда одновременно с молодежным гулянием, совершается *кудалык* — традиционная часть цикла. *Кудалык* проводят дважды — у невесты и у жениха. Количество гостей и содержимое *коржуна* строго оговариваются. За несколько дней до поездки на *кудалык* матери жениха и невесты приглашают к себе женщин, вошедших в состав гостей, чтобы обговорить ритуал и собрать *коржун* с подарками противоположной стороне. Этот обряд называется *калта*. Каждая женщина должна что-то внести для наполнения *коржуна*. Хозяйка угощает их мясом и чаем. *Кудалык* отличается от молодежной свадьбы тщательным соблюдением традиционного ритуала: *куйрық бауыр асату, сау-келе, карымдык, калта, кит*, приглашение сватов на угощение с обязательным вкушением печени с курдючным салом родственниками и друзьями хозяев¹⁵.

После окончания молодежной свадьбы молодоженов приглашают в гости вместе с их братьями и сестрами соседи, родственники, свидетели. Не рассматривая подробно традиционную обрядность в свадебном цикле, отметим только, что она органически переплетается с новыми явлениями общепринятой свадебной церемонии. Свадьба казахов Западной Сибири — яркий пример сосуществования новых и традиционных, национальных и интегрированных форм духовной культуры.

Погребально-поминальный комплекс обрядов данной группы казахов интересен сложным переплетением религиозных норм с этнической спецификой. Весь цикл можно условно разделить на три этапа: первый — приготовление к похоронам, второй — захоронение, а третий — поминальные обряды.

Тяжелобольного человека до самой смерти не оставляют друзья, знакомые и родственники, которые идут чередой для выражения сочувствия и ободрения — *кo-ныл айту*. Родные приглашают муллу для чтения молитв. Когда человек умирает, его тело (*маит*) переносят на

правую сторону комнаты (*он жак*) и отгораживают занавеской. Покойника иногда держат в доме не одни сутки, а двое или трое, дожидаясь прибытия родственников издалека. Прощаться с умершим приходят обычно все жители аула, в городе в основном все знавшие покойника или его родителей несут своего рода материальную помощь при похоронах (*бата*). Для организации похорон создается группа распорядителей из родственников, близких друзей и соседей, возглавляемая пожилым, знающим обряд родственником. Вечером дня смерти забивают барана и на ночь накрывают *конак ас* — гостевой стол умершего. Гости сидят до утра, тихо ведя разговоры и читая по очереди молитвы. В день похорон группа молодых людей во главе со старшим едут на кладбище копать могилу — *камыр казу*. В это же утро приносят (в городе из мечети, в аулах и сельских поселениях со смешанным населением, а также в поселках городского типа из дома, где были последние похороны) деревянное корыто, обитое изнутри тонким листом из светлого металла, открытое у изножия (*табыт*). Обряд омовения совершают в *табыте* строго по половому различию: к телу женщины не допускаются мужчины и наоборот. Покойника заворачивают в саван из белой хлопчатобумажной ткани. Перенос на кладбище производится в *табыте*. Поверх савана *маит* обертывают ковром, который после похорон отдают в мечеть или мулле. В могиле *маит* укладывают в специальную боковую нишу (*лахат*), которую закрывают косым накатом досок, чтобы на тело не попала земля. В сельской местности старики по-прежнему не допускают на кладбище женщин. В городе этот запрет соблюдается не всеми. По завершении обряда захоронения начинаются поминки, на которые режут лошадь или несколько баранов. Справляются поминки на третий, седьмой, сороковой, сотый день смерти и в год, а также ежегодно во время мусульманского поста (*ураза*) проводят обряд поминовения всех усопших родственников до седьмого колена (*ауыз ашар*). Весь цикл погребально-поминальных обрядов сопровождается раздачей отрезков тканей, *жиртыс*, кусков полотняной ткани и носовых платков¹⁶.

Надмогильные сооружения встречаются нескольких типов: 1) гробницы (*мазары*) — прямоугольные сооружения, сложенные из кирпичей с башенками по углам и главным куполом, которые распространены больше в районах, прилегающих к Казахстану; 2) каменные плиты с закругленным верхом, поставленные вертикально; 3) деревянные срубы из нескольких венцов, срубленных «в угол» (описание встречается у В. Шнэ¹⁷), однако в настоящее время курган не покрывается сверху брусьями; 4) железные оградки на могилах — сравнительно новое явление, распространившееся в 1960-е гг. На памятниках обычно установлены полумесяц или пятиконечная звезда, встречается и их сочетание.

Как мы уже отмечали, казахи Западной Сибири продолжают придерживаться целого комплекса обычаев и обрядов, которые можно условно разделить на четыре категории: проявление дружбы или родства, установление отношений дружбы или родства, выражение благодарности и благопожелания, защита и охрана. Не останавливаясь подробно на их описании, которое уже дано одним из авторов¹⁸, отметим только распространенное у казахов региона семейное торжество (*курмалдык*) по случаю избежания члена семьи несчастья, благополучного возвращения из армии, выздоровления после тяжелой болезни, поступления в школу, техникум, вуз или их окончания.

Казахи также отмечают мусульманские праздники — большой (*курбан* или *байрам*) *айт*, *ураза* и малый *айт*. Их они считают национальными. Более 65 % опрошенных в городах и поселках городского типа назвали их в качестве народных праздников. Пост соблюдают в основном старые люди. Но повсеместно отмечают день поминовения усопших и праздник окончания поста, на который каждая семья забивает жертвенного барана. В течение трех дней соседи по очереди ходят друг к другу в гости. Мужчины и пожилые женщины посещают праздничное богослужение в мечетях. Следует отметить рост религиозности в последние несколько лет среди молодежи и населения в целом. В аулах начали строить мечети, в городах под мечети покупают частные дома. Только в Омске ныне действуют три новые мечети.

Сохраняются традиции празднования общегосударственных праздников: 1 Мая, 8 Марта, 9 Мая, Нового года и т.д.

Современные условия жизни привели к трансформации многих традиционных элементов в родинной, свадебной и погребально-поминальной обрядности казахов. При сохранении национальных традиционных форм с элементами архаики обрядность насыщается элементами мусульманской, русской культур и культур других народов.

Этнические процессы в материальной культуре казахов определяются сочетанием унифицированных форм с традиционными элементами в жилище, пище, одежде и хозяйстве.

В заключение отметим, что этнокультурные процессы у казахов Западной Сибири отражают общий ход и направленность этнических процессов у данной группы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ахметова Ш.К.* Традиционная обрядность в свадебном цикле казахов Омской области // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии и языковедения). — Омск, 1992. — С. 8—11; *Она же.* Традиционная погребальная обрядность казахов г. Омска // Там же. — С. 13—16; *Она же.* Обычай омских казахов «Омыртка» // Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование. — Омск, 1992. — Т. 1. — С. 5—7; *Она же.* Некоторые аспекты этнических процессов среди городских казахов Западной Сибири // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. — Омск, 1995. — С. 215—218; *Она же.* Традиционный комплекс обрядов, связанных с рождением ребенка, у городских казахов Западной Сибири // Там же. — С. 236—238; *Она же.* Пища казахов Западной Сибири: традиции и новации // Материальная культура народов России. — Новосибирск, 1995. — С. 196—216; и др.; *Ахметова Ш.К., Бронникова О.М.* Развитие двуязычия у казахов Западной Сибири // Проблемы двуязычия в многонациональной среде. — СПб., 1995. — С. 67—83; *Они же.* Влияние переселенческого движения на процессы оседания казахского населения Омского уезда // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. — Омск, 1996. — С. 25—27; *Балтабаева К.Н.* Казахи и татары Западной Сибири (1919—1932 гг.). — Алма-Ата, 1992. — 120 с.; *Бронникова О.М.* Отражение этнических процессов в области духовной культуры казахов Западной Сибири // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. — Омск, 1989. — С. 86—

98; *Наумова О.Б.* Формирование специфики хозяйственного уклада казахов Омской области в XIX — начале XX в. // Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. — М., 1979. — С. 56—64; *Она же.* Материалы к изучению этнического самосознания омских и бельгагашских казахов // Полевые исследования Института этнографии 1978 года. — М., 1980. — С. 107—111; *Она же.* Казахи Омской области как этнографическая группа (второй половины XVIII — начала XX вв.) // Материалы Всесоюзной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История. — Новосибирск, 1977. — С. 66—68; *Проваторова О.М.* О некоторых этнокультурных процессах у казахов Омской области // Этнокультурная история населения Западной Сибири. — Томск, 1978. — С. 160—163; *Она же.* Расселение и этнический состав казахов Западной Сибири // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1979. — С. 164—166; *Она же.* Межэтнические контакты казахов Западной Сибири как фактор этнического развития // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1984. — С. 180—182; *Томилов Н.А.* Современные этнические процессы в южной и средней полосе Западной Сибири // СЭ. — 1978. — № 4. — С. 9—21; *Он же.* Казахи Западной Сибири в конце XVI — первой четверти XIX вв. // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1983. — С. 66—86; *Он же.* Казахи Западной Сибири в XVI—XX вв. // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). — Томск, 1995. — Кн. 1. — С. 66—75.

² *Муканов М.С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. — Алма-Ата, 1974. — С. 32, 42—49.

³ *Томилов Н.А.* Казахи Западной Сибири в XVI—XX вв. — С. 68.

⁴ Исчислено по изданиям Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — СПб., 1905. — Т. 28: Тобольская губерния. — С. 80—81; СПб., 1904. — С. 50—51; Т. 31: Акмолинская область. — СПб., 1904; Т. 29: Томская губерния. — С. 74—75. Данные приводятся по Тобольской губернии, Омскому уезду, Акмолинской области, Томскому округу Томской губернии.

⁵ *Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* — М., 1991. — С. 547—567.

⁶ *Народы Средней Азии и Казахстана.* — М., 1969. — Т. 2. — С. 366; *Культура и быт казахского колхозного аула.* — Алма-Ата, 1967. — С. 147—150; *Масанов Э.А.* Казахское войлочное производство во второй половине XIX — начале XX вв. // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. — Алма-Ата, 1959. — Т. 6. — С. 106—110.

⁷ *Востров В.В.* К истории развития оседлого жилища у казахов // Труды Института этнографии. — М.; Л., 1961. — Т. 48. — С. 184; *Востров В.В., Захаров И.В.* Казахское народное жилище. — Алма-Ата, 1989. — С. 85.

⁸ *Ахметова Ш.К.* Пища казахов... — С. 199.

⁹ Там же. — С. 201—202.

¹⁰ Там же. — С. 203.

¹¹ Там же. — С. 203—204.

¹² Там же. — С. 206—208.

¹³ *Ахметова Ш.К., Бронникова О.М.* Развитие двуязычия... — С. 74—78; *Ахметова Ш.К.* Некоторые аспекты... — С. 217.

¹⁴ *Лобачева Н.П.* К истории сложения института свадебной обрядности // Смысья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1978. — С. 144—175.

¹⁵ *Ахметова Ш.К.* Традиционная обрядность... — С. 8—11.

¹⁶ *Ахметова Ш.К.* Традиционная погребальная обрядность... — С. 13—16.

¹⁷ *Шнэ В.* Зимовка и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области // Зап. ЗСО ГО. — 1894. — Кн. 17, вып. 1. — С. 15.

¹⁸ *Ахметова Ш.К.* Пища казахов... — С. 206—208.

2. ЛАТЫШИ И ЭСТОНЦЫ

К числу малоизученных этнических групп относятся латыши и эстонцы, проживающие в Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областях. По предварительным итогам переписи населения 1989 г., численность каждой из этих групп составляет около 10 тыс. чел, большая часть которых проживает в сельских районах. Сельское латышское и эстонское население и будет являться объектом нашего исследования.

В истории расселения латышей и эстонцев в Сибири можно выделить следующие пики миграций:

1. 1802 г. — середина 1880-х гг. — ссылка латышей и эстонцев в Сибирь.

2. Начало 1890-х гг. — 1914 г. — добровольное переселение, часто сопровождаемое обратным возвращением, и ссылка уголовных и политических преступников.

3. 1914—1917 гг. — эвакуация в Сибирь промышленных рабочих и беженцев из прифронтовых зон.

4. 1920—1923 гг. — оптация латышского и эстонского гражданства и выезд в связи с этим в Прибалтику, а также реоптация.

5. 1940—1941, 1944 г. — конец 1950-х гг. — двухсторонние миграции (возвращение в Прибалтику латышей и эстонцев из других районов СССР после восстано-

ния Советской власти в 1940 г., депортации 14 июня 1941 г., эвакуация латышских и эстонских граждан с частями Красной Армии летом 1941 г. и их возвращение после изгнания оккупантов, высылка коллаборационистских, националистических и эксплуататорских элементов (главным образом кулаков) в 1944 г. — начале 1950-х гг. с их последующим возвращением.

В результате этих переселений в Западной Сибири сложились этнические группы латышей и эстонцев с самобытной материальной и духовной культурой и устойчивым этническим самосознанием. Этим национальным группам уделяли внимание в своих работах А.Д. Колесников, Л.В. Малиновский, но целенаправленно исследовали латышей и эстонцев Сибири В. Маамяги, Ю. Вийкберг и И.В. Лоткин¹. Последний использовал материалы Сибирских историко-этнографических экспедиций ОмГУ в 1986—1990 гг., во время которых проводился этносоциологический опрос среди латышского и эстонского населения Кемеровской, Новосибирской, Омской и Томской областей. Было опрошено 500 латышей и 730 эстонцев, что составило соответственно 73,0 и 38,6 % от общего числа латышей и эстонцев.

Латышские и эстонские крестьяне, переселившиеся в Сибирь в XIX—XX вв., были основными создателями и хранителями народной культуры, носителями этнической традиции. Некоторые характерные и самобытные черты латышской и эстонской культур сохранили жилища. Самые первые упоминания о жилищах латышских и эстонских ссыльнопоселенцев мы встречаем у Н.М. Ядринцева: «В 4-х деревнях только 4 дома могут считаться несколько зажиточными, 52 представляют только подобие избы, а 98 — самые жалкие хижины. Жители, особенно главного выселка, Риги не имеют по большей части изб, а устроили себе нечто вроде глубоких землянок, окруженных бревнами и прикрытых соломенными крышами. Землянки снабжены потайными подвалами для хранения краденых вещей и укрывательства в случае нужды преступников и заподозренных»².

Сибирские латыши полностью заимствовали жилище русского образца. В таежных и лесостепных районах

Сибири — это деревянный пятистенок на высоком подкlete, в степных — глинобитные дома. Расположение печи в избе в Латвии было схоже с расположением печей в западных районах России и Белоруссии: печь стояла в углу при входе, устьем к двери, и на одной диагонали с красным углом³. Такая планировка печей изредка встречается у латышей в Тарском районе Омской области.

Планировка усадьбы у латышей практически не отличается от типовой усадьбы русского населения. В Западной Сибири преобладает замкнутая нераздельная усадьба. Характерные ее черты: постройки расположены по периметру, дом и амбар занимают противоположные углы передней части усадьбы, помещение для скота располагается в конце участка. В лесных районах усадьбы огораживали сплошным забором высотой около 2 м, строили заплоты из бревен или полубревен, врубленные в вертикальные столбы. Для лесостепных районов характерны плетни. Огород обносили пряслом или плетнем. Калитки и ворота крепили на мощных опорных столбах; обычно они имели общий карниз с небольшим двускатным навесом над ним⁴.

Наиболее характерным типом жилища для Эстонии в прошлом была жилая рига. Эта постройка служила и жильем, и хлебосушильной. Главными составными частями этого жилища первоначально являлись собственно рига и гумно. В Сибири жилые риги не получили широкого распространения. В большинстве эстонских колоний риги строили отдельно от жилых домов. Сами же жилые дома представляли из себя многокамерные помещения с одной или несколькими комнатами, кухней, чуланом и прихожей. Иногда в жилых домах имелся погреб. Такой тип жилища был распространен в конце XIX в. в Южной Эстонии.

В расположении печи (*ahi*) в некоторых сибирских деревнях можно встретить национальный эстонский вариант: печь (1,5—2 × 2 × 2,5 м) расположена в заднем углу устьем к переднему, устье находится на высоте 10—20 см от пола⁵. Но в основном у сибирских эстонцев преобладали русские печи.

В украшении и внешней отделке жилищ главной национальной чертой эстонцы, так же как и латыши, считают орнамент. Но если в таежной и лесостепной полосах Западной Сибири иногда можно встретить наличники со стилизованным цветочным орнаментом, то в степных районах этнографическая экспедиция ОмГУ обнаружила их только в латгальской д. Елизаветино Оконешниковского района Омской области. Здесь преобладают дома с простейшими формами геометрического орнамента — такие же, как у русских, украинцев и др.

В начале XX в. у эстонцев Западной Сибири существовала свободная планировка усадьбы, характерная для Южной Эстонии. Основными постройками были: жилой дом (*elumaja*), амбар (*ait*), хлев (*laut*), рига (*rehi*) и баня (*saun*). К дому обычно примыкал огород, а то и декоративный сад с несколькими деревьями и ягодными кустарниками. Суровый сибирский климат не позволял выращивать яблони. В таежной полосе у многих жителей во дворе росли хвойные деревья⁶.

В жилище сибирских латышей и эстонцев произошли серьезные изменения. После коллективизации на смену рассеянной планировке прибалтийских поселений пришла уличная. Если раньше в таежной и лесостепной полосах латыши и эстонцы строили деревянные дома, а в степной зоне иногда встречались и глинобитные, то на центральных усадьбах колхозов с латышским и эстонским населением все чаще возводят одно- или двухквартирные каменные или шлакоблочные дома. И латыши, и эстонцы заимствовали у русских замкнутую нераздельную усадьбу, причем у эстонцев практически не сохранилось риг, а хлеб они обмолачивают на колхозном току.

Кардинально изменился интерьер жилища. Раньше внутреннее убранство было достаточно своеобразно: например, деревянные резные кровати, шкафы, сундуки для белья, домотканые одеяла и дорожки. Стол обычно располагался у окна, напротив печи. В настоящее время в интерьере жилищ преобладает унифицированная фабричная мебель массового производства, которая стала элементом престижа, а на смену печам приходят газовые плиты.

Интересно, что, несмотря на этноспецифичные черты в конструкции и отделке подавляющего большинства латышских и эстонских жилищ старой постройки в обследованных селениях, информаторы не считают эти черты этнически значимыми. Только 3,6 % опрошенных латышей отметили национальные черты в планировке своего жилища, 4,4 — в положении и устройстве печи, 8,2 — в украшении, 8,4 % — во внешней отделке. У сибирских эстонцев выделили национальные черты в планировке 2,7 % респондентов, в положении и устройстве печи — 2,6, в украшении — 5,3, во внешней отделке — 4,5 %; 81,6 % опрошенных латышей и 87,9 % эстонцев заявили, что в их жилище не сохранилось национальных черт.

В Сибири уже в начале XX в. традиционный национальный костюм сибирских латышей и эстонцев в основном сменился одеждой городского типа. В настоящее время национальные костюмы можно встретить лишь на

Фольклорный ансамбль с. Орловка Калачинского района Омской области (фото 1988 г.).

Эстонский народный танец в исполнении фольклорных коллективов Одесского и Оконешниковского районов Омской области (фото 1989 г.).

народных праздниках у участников латышских и эстонских фольклорных ансамблей. В этих костюмах мы зафиксировали как традиционные черты, характерные в целом для прибалтийского женского комплекса одежды, так и некоторые новации. Например, участники латышского фольклорного ансамбля «Varavīksne» («Радуга») из с. Бобровка Тарского района Омской области выступают в старинных латышских костюмах: продольно-полосатые юбки, густо-синие, декорированные металлом наплечные покрывала-виллайне, высокие металлические венки. Такой тип костюма распространен в Курземе⁷. Костюмы латышского фольклорного ансамбля из с. Рыжково Крутинского района Омской области состоят из желтых блузок и оранжевых сарафанов. В качестве головного убора используются матерчатые венки кофейного цвета, украшенные геометрическим узором. Наиболее типичный национальный костюм сибирских эс-

Латышский фольклорный ансамбль из с. Рыжково Крутинского района Омской области (фото 1989 г.).

тонцев мы встретили у фольклорного ансамбля с. Золотая Нива Оконешниковского района Омской области. Он включает белую блузку, украшенную металлической брошью, и серую клетчатую юбку. У участников этого ансамбля сохранилась эстонская национальная обувь — кожаные постолы (*pastlad*). Головным убором служит матерчатый венок красного цвета с белым геометрическим орнаментом.

И в Прибалтике, и в Сибири наиболее длительное и полное развитие старинные традиции получили в вязаной одежде (носки лат. — *zekes*, эст. *sokid*; чулки лат. *zeked*, эст. *sukad*; варежки лат. *duraini*, эст. *kindad*). В целом же у латышей и эстонцев Западной Сибири бытует «общесоветская» (европейская) одежда массового пошива.

Не случайно только 17,0 % опрошенных латышей отметили национальные черты в нательном белье, 14,8 — в верхней одежде, 7,0 — в легком платье, 2,0 — в головных уборах, 1,6 — в обуви, 3,2 % — в украшениях. Чуть лучше сохранилась национальная специфика в одеж-

де у эстонцев Западной Сибири: 19,9 % из них отметили национальные черты в нательном белье, 15,8 — в верхней одежде, 12,1 — в легком платье, 7,0 — в головных уборах, 2,9 — в обуви, 3,3 % — в украшениях; 66,6 % латышей и 51,5 % эстонцев отметили, что никаких различий с современной одеждой окружающего русского населения в их одежде нет.

Особый интерес для исследователя представляют изменения, произошедшие в таком важном элементе системы жизнеобеспечения этноса, как пища. Наш интерес к современной системе питания сибирских латышей и эстонцев объясняется также ее наибольшей относительной устойчивостью в материальной культуре.

Национальная кухня сибирских латышей и эстонцев насчитывает сотни разных блюд. У латышей в рационе преобладают молочные блюда: молоко с луком (*piens un sipoli*), сыр с тмином, который готовят в Янов день (*jana siers*), простокваша (*ruguspiens*), молочная похлебка с перловой крупой (*putraimi putra*), уха с молоком — в основном у латгальцев (*zivju zupa ar pienu*). Из мясных блюд распространен студень из телятины, который в Латвии готовят на Пасху⁸, а в Сибири и в будни. Ни один из информаторов не назвал такое традиционное латышское блюдо, как отварной ссрый горох со шпиком, но очень часто упоминали *скабнутру* — похлебку из перебродившего молока и перловой крупы, распространенную в XIX в. в Курземе⁹. В Сибири в *скабнутру* иногда добавляют творог (*biezpiens*). Из мучных блюд у сибирских латышей распространены оладьи (*pankukas*, сиб. лат. — *ladjas*), а также пироги и ватрушки с ягодной и овощной начинкой, что, вероятно, было позаимствовано у русского населения. Из напитков предпочитают пиво (лат. *alus*, латг. *ols*). В некоторых деревнях были профессиональные пивовары, которые варили пиво к праздникам или семейным торжествам для всей деревни.

Кухня сибирских эстонцев также сохранила черты, присущие национальной традиции в целом. Как отмечал этнограф Э. Льюке-Яагосильд, для каждой области Эстонии в прошлом были характерны свои национальные блюда. Так, в Южной и Восточной Эстонии умели ва-

рить похлебки и каши, в состав которых входили разнообразные продукты. В частности, каша пополам с картофелем (мулькская, или латышская, каша), каша из ячменной крупы и кислой капусты (мулькская капуста)¹⁰. Эти блюда хорошо известны эстонцам, живущим в Сибири. Кроме того, у сибирских эстонцев распространены такие блюда, как холодец (*sult*, юж.-эст. *jahuliha*), который в Эстонии почитается свадебным блюдом¹¹, но в Сибири его едят и в будни; кровяная колбаса (*vere vorst*), мясной соус (*hamatus*). В степной полосе Западной Сибири известно оригинальное мясное блюдо — вареная говядина, залитая свежими сливками (*loomaliha koorega*). На Пасху сибирские эстонцы обычно готовили вареные вкрутую яйца с маслом. Из сладких и мучных блюд наиболее популярными были манный крем, компот со взбитыми сливками и пироги с ревенем¹².

Из напитков распространен квас из березового сока (*kali*). На рубеже XIX—XX вв. многие сибирские эстонцы занимались самогонварением. Однако, как считают Х. Кеем, Л. Ваба и Ю. Вийкберг, сами они пили очень редко и в небольших количествах¹³.

В настоящее время в обиход сибирских латышей и эстонцев прочно вошли блюда русского населения, чему способствует и сеть общественного питания. Поэтому, несмотря на разнообразие национальных блюд латышского и эстонского населения, их употребление в пищу заметно сократилось, а это, в свою очередь, отразилось на знании их информаторами. Только 14,6 % респондентов-латышей смогли назвать четыре национальных кушанья и более, тогда как 25,2 % информаторов не назвали ни одного, а большая их часть указала собственно от одного до трех национальных блюд.

Значительно лучше знают свою национальную кухню сибирские эстонцы. Среди них четыре национальных блюда и более назвали 29,2 % опрошенных, от одного до трех — 51,4 и только 19,4 % информаторов не смогли назвать ни одного национального блюда. Лучшая сохранность национальной кухни у сибирских эстонцев по сравнению с латышами объясняется, на наш взгляд, не только ее самобытностью (соединением в одном блюде

разнородных продуктов, ярко выраженная мясомолочная специфика), но и меньшей интенсивностью этнокультурных контактов эстонцев с другими народами.

Таким образом, основной тенденцией в развитии этнических процессов в сфере материальной культуры у сибирских латышей и эстонцев считается нивелировка этнически значимых явлений наряду с сохранением отдельных традиционных элементов в жилище, одежде и в большей степени в пище.

Глубокие изменения у сибирских прибалтов произошли в сфере духовной культуры. Причин тому много: это и длительная культурная изолированность от родины, и проводившаяся долгое время политика «лингвацида», усугубившая эту изоляцию и резко нарушившая процесс передачи и воспроизводства этнической информации и национальных языков сибирских латышей и эстонцев, и активное культурное взаимодействие с другими народами, главным образом с русскими.

В настоящее время латышская и эстонская национальная культура играет в жизни сибирских прибалтов весьма незначительную роль. Очень показательны в этом отношении ответы на вопрос о знании информаторами поэтов и писателей своего народа. У сибирских латышей наиболее популярен Вилис Лацис — его знают 25,4 % опрошенных. В «золотой фонд» мировой литературы вошли такие его произведения, как «Сын рыбака», «Бескрылые птицы» — о жизни трудящихся в Первой республике, «Буря» — о социалистической революции 1940 г. и Великой Отечественной войне, «К новому берегу» — о первых послевоенных годах в Латвии. Знаменитого латышского поэта Яна Райниса назвали 20,0 % информаторов. Ему принадлежат такие пьесы, как «Огонь и ночь», «Золотой конь», «Индулис и Ария», «Вей, ветерок!», «Играл я, плясал», «Язепс и его братья», «Вороненок», «Илья Муромец» и др. Андреяса Упита, автора трилогии «Робежниeki» (о путях латышского крестьянства к революции 1905—1907 гг.) назвали 5,0 % опрошенных. Арвидса Григулиса, автора романа «Когда дождь и ветер стучат в окно» (о борьбе с националистическим подпольем в Латвии в первые послевоенные годы) знают

2,0 % информаторов. Известных латышских поэтов Яниса Судрабкалнса и Имантса Зиедониса назвали 1,6 % информаторов, 5,4 % — не зная поэтов и писателей, упомянули композитора Раймондса Паулса. 66,2 % респондентов не знают поэтов и писателей своего народа.

У сибирских эстонцев 11,0 % опрошенных назвали Эдуарда Вильде — основоположника критического реализма в эстонской литературе. В 1902—1908 гг. вышла в свет его трилогия «Война в Махтра», «Ходоки из Ания», «Пророк Мальтсвет» о крестьянском движении в Эстонии в 1850—1860 гг.¹⁴ Другим известным произведением Э. Вильде является роман «Молочник из Мяэкюлы» (1916). Поэтессу Лидию Койдулу отметили 5,6 % информаторов. Ее именем названо эстонское поселение неподалеку от Мариинска, и многие информаторы знали патриотическую песню «Моя Эстония — моя любовь» («*Minu isamaa on minu arm*»). Юхана Смуула, автора романа «Ледовая книга», назвали 3,6 % опрошенных, 2,7 % — одного из основоположников эстонской литературы Антона Таммсааре, написавшего пятитомную эпопею «Правда и справедливость» о жизни Эстонии с 70-х гг. XIX в. до 30-х гг. XX в., а также множество рассказов, повестей и статей. Писателей Оскара Лутса и Йоханнеса Семпера знают соответственно 2,5 и 1,9 % респондентов. Многие информаторы называли знаменитого певца Георга Отса (4,7 %), а также эстрадных певцов Яака Йоалу (1,6 %) и Анне Вески (2,1 %). Отдельные информаторы помнят публицистов Х. Ангервакса и Ф. Котту, писавших в сибирской эстонской прессе. Не знают поэтов и писателей своего народа 73,7 % респондентов.

Интересен тот факт, что эстонцы иногда называют «своими писателями» латышей — Я. Райниса, В. Лациса, А. Упита, а латыши — Э. Вильде.

Об упадке культурной жизни у сибирских латышей и эстонцев свидетельствуют также результаты опроса о домашних библиотеках. Только 16,4 % латышей имеют дома свыше 100 книг, 8,4 — 51—100, 8,6 — 21—50, 9,2 — 10—20, 7,0 — до 10, а у 50,4 % респондентов вообще книг нет. Еще хуже ситуация у сибирских эстонцев: 7,9 % из них имеют дома свыше 100 книг, 11,6 — 51—100,

13,2 — 21—50, 9,2 — 10—20, 6,2 % — до 10 книг и у 51,9 % книг нет.

Интересно сопоставить эти данные с результатами аналогичного опроса, который провели в середине 1980-х гг. в Эстонской ССР среди учащихся средних школ социологи У. Кала и В. Раудик. Выяснилось, что в Эстонии семейная библиотека — довольно распространенное явление. У 14 % учащихся в домашней библиотеке насчитывалось несколько десятков книг, у 56 — несколько сотен, у 22 — около тысячи томов и у 8 % — более тысячи¹⁵. Этот факт свидетельствует о значительном культурном отставании сибирских эстонцев от прибалтийских соотечественников.

Еще хуже обстоит дело со знанием латышского и эстонского фольклора: 86,4 % латышей и 87,0 % эстонцев не знают ни легенд, ни сказок, ни преданий, ни песен своего народа. Латышский народный эпос «Лачплесис» знают 2,6 % респондентов-латышей, сказку «Мальчик-с-пальчик» («Spriditis») — 2,4, латышские дайны — 1,6, песни Янова дня — 1,2 и песню про петушка — 1,0 %. Некоторые информаторы, в основном участники фольклорных коллективов, знают песни свадебного и похоронного цикла, а также «Боже, благослови Латвию» («Dievs, sveti Latviju»), ставшую в 1989 г. официальным гимном второй Латвийской Республики.

У сибирских эстонцев народный эпос «Сын Калева» («Kalevipoeg») назвали 8,2 % опрошенных, сказки из цикла «Антон и черт» («Kaval Ants ja Vanapagan») — 3,2, сказку «Кот и мышь» («Kass ja hiir») — 1,0, «Песню о девушке» и уже упоминавшуюся песню «Моя Эстония — моя любовь», которую информаторы называют песней об Эстонии, — 0,8, наконец, легенду о Линде, являющуюся частью эпоса «Сына Калева» и легенду об Ирланде — 0,7 % респондентов. Некоторым информаторам известны ритуальные погребальные и свадебные песни, например, «Венок невесты» («Pruudi parg»), а также старинные эстонские песни, в частности, песня о Ванемуйнене («Kui Kungla rahvas kuldset ajal»). Кроме того, несколько человек знают национальные бытовые сказки, такие как «Сказка про хитрого работника и глупого

барина», «Сказка о глупом работнике» и пр., а также несколько эстонских загадок: «Стоит калка, там две жидкости, ни пробки, ни дырки» (яйцо), «Латано-перелатано, но без иголки и нитки» (капуста), «Ветер сзади, дверь открыта, ветер спереди, дверь заперта» (курица)¹⁶.

У сибирских латышей мужчины знают национальный фольклор в целом лучше, чем женщины. Например, латышские дайны знают 2,9 % мужчин и только 0,7 % женщин, эпос «Лачплесис» — 4,9 % респондентов-мужчин и 1,0 % женщин. Не знают национального фольклора 83,3 % мужчин и 88,5 % женщин.

Несколько иная ситуация у сибирских эстонцев. Национальный эпос «Сын Калева», который неоднократно печатался и переводился на русский язык, в том числе и в последние годы¹⁷, мужчины читали чаще, чем женщины. Это произведение назвали 10,3 % мужчин и 7,1 % женщин. Однако носителями устной фольклорной традиции в основном являются женщины. Так, сказки из цикла «Антон и черт» знают 2,3 % мужчин и 3,6 % женщин. В целом не знают национального фольклора 87,1 % мужчин и 86,9 % женщин.

И у латышей, и у эстонцев национальные фольклорные произведения знакомы в основном людям старшего поколения. Анализируя знание национального фольклора у различных социально-профессиональных групп сибирских прибалтов, следует отметить, что и у латышей, и у эстонцев руководители и специалисты почти не знают сказок, легенд, песен и преданий своего народа. Исключение составляют лишь эпос «Сын Калева» и сказки про Антона и черта.

Такая ситуация, по нашему мнению, обусловлена нарушением процесса воспроизводства и передачи этнической информации, вследствие чего для латышской и эстонской молодежи, представленной в основном в данных социально-профессиональных группах, национальный фольклор оказался недоступным.

Особый интерес представляют ответы на вопрос о посещении клубов, поскольку в 1920—1930-е гг. клубы были средоточием культурной жизни в деревнях с прибалтийским населением. В клубах ставились концерты и

спектакли, проводились вечера отдыха с играми и танцами, кроме того, нередко в нем находилась изба-читальня. Позднее в клубах демонстрировались кинофильмы. По данным нашего опроса, 44,0 % сибирских латышей и 48,1 % эстонцев вообще не посещают клубы. У латышей ходят в клуб в кино 47,6 % респондентов, на концерты и спектакли — 35,6, на вечера отдыха — 15,6, на танцы — 13,6, в кружки — 3,2, в библиотеку — 9,2 %. У эстонцев кино посещают 39,2 % информаторов, концерты и спектакли — 32,6, вечера отдыха — 12,1, танцы и библиотеку — 10,7 и кружки — 2,7 %.

При анализе современных этнокультурных процессов весьма показательна структура национально-культурных предпочтений сибирских латышей и эстонцев. При ответе на вопрос о том, какие (чьи) песни предпочитают петь или слушать опрошиваемые, выяснилось, что старинные латышские песни предпочитают 59,6 % опрошенных латышей, современные национальные — 13,6, а русские народные песни и романсы — 34,6 %. У эстонцев старинные национальные песни предпочитают петь или слушать 60,1 % респондентов, а русские народные песни и романсы — 43,6 %. В то же время следует отметить, что значительное число информаторов любят петь или слушать эстрадные, любительские и молодежные песни: им отдают предпочтение 32,0 % опрошенных латышей и 29,6 % эстонцев.

Совершенно идентичное отношение сложилось у сибирских прибалтов к разным видам танцев. У сибирских латышей предпочитают народные танцы своего народа 56,2 % опрошенных, русские народные — 33,2, бальные — 13,3, современные — 25,2, танцы других народов (венгерские, украинские, молдавские и пр.) — 7,0 %. Эстонцы чуть более консервативны, чем латыши. У них эстонские народные танцы предпочитают 63,4 % респондентов, русские народные — 41,2, бальные — 21,2, современные — 19,6, танцы других народов (финские, украинские и пр.) — 5,1 %.

Лишь в календарных народных праздниках сибирских прибалтов традиционные черты сохранились сравнительно неплохо. Следует сказать, что только 2,6 %

сибирских латышей и 4,8 % эстонцев не отмечают эти праздники.

Крупным календарным народным праздником была Масленица. Ее отмечали обычно в конце февраля. В Латвии в этот день катались с горы на санках, чтобы уродился хороший лен. После этого дня начинали готовиться к встрече весны: чистили хлевы, жилые помещения, женщины заканчивали прясть и начинали ткать¹⁸. В Эстонии Масленица всегда носила развлекательный характер, а магия плодородия, связанная с высаживанием льна, была на втором плане. Так же, как и в Латвии, повсеместно распространено катание на санях или салазках¹⁹. В Сибири Масленица практически не отмечается: этот праздник назвали только 3,0 % латышей и 1,8 % эстонцев, причем в основном это люди старшего поколения.

Во время Пасхи в Латвии обязательно соблюдали три ритуала. Первый — катание на качелях, чтобы уродился богатый урожай, второй — варить крутые яйца, так как яйцо у латышей, как и у многих других народов, являлось символом жизни и плодородия. Третьим ритуалом было хлестанье вербными ветками, которые считались живительными и наделяли здоровьем и плодovitостью. В некоторых районах Латвии в Пасхальное утро перед восходом солнца выходили из дому к какому-нибудь ручейку умываться, чтобы не выступили угри, лишай и всснущки²⁰. Аналогичные обряды были также и в Эстонии. В Сибири и латыши, и эстонцы варят на Пасху яйца (так же, как и окружающее русскоязычное население), но два других ритуала встречаются крайне редко. В целом Пасху отмечают 70,6 % латышей Западной Сибири и 65,8 % эстонцев, причем этот праздник популярен у представителей всех половозрастных и социально-профессиональных групп.

Юрьев день и у латышей, и у эстонцев знаменовал начало полевых работ. Конечно, ни латыши, ни эстонцы, живущие в Сибири, ничего не слышали о древних языческих обрядах, связанных с этим праздником, но многие пожилые люди отмечают этот день: на это указали 5,2 % сибирских латышей и 1,4 % эстонцев. Праздник Троицы у латышей еще был известен как праздник

лета (*Vasaras svetki*), а у эстонцев — праздник встречи лета (*Suviste puhad*). В Прибалтике в этот день обычно собирают для скота различные весенние травы, а в Сибири украшают дома зелеными ветками берез. У сибирских эстонцев было принято также ходить на могилы близких. Троицу в Сибири отмечают 54,0 % латышей и 54,2 % эстонцев.

Самым любимым и популярным народным праздником в Сибири является Янов или Иванов день. В Прибалтике его обычно отмечают 24 июня, а в Сибири — 7 июля. У сибирских латышей и эстонцев этот праздник проходит примерно по схожему сценарию. Если в Латвии к Янову дню дома украшают папоротниками, то в Сибири — ветками березы. По обычаю к празднику должны быть завершены все весенние работы, в доме хозяйка наводит идеальный порядок. В праздничную ночь двери домов не закрывают, готовят угощение — сыр и пиво для любого, кто зайдет в дом. Любой гость может заглянуть в сундук, в кладовую, в хлев, и, если найдет там беспорядок, смеяться над неряхами и нерадивыми

Янов костер (с. Цветнополе Одесского района Омской области, фото 1989 г.).

хозяевами будет все село. В праздничную ночь жгут костры, прыгают через них, гадают. У латышей существует множество песен, посвященных Янову дню, каждое четверостишие при этом заканчивается рефреном «лиго, лиго» или «руто, руто». Поэтому Янов день иногда называют Лиго²¹.

Несколько иначе проходит Янов день у эстонцев. Они так же, как и на Троицу, ходили на кладбище, качались на качелях, в некоторых районах Эстонии красили яйца. В Сибири эти ритуалы встречаются редко. В отличие от латышей эстонцы на Янов день не варили пива и сыра, а готовили сладости, вареные бобы, квас. Вместо многочисленных костров, принятых у латышей, эстонцы зажигали один большой костер, связывая несколько берез, и водили вокруг него хороводы. Янов день празднуют 82,8 % опрошенных латышей и 86,4 % эстонцев.

Последним крупным календарным праздником было Рождество (лат. *ziemas svetki*, эст. *joulu puha*). И у латышей, и у эстонцев молодые парни и девушки надевали маски и с песнями ходили от дома к дому. Были распространены также гадания. В Сибири эти ритуалы также сохранялись до недавнего времени. Рождество отмечают 51,8 % сибирских латышей и 36,0 % эстонцев.

И латыши, и эстонцы Западной Сибири отмечают и некоторые другие календарные, а также и религиозные праздники, которые некоторые информаторы считают народными. Например, 4,6 % сибирских латышей отмечают Крещение, 13,6 — Петров день, 1,8 — Благовещение, 7,2 — Михайлов день, 1,6 — Антонов день, 2,0 — заимствованный у эстонцев Мартынов день, 2,2 — Марьян день и 1,4 % — Ильин день. Марьян день отмечают 2,2 % сибирских эстонцев, 4,2 — Крещение, 13,6 — Михайлов день, 7,8 — Екатеринин день, 9,0 — Мартынов день, 1,5 — Ильин день, 15,1 % — Петров день. Екатеринин и Мартынов день, когда по домам ходят ряженые и шутят, часть информаторов знает под названием «день шкоды».

Однако в связи с утратой значительной части праздничных ритуалов под влиянием контактов с окружающим русским населением нынешние календарные ла-

тышские и эстонские праздники значительно упростились и видоизменились. На большинство праздников прибалты уже не совершают никаких ритуальных действий, а собираются вместе и поют народные песни. В основном это люди старшего возраста.

Национальная специфика постепенно исчезает из современной семейной обрядности латышей и эстонцев Западной Сибири. Исчез ряд обрядов, связанных с рождением ребенка, — крещение ребенка с последующим выливанием крестильной воды на яблоню или цветочный куст, оберег ребенка от злых духов и др. Однако до сих пор принято дарить подарки роженице и ребенку.

Свадебный обряд сейчас просто разыгрывают как представление, которое включает некоторые национальные латышские и эстонские традиции — сватовство, задержка свадебного поезда с требованием выкупа, обряд снятия венка с невесты и др. Более устойчив похоронный обряд сибирских латышей и эстонцев. У них, по-прежнему, на похороны приглашают лишь самых близких родственников, не принято отмечать ни 9 дней, ни 40 дней, поминальная трапеза проходит сразу по возвращении с похорон. Крест на могиле латыши ставят в ногах покойного, а эстонцы — в голове. Однако все чаще в семейных обрядах используются значительно редуцированные аналоги обрядов, бытующих у русского населения.

Заметно, что наряду с утратой традиционных черт в материальной и духовной культуре все большую роль приобретает приобщение сибирских прибалтов к общесоветским формам культуры. Более активно этот процесс протекает у латышей Западной Сибири, которые в большей степени, чем эстонцы, утратили национальную специфику в культуре.

Во второй половине 1980-х гг. усилился интерес научных и культурных кругов государств Прибалтики к своим соотечественникам, живущим в Западной Сибири. Летом 1988 г. в с. Цветнополе Одесского района Омской области побывала съемочная группа киностудии «Таллинфильм» во главе с оператором Тойво Кузьминым. Эстонские кинематографисты сняли докумен-

тальный фильм об эстонском фольклорном ансамбле села. Год спустя здесь состоялся первый в послевоенной истории Сибири эстонский фольклорный фестиваль «Балтика-89», в котором участвовали как эстонские, так и латышские коллективы Омской области. Возрождение национальной культуры сибирских эстонцев затронуло и другие области нашего региона. Так, в конце 1980-х гг. в д. Оравка Чановского района Новосибирской области Т. Киви организовала национальную фольклорную группу, а в с. Березовка Первомайского района Томской области под руководством школьного учителя Г.М. Рейле был создан первый в Сибири эстонский этнографический музей. К сожалению, эти начинания не были поддержаны в Эстонской Республике. Так, существовавшее Общество эстонцев СССР не открыло ни одного своего филиала за пределами республики.

Более тесные культурные связи со своей этнической родиной существуют у сибирских латышей. В июле 1989 г. в с. Рыжково Крутинского района Омской области на

Открытие фестиваля «Балтика-89» 24 июня 1989 г. в с. Цветнополе Одесского района Омской области (фото 1989 г.).

праздник Янова дня приехала делегация из Латвии, в составе которой были участники ансамбля народного танца «Векторс», студенты и преподаватели Рижского политехнического института, представители Латвийского фонда культуры, Народного фронта Латвии и съёмочная группа Рижской киностудии²². В ноябре 1990 г. в рамках программы «Латыши в Сибири» в Томске состоялись концерты и встречи творческих работников из Латвии с общественностью города²³.

21 апреля 1990 г. в Риге было основано Общество российских латышей, открывшее свои филиалы в 28 городах СССР, в том числе в Омске и Новосибирске. Кроме того, в 1990—1991 гг. возникли девять самостоятельных латышских культурных обществ в Риге, Москве, Ленинграде, Красноярске, Таллине, Тарту и Томске²⁴.

Задачи Общества российских латышей следующие:

1) способствовать объединению латышей и их потомков;

2) выявлять латышей и их потомков, живущих в России, устанавливать с ними связь;

3) способствовать развитию национальной культуры и благосостоянию российских латышей;

4) оказывать содействие российским латышам, желающим вернуться на родину;

5) способствовать сохранению национального самосознания, культуры и традиций российских латышей;

6) заботиться о сохранении латышского языка в России;

7) сотрудничать с теми структурами и организациями, которые поддерживают цели и задачи Общества российских латышей.

Вместе с тем после августовского «термидора» 1991 г. и распада СССР связи латышской и эстонской диаспор со своей этнической родиной значительно ослабли. Действующий визовый режим между Россией, с одной стороны, и Латвией и Эстонией — с другой, делает практически невозможным поездки сибирских латышей и эстонцев к своим родственникам в Прибалтику, а многочисленные нарушения прав человека в прибалтийских государствах, связанные с ущемлением национальных мень-

шинств, создают крайне негативный образ этих государств в глазах большинства эстонских и латышских переселенцев. В некоторых районах Западной Сибири снизился социальный статус прибалтов. Кроме того, они стали испытывать чисто бытовые неудобства из-за разрыва связей с этнической родиной. Например, в последние два-три года резко возросли тарифы на почтовую корреспонденцию и посылки, высылаемые из России в страны Балтии, а из Прибалтики посылку в Россию послать вообще невозможно, выписываемые из Эстонии и Латвии газеты и журналы приходят в Сибирь нерегулярно и с опозданием на несколько месяцев и т.д.

Таким образом, процесс возрождения национальной культуры сибирских латышей и эстонцев протекает крайне нерегулярно и болезненно. С одной стороны, в Сибири в этот период создаются латышские и эстонские фольклорные коллективы, возобновляется преподавание их национальных языков, восстанавливаются связи с исторической родиной. С другой стороны, события в Прибалтике последних лет серьезно тормозят языковое и культурное развитие латышской и эстонской диаспор как в Сибири, так и в других регионах бывшего СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колесников А.Д. О национальном составе населения Омской области // Материалы к Третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. — Омск, 1966. — Вып. II. — С. 88—104; Малиновский Л.В. Сельское хозяйство западных национальных меньшинств в Сибири (1919—1928 гг.) // Вопросы истории Сибири. — Томск, 1967. — Вып. 3. — С. 202—213; Он же. Изучение истории и этнографии национальных меньшинств Запада в Сибири (К постановке проблемы) // Социально-культурные процессы в Советской Сибири. — Омск, 1985. — Вып. 1. — С. 110—113; Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). — Таллин: Ээсти раамат, 1977. — 235 с.; Он же. Эстонцы в СССР. 1917—1940 гг. — М.: Наука, 1990. — 200 с.; Вийкберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири (возникновение, изменения, контакты). — Таллин, 1986. — 32 с.; Он же. Эстонские языковые острова в Сибири (характер изменений, языковые контакты) // Материалы Пятой республиканской научной конференции молодых лингвистов. — Ереван, 1986. — С. 136—137; Он же. Смена языка — «против» и «за» (на примере сибирских эстонцев) // Материалы Ше-

стой республиканской научной конференции молодых лингвистов. — Ереван, 1988. — С. 164—165; *Он же*. Эстонские языковые островки в Сибири (возникновение, развитие, контакты). — Тарту, 1989. — 20 с.; *Он же*. Сибирские эстонцы и языковая политика // Билингвизм и диглоссия. — М., 1989. — С. 13—14; *Вийкберг Ю., Раннут М.* Исторический аспект статуса языка (на материале эстонского языка). — Таллин, 1988. — 36 с.; *Лоткин И.В.* Расселение, численность и этнические контакты сибирских прибалтов (по материалам исследования в таежной зоне Новосибирской и Омской областей) // Роль этнографии в идеологической работе и в ускорении социально-экономического развития общества. — Омск, 1987. — С. 146—147; *Он же*. Некоторые направления современных этнических процессов среди латышей и эстонцев Омской области // Проблемы этнографии и социологии культуры. — Омск, 1988. — С. 16—17; *Он же*. Этнические процессы у латышей и эстонцев Омской области // Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов. — М., 1989. — С. 190—200; *Он же*. Отражение этнических контактов сибирских латышей и эстонцев в названиях населенных пунктов // Традиции в многонациональном обществе. — Минск, 1990. — С. 110—111; *Он же*. Современные этноязыковые процессы у сибирских латышей и эстонцев // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. — Омск, 1990. — Кн. I. — С. 69—71; *Он же*. Факторы, влияющие на миграцию жителей национально-смешанных селений юга Западной Сибири // Этническая история и культура народов Советской страны. — Омск, 1991. — С. 69—71; *Он же*. Национальные установки латышей и эстонцев Западной Сибири // Индустриальные тенденции современной эпохи и гуманитарное образование. — Омск, 1992. — Т. I. — С. 34—36; *Он же*. Современные этнические процессы у латгальцев и эстонцев Западной Сибири // К новым подходам в отечественной этнологии. — Грозный, 1992. — С. 70; *Он же*. Современные этнические процессы у латышей и эстонцев в сельских районах Западной Сибири. — Новосибирск, 1993. — 21 с.; *Он же*. Динамика русско-эстонских браков в Западной Сибири в 1935—1980-х годах // Духовное возрождение России. — Омск, 1993. — С. 140—142; *Он же*. Современные этнокультурные процессы в материальной культуре латышей Западной Сибири // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. — Омск, 1993. — С. 181—183; *Он же*. Бытование традиционной народной одежды у сибирских латышей и эстонцев // Художественное моделирование и народные традиции. — Омск, 1995. — Ч. I. — С. 39—41; *Он же*. Влияние урбанизации на этнические процессы у латышей и эстонцев Западной Сибири в 1960—1980-х годах // Урбанизация и культурная жизнь Сибири. — Омск, 1995. — С. 218—220; *Он же*. Этническое самосознание сибирских латышей и эстонцев // Народы Сибири и сопредельных территорий: Межведомств. сб. науч. ст. — Томск,

1995. — С. 112—123; *Он же*. Современные этнокультурные процессы в сфере материальной культуры западносибирских латышей и эстонцев // Материальная культура народов России. — Новосибирск, 1995. — С. 88—96; *Он же*. Возрождение эстонской традиционной культуры в Западной Сибири (проблемы и перспективы) // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII—XX вв.): Материалы II Всерос. науч. конф. — Омск, 1995. — Т. 1. — С. 261—262.

² *Ядринцев Н.М.* Рига, Ревель, Нарва и Гельсингфорс в Сибири // Неделя. — 1878. — № 3.

³ *Страны и народы. Советский Союз. Республики Прибалтики. Белоруссия. Украина. Молдавия.* — М.: Мысль, 1984. — С. 92.

⁴ *Липинская В.А.* Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири // СЭ. — 1975. — № 5. — С. 36—37.

⁵ *Народы европейской части СССР.* — М.: Наука, 1964. — Т. 2. — С. 23.

⁶ *Tihase K.* Monda Siberi eesti asukate ehitised 20. sajandi algul // Suitsutare. — Tallinn: Valgus, 1976. — Lk. 232, 234; *Пяль Э.* Воспоминания и размышления // Коммунист Эстонии. — 1989. — № 4. — С. 102.

⁷ Страны... — С. 94.

⁸ Народы... — С. 169.

⁹ Страны... — С. 96.

¹⁰ *Льоке-Яагосильд Э.* Народные традиции в пище и проблема рационального питания в эстонской деревне. — М.: Наука, 1964. — С. 6.

¹¹ Народы... — С. 256.

¹² МЭЭ ТГУ. — 1990. — П. 2. — Л. 15.

¹³ *Keem H., Vaba L., Viikberg J.* Siberimaa eestlaste jutustusi (II) // Kodumurre. — Tallinn: Eesti NSV teaduste Akadeemia emakeele Selts. 1989. — N 21. — Lk. 52.

¹⁴ *Янсен Э.* Эстонская культура XIX в. // Вопр. истории. — 1984. — № 2. — С. 89—101.

¹⁵ *Кала У., Раудик В.* Психологическая служба в школе. — М.: Знание, 1986. — С. 46.

¹⁶ МЭЭ ТГУ. — 1990. — П. 2. — Л. 34, 37, 69.

¹⁷ *Калевипоэг.* — Таллин: Ээсти раамат, 1979. — 250 с.

¹⁸ *Латышские дайны.* — М.: Худож. лит., 1985. — С. 248.

¹⁹ *Хийемяэ М.* О народном календаре // Эстонские обряды вчера и сегодня. — Таллин: Периодика, 1985. — С. 28.

²⁰ *Латышские дайны.* — С. 248; *Пумпур А.* Лачплесис. — М.: Сов. писатель, 1985. — С. 172—173.

²¹ Омская правда. — 1989. — 12 июля.

²² Там же.

²³ Известия. — 1990. — 22 нояб.; Красное знамя (Томск). — 1990. — 28 нояб.

²⁴ *Krievijas Latviešu biedriba.* — Rīga, 1988. — Lp. 88.

3. НЕМЦЫ

В связи с глобальными политическими и экономическими событиями в нашей стране, возросшими миграциями больших групп населения изменились и этнические процессы. В связи с этим весьма актуально изучение специфики этнического развития групп, оторванных от своего этноса, а также определяющих его факторов, а именно немцев, проживающих в Западной Сибири. Актуальность данной работы определяется тем, что только в последние годы была снята завеса секретности с проблем, касающихся народов и национальных групп, подвергшихся в годы культа личности Сталина репрессиям, и они стали предметом общественного внимания и научных интересов¹.

Немецкий этнический массив в Западной Сибири является самым многочисленным в России. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Омской области проживает 134 199 немцев, в Новосибирской — 61 479, в Кемеровской — 47 990, в Тюменской — 29 569 и в Томской — 15 541 чел. В сельской местности проживают 55,3 % немцев, в частности, в Омской области таковых — 70,2 %². В Омской и Новосибирской областях немцы занимают второе место по численности после русских.

Изучение современных этнических процессов у немцев Западной Сибири было начато в 1989 г. Впервые в составе Сибирской историко-этнографической экспедиции ОмГУ был образован отряд, который работал в местах компактного проживания немцев. В 1989—1991 гг. был проведен этносоциологический опрос сельского немецкого населения.

Были поставлены следующие задачи:

— охарактеризовать западно-сибирский немецкий этнический массив, изучить его состав и выделить локальные группы немцев Западной Сибири;

— рассмотреть процессы этноэволюционного и этнотрансформационного характера, в том числе этнодемографические и этнотерриториальные; проанализировать современное состояние этнических процессов в язы-

ке, культуре, этническом самосознании; определить уровень инационального влияния и выявить зоны сохранения национальной специфики в языке и культуре;

— изучить межэтнические процессы;

— выявить основные тенденции этнического развития немцев Западной Сибири на ближайшие годы.

Вопросы социально-экономического и культурного развития немецкой диаспоры в России затрагивались в разной степени в трудах отечественных исследователей. Большинство этих работ было посвящено крупным колониям на юге России и в Поволжье. Несмотря на то что в последние годы появилось немало публикаций, посвященных российским немцам, все они носят исторический характер³. Лишь Л.В. Малиновскому принадлежит несколько работ этнографического характера, им же впервые было проведено социологическое исследование немецкого населения Западной Сибири⁴.

Этносоциологические исследования среди немецкого населения проводились в разное время в Закарпатье и в Северном Казахстане⁵. Из этнографических работ заслуживают внимания исследования С.В. Соколовского, посвященные одной локальной группе немцев Сибири — меннонитам Алтая⁶. Необходимо констатировать, что вопросы этнографии и проблемы этнического развития немцев Западной Сибири оставались вне поля зрения исследователей. Это обстоятельство обусловило привлечение довольно значительного круга источников для изучения современных этнических процессов у немцев Западной Сибири. Основу его массива составляют данные этносоциологического опроса 1989—1991 гг. Было проведено несколько маршрутных экспедиций по обследованию немецкого населения Баганского, Карасукского, Татарского районов Новосибирской области, Топкинского и Юргинского районов Кемеровской, Азовского немецкого национального, Горьковского, Марьяновского, Исилькульского, Любинского, Одесского, Тарского, Шербакульского районов Омской области.

Этносоциологический опрос сельского немецкого населения проводился методом стандартизированного интервью. Основным инструментом опроса являлся оп-

росный лист, включавший в себя 77 вопросов, часть которых служила демографическими индикаторами: пол, возраст, семейное положение, количество детей. Индикаторы, фиксирующие проявление различных сторон жизнедеятельности этнической группы, были объединены в блоки. К ним относятся: язык, материальная культура, духовная культура, семья и семейные отношения, условия жизни и быта, этническое самосознание, этнопсихология и межнациональные отношения.

При исследовании немецкого населения в силу его большой численности была применена районированная выборка, базирующаяся на отборе респондентов по месту расселения, типу поселения, а также по полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности. Структура населения по этим признакам была определена на основании данных похозяйственных книг сельсоветов.

В ходе этносоциологического исследования заполнено 1500 опросных листов. Относительный объем выборки составил 33,7 % от общего количества немцев, проживающих в обследованных пунктах. Отклонения выборочной совокупности от генеральной не превысили 3 % (табл. 3.1—3.3). Это определило репрезентативность выборки и всех наших материалов.

После сбора материалов и их анализа нам предстояло сделать обобщение для теоретических выводов. Особое внимание уделялось практическим вопросам, например выявлению потребности населения в немецких национальных школах, немецкоязычной литературе и

Таблица 3.1

Репрезентативность выборки при опросе немцев Западной Сибири в 1989—1991 гг. по признаку пола

Показатель	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Похозяйственные списки (ГС)*	2038	45,7	2418	54,3	4456	100
Число опрошенных (ВС)**	641	42,7	859	57,3	1500	100

* Здесь и далее: ГС — генеральная совокупность.

** ВС — выборочная совокупность.

Таблица 3.2

**Репрезентативность выборки при опросе немцев Западной Сибири
в 1989—1991 гг. по признаку возраста и пола**

Возрастная группа	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	% от ГС	% от ВС	% от ГС	% от ВС	% от ГС	% от ВС
16—25 лет	7,2	6,7	8,3	7,3	15,5	14,0
25—29 лет	6,9	5,5	7,1	5,1	14,0	10,6
30—34 года	6,4	5,1	6,7	7,2	13,1	12,3
35—49 лет	9,2	8,1	9,7	11,7	18,8	19,9
50—59 лет	8,2	8,7	9,8	11,4	18,0	20,1
60 лет и более	7,9	8,6	12,2	14,6	20,6	23,1

Таблица 3.3

**Репрезентативность выборки при опросе немцев Западной Сибири
в 1989—1991 гг. по социально-профессиональной деятельности**

Социально-профессиональные группы	% от ГС	% от ВС
Абсолютная численность опрошенных	4099	1357
Руководители и специалисты высшего звена (А1)	1,6	1,9
Руководители и специалисты среднего звена (А2)	6,5	6,8
Служащие (Б)	10,8	11,7
Механизаторы (В)	18,7	16,9
Квалифицированные рабочие и колхозники (Г1)	12,3	11,5
Неквалифицированные рабочие и колхозники (Г2)	50,1	51,2

т.д. Важный вывод исследования — это определение влияния различных социально-культурных факторов на национальные отношения. В этом плане выделяются межличностные отношения, установки на контакт с людьми другой национальности.

В результате анализа данных этносоциологического опроса были получены количественно точные параметры изучаемой группы, что дает возможность не только анализировать идущие в ней процессы, но и дать прогноз на будущее. В перспективе, особенно при повторных этносоциологических опросах, будет возможен и математический анализ динамики этнических процессов.

Кроме результатов этносоциологического опроса в работе были использованы массовые статистические источники, позволяющие проследить динамику демографических процессов, влияние социальных факторов на этнические (например, этноязыковые) процессы. К та-

ким источникам относятся материалы переписей населения — I Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и переписей 1926, 1970, 1979 и 1989 гг., данные архивов и отделов загсов Омской области, в которых хранятся документы о заключении браков. Важные сведения по миграционному движению, хозяйственной деятельности немецкой национальной школы и развитию образования содержатся в документах и материалах государственных архивов Омской и Новосибирской областей. К работе привлекались также материалы, хранящиеся в фонде В.М. Жирмунского в Санкт-Петербургском отделении архива РАН.

История немецкой колонизации Сибири насчитывает более 100 лет. Немцы, несомненно, находились среди первых переселенцев в Сибирь, они активно участвовали в колонизации Сибирского края вместе с русскими. Достаточно упомянуть выходца из Саксонии подполковника Ивана Бухольца, основавшего в 1716 г. Омскую крепость.

Первые научные описания Сибирского края принадлежат немецким ученым и путешественникам: Даниилу Готлибу Мессершмидту, Герарду Фридриху Миллеру, Петру Симону Палласу, Фридриху Вильгельму Радлову. Много немцев было среди сибирских чиновников и офицеров, священников и учителей, архитекторов и музыкантов, купцов и ремесленников. Уже к концу XVIII в. в Барнауле, Томске, Тобольске и Омске существовали лютеранские приходы. В Омске в 1792 г. была построена каменная кирха св. Екатерины.

Однако основную массу немцев Сибири составило сельское немецкое население, так называемые немецкие колонисты. Именно они сыграли основную роль в образовании сибирских немецких групп.

Переселение немцев в Сибирь явилось продолжением и завершающим этапом движения немецких групп на восток. Постоянный приток иностранцев в Россию, особенно усилившийся в Петровскую эпоху, получил новое направление в царствование Екатерины II. Для освоения пустующих земель Поволжья, а позднее, после успешных войн с Турцией, районов на юге России, необходимо было земледельческое население. При суще-

ствовании в России крепостного права не могло быть и речи о переселении значительных масс русского крестьянства. Екатерина II, немка по происхождению, прекрасно знала о тех трудностях, которые переживали германские княжества: малоземелье, принцип единонаследия, которые приводили к росту численности безземельных крестьян.

В 1762 и 1763 гг. Екатерина II издает два манифеста, приглашающих иностранцев и гарантирующих им значительные льготы при переселении: они получали казенные земли и деньги на переезд и обзаведение хозяйством, на 30 лет освобождались от всех налогов и податей, в том числе от воинской службы. Колонисты сохраняли свое самоуправление и свободу вероисповедания.

В России крупные колонии, получившие название «материнских», были основаны в Поволжье, Новороссии, в Бессарабии, в Закавказье, вблизи Петербурга, на Волыни. Число колоний росло быстро, они добивались значительных экономических успехов, население увеличивалось за счет высокой рождаемости. Появляется масса колонистов, не имеющих наделов или владеющих небольшими наделами. Это подталкивало колонистов к поиску свободных земель, движению на восток. Кроме того, с развитием капитализма появляется слой немцев-предпринимателей, желающих приобрести новые земли для расширения производства. Особенно зажиточными были меннониты: они первыми начали осваивать восточные районы, Сибирь, где земля была дешевле.

Массовой миграции немцев в Сибирь способствовали неурожай и голод в Поволжье в 1891—1892 гг. Первым немецким поселением на Алтае стала д. Шенфельд, основанная в 1890 г. выходцами из Поволжья⁷. В Омском уезде первое немецкое село — Александровка — было основано в 1893 г.

Основные районы расселения немецких крестьян — Акмолинская область, прежде всего Омский, Акмолинский и Кокчетавский уезды и Славгородский уезд на Алтае. Немецкие деревни располагались компактно в основном в районе 10-верстного степного пространства и по линии Петропавловск — Омск — Барабинск.

По данным I Всеобщей переписи населения 1897 г., в Акмолинской области проживало 4791 чел. немецкой национальности. Всего в Сибири, по данным С.К. Патканова, было 5535 немцев⁸.

В 1894 г. на территории нынешнего Азовского района образовано с. Привальное, в 1895—1896 гг. — села Сосновка (Шиллинг), Поповка (Йост), Красноярка, Новинка. В 1896 г. была создана Александровская волость, которую в ряде публикаций называют немецкой волостью. В 1897 г. были образованы деревни Звонарев Кут и Смоляновка, в 1898 г. — с. Побочино. В 1900 г. недалеко от Омска появляются деревни Чунаевка и Чукреевка. Много немецких поселков в Омском уезде появилось в 1902 г.: Александркроне в Горьковском районе, Хортицы в Нижнеомском, Григорьевка, Корнеевка, Екатериновка в Москаленском, Кирьяновка в Калачинском, Маргенау, Пучково в Исилькульском, Масляновка в Любинском, Новая Шарাপовка в Марьяновском районе⁹. Образование новых поселков интенсивно проходило и в 1903—1906 гг.

Следующим толчком к переселению послужила столыпинская реформа с ее благоприятной переселенческой политикой. Немецкими колонистами были заселены обширные пространства в Славгородском и Омском уездах. Всего здесь было образовано 323 населенных пункта и более 130 — в Северном и Восточном Казахстане. Наиболее притягательным районом для переселенцев оставался Омский уезд Акмолинской области, где к 1914 г. проживало 20 198 немцев¹⁰. Перед первой мировой войной здесь концентрировалось больше немцев, чем где бы то ни было в азиатской части Российской империи. Появляются такие крупные немецкие села, как Неудачино, Ново-Николаевка (Блюменфельд, Цветнополье), Романовка (Пришиб), Трубецкое, Ребровка, Гофнунг-сталь, Литковка и др. Особенностью немецких поселений было то, что крупные села были окружены множеством хуторов. Например, возле д. Сосновка находилось восемь хуторов, южнее д. Шарাপовка располагались хутора Фаст, Дик, Линд, крупными, больше походившими на села, были хутора Гауф и Круч. Всего в Омском уезде было образовано более 220 немецких поселков,

большинство из которых окружали хутора и выселки¹¹. Необходимо отметить, что немцы селились компактными группами, изолированно от окружающего населения. Немецкие села обособлены были и между собой, причем чаще всего по конфессиональному признаку.

Положение немецких колонистов напрямую зависело от межгосударственных отношений между Россией и Германией. С началом первой мировой войны их положение значительно ухудшилось. В 1915 г. были приняты «ликвидационные законы», эмиграция в Сибирь перестала носить мирный экономический характер. Ее сменила полоса депортаций. Весной 1915 г. в различные местности Юго-Восточной России были выселены немцы из прифронтовой полосы Азовского побережья, а в июле 1915 г. — из Волынской губернии. С 1915 по 1918 г. в Сибирь было выселено около 50 тыс. волынских немцев¹². Поволжских немцев от выселения спасла Февральская революция.

Революционные события 1917 г., гражданская война, коллективизация не миновали немецкие колонии. Эти события подробно описаны в работах Л.В. Малиновского «Немцы в России и на Алтае» и В.И. Бруля «Немцы в Западной Сибири».

В октябре 1918 г. был подписан декрет об образовании Трудовой коммуны немцев Поволжья. В 1924 г. она получила статус автономной республики (АССР НП) и стала центром российской немецкой диаспоры. Этим событиям посвящена книга А.А. Германа «Немецкая автономия на Волге. 1918—1941»¹³.

В 1920 г. в сельской местности Омской губернии проживало 32 330 немцев мужского пола и 32 409 женского¹⁴. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., немецкие села имели преимущественную численность относительно украинских, русских или казахских. В Азовском районе наиболее многочисленными были села Александровка (1729 чел.), Сосновка (852), Привальное (704), Цветнополье (667 чел.)¹⁵.

Обострение международных отношений в Европе в 1930-х гг. вызвало дальнейшее ограничение прав немцев в Советском Союзе. В 1938 г. обучение в национальных

школах было переведено на русский язык. В ноябре 1939 г. был упразднен Немецкий район на Алтае, а в конце марта 1939 г. — все немецкие районы на Украине.

Крутой поворот в судьбе российских немцев произошел в 1941 г. Немцы были первым народом страны, обвиненным в измене и обреченным на положение внутреннего врага. 28 августа 1941 г. Президиум ВС СССР принял Указ «О переселении немцев, проживающих в районе Поволжья». Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) определяли районы расселения в Казахстане и Сибири, а также численность переселенцев. Так, в Красноярском крае предписывалось расселить 21 450 семей, на Алтае — 27 150, в Новосибирской области — 28 600, в Омской области — 24 300 семей¹⁶. Из Поволжья было выселено около 450 тыс. немцев. Республика была ликвидирована. Затем произошло выселение немцев из Крыма, Украины, Закавказья.

В 1945 г. начинается новое переселение немцев в Сибирь, коснувшееся тех, кто оставался на оккупированной территории. Депортировались в основном немцы из Прибалтики, Белорусской, Украинской и Молдавской ССР.

Таким образом, в результате нескольких миграционных потоков сформировалось немецкое население Западной Сибири. Депортация, запрет на возвращение в места прежнего проживания и внутренние миграции привели к совершенно новому по сравнению с довоенными годами распределению немецкого населения. Так, в 1926 г. в Сибири проживало 6,6 % российских немцев, в Казахстане — 4,1, в Средней Азии — 0,8 %. В 1979 г. проживало в Сибири 23,8 %, в Казахстане — 46,5, в Средней Азии — 9,3 % немецкого населения¹⁷. Таким образом, произошло многократное увеличение численности немцев в азиатской части страны.

Внутри Западно-Сибирского региона не наблюдалось значительных изменений в территориальной структуре немецкого населения. В основном характер расселения немцев менялся в результате хозяйственно-экономических преобразований. Происходил процесс укрупнения населенных пунктов, снижалась их этническая однород-

ность. Практически исчезли немецкие хутора. Общая численность сел Омской области с преобладающим немецким населением снизилась до 100.

Численность немецкого населения в Западной Сибири в последние десятилетия росла лишь в Омской области. Динамика численности немцев в тех областях, где проводился этносоциологический опрос, представлена в табл. 3.4.

В настоящее время на численность и размещение немцев в Сибири значительно влияет эмиграция в Германию, а также приток из Казахстана и Средней Азии так называемого русскоязычного населения. Эти процессы разрушают моноэтнические в прошлом немецкие деревни, нарушают привычный уклад жизни их общин.

В последние годы появился новый фактор развития немецкой диаспоры в Сибири — образование немецких национальных районов. 1 июля 1991 г. Указом Верховного Совета РСФСР был восстановлен Немецкий район на Алтае с административным центром в с. Гальбштадт. 17 февраля 1992 г., был образован Азовский немецкий национальный район в Омской области. Разумеется, создание национальных районов не решило всех проблем и противоречий, существующих в регионе, и, в частности, проблему эмиграции. Однако есть положительные моменты и в экономике, и в области культуры, и в развитии образования на немецком языке. Будет ли опыт существования районов положительным — покажет время.

При изучении современных этнических процессов у немцев Западной Сибири важным направлением являлось исследование этнического самосознания немцев,

Таблица 3.4

Численность немцев Новосибирской, Омской и Кемеровской областей по данным Всесоюзных переписей населения¹⁸

Область	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Новосибирская	67 931	64 895	61 497
Омская	111 807	120 806	134 199
Кемеровская	52 155	47 040	47 990
Всего...	231 893	232 741	243 686

так как именно оно выполняет функцию этнического определителя¹⁹. В смене этнического самосознания наиболее ярко видны конечные результаты этнических процессов.

Важнейшее значение при изучении этнического самосознания имеют такие индикаторы, как этническая самоидентификация и представления об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках²⁰. В этот комплекс включаются представления о характерных чертах своего народа, о его происхождении и историческом прошлом, о языке, культуре, в том числе традициях, нормах поведения, обычаях и обрядах.

Все опрошенные нами немцы осознают себя прежде всего частью немецкого этноса. Становление этнического самосознания немецких колонистов, прибывших в Россию из различных частей раздробленной Германии, происходило на протяжении всей колонизации, приблизительно до начала XX в. Решающую роль на формирование этнического самосознания оказало иноэтничное окружение: не только выходцы из различных германских княжеств, но и потомки французских, австрийских, швейцарских колонистов стали называть себя немцами. Само наличие такого этнонима свидетельствует об осознанности членами этнической общности их особого единства и отличия от членов других подобных общностей²¹.

О том, что у российских немцев сформировалось четкое самосознание, свидетельствует и тот факт, что они его сохраняют длительное время после эмиграции. В Германии действуют землячества российских немцев, наиболее крупное из которых находится в Штутгарте. Подобные землячества «русских немцев» существуют по всему миру: в Бразилии, Аргентине, США, Канаде и других странах. Их создавали эмигранты, выехавшие из России в XIX—XX вв. Они осознают свое отличие от других эмигрантов из Германии, считая своей родиной Россию. То же самое можно сказать и о немцах, проживающих после распада СССР в различных странах Содружества. Долгое время по отношению к ним существовал этноним «советские немцы», который ныне заменен на «российские немцы».

Дисперсное расселение российских немцев, сложившееся в результате миграционных процессов, привело к появлению нескольких крупных этнотерриториальных общностей: немцы Украины, Крыма, Кавказа, Поволжья, Прибалтики, Казахстана, Алтая, Сибири и некоторые другие, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие группы.

Этнический состав немцев Сибири достаточно сложен. При его определении кроме архивных материалов использовались данные этносоциологического опроса, который включал вопрос об этногрупповой принадлежности респондентов.

Согласно полученным результатам:

Групповая этническая принадлежность	%
«Сибирские»	45,4
Поволжские	21,6
Меннониты	5,4
Волынские	5,3
Украинские	4,1
Швабы	1,3
Баварцы	0,1
Саратовские	0,3
Самарские	0,1
Житомирские	0,3
Херсонские	0,1
Прочие	1,4
Затруднились ответить	14,6

Самую значительную группу составили немцы, назвавшие себя «сибирскими». В большинстве это потомки тех колонистов, которые переселились в Сибирь в конце XIX — начале XX в. При опросе 14,6 % респондентов не осознают своей принадлежности к какой-либо группе, остальные назвали себя поволжскими, украинскими, волынскими немцами, меннонитами (голландцами, «платтдойч»), швабами.

Кроме вышеперечисленных групп в Сибири проживают представители других общностей немцев, не таких многочисленных, но сохраняющих свое самосознание. Это баварцы, саксонцы, австрийские, алтайские, кавказские, крымские, житомирские, одесские, польские, саратов-

ские, херсонские немцы. Кроме этого, 56 % респондентов заявили, что знают другие группы немцев: прибалтийские, казахстанские, трубецкие, оренбургские, ципсеры, кашубы и некоторые др. Немцев, живущих в Германии, немцы Сибири называют «западными» или «райхдойч». Для некоторых респондентов характерно многоступенчатое самосознание, т.е. человек может одновременно считать себя и сибирским немцем, и украинским (по району выхода), и швабом (по происхождению).

Наиболее обособлена и консолидирована этноконфессиональная группа меннонитов, которые сохраняют память о голландском происхождении, веру и язык.

Вследствие стирания языковых и конфессиональных границ идет процесс сближения всех групп немцев Западной Сибири. О консолидационных процессах свидетельствует и появление этнонима «сибирские немцы», и то, что немцы южных районов Западной Сибири четко осознают свою обособленность и отличие от двух соседних общностей — казахстанских и алтайских немцев. В то же время говорить о сложении единой этнической группы сибирских немцев пока преждевременно, так как у них отсутствует единое этническое самосознание.

Более верным, на наш взгляд, является определение немцев Западной Сибири как этнотерриториального массива, для которого характерны процессы внутренней консолидации.

О том же свидетельствует и анализ ответов респондентов на вопрос относительно их представлений об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках. Наиболее значительными этноконсолидирующими признаками для немцев оказались язык и общность происхождения, которые выделили соответственно 56,1 и 44,5 % опрошенных. На втором по значимости месте находятся обряды и обычаи — 18,5 % и религия — 14,2 %. Второстепенное значение имеют элементы материальной культуры: одежда, жилище, пища. Наиболее значимыми этнодифференцирующими признаками оказались (в порядке убывания) язык, особенности поведения, обряды и обычаи, религия. Не видят никаких отличий от людей других национальностей 23 % респондентов.

Интенсивность интеграционных процессов можно оценить с помощью анализа ответов на вопрос о том, какие национальности близки к немцам. В опросе фигурировали два признака: язык и культура. При этом 70 % респондентов не назвали ни одной национальности, близкой немцам Сибири по языку. Из тех, кто ответил положительно на данный вопрос, большинство респондентов назвали русских — 18,5 %. По близости к немцам по культуре и быту русские также находятся на первом месте — 37,5 %. Среди других национальностей названы народы Прибалтики, голландцы, австрийцы, поляки. И все же наибольшее языковое и культурно-бытовое сходство отмечено респондентами по отношению к русскому населению.

Изучение конкретной этноязыковой ситуации в исследуемых группах проводилось в трех направлениях: языковая компетенция, языковое поведение и языковое предпочтение. Представление о динамике этноязыковых процессов, в частности об изменении такого показателя, как осознание немецкого языка родным, дают материалы переписей населения (табл. 3.5)²².

Представленные данные свидетельствуют о быстрой утрате немецким языком своих позиций. Эти цифры являются средними показателями, отражающими общую тенденцию. Существенно отличаются ответы на вопрос о родном языке городских и сельских жителей, а также жителей различных областей. Естественно, что при опросе жителей крупного города и жителей сельской глубинки результаты получаются разные. Так, по данным переписи 1989 г., родным языком немецкий назвали 31,1 % городских жителей Новосибирской области, 32,1 % горожан Кемеровской области и 38,4 % — Омской облас-

Таблица 3.5

Динамика соотношения языков, названных немцами Западной Сибири в качестве родного (по данным переписей населения 1970, 1979, 1989 гг.), %

Считают родным языком	1970	1979	1989
Немецкий	61,5	51,6	46,5
Русский	38,4	48,3	53,4
Другие	0,1	0,1	0,1

ти²³. Среди сельских жителей Омской области эта цифра, например, достигает 66,2 %. По данным этносоциологического опроса, в моноэтнических населенных пунктах количество немцев, считающих родным языком немецкий, составляет 84,6 %, а в старших возрастных группах — 95,3 %.

Категория «родной язык» тесно связана с этническим самосознанием, она отражает не столько активную языковую практику личности, сколько ее национальную ориентацию. Положение с языковой компетенцией в обследованных группах оказалось довольно сложным.

Свободно владеют немецким языком (т.е. читают и пишут) 43,9 % респондентов, не владеют — 3,4, около 38 % опрошенных владеют немецким языком на разговорном уровне, а около 15 % понимают немецкий язык и могут объясняться. Выше языковая компетентность у молодых людей, большинство которых учили немецкий язык в школе, и у лиц старшей возрастной группы, получивших образование на немецком языке еще до войны. Подавляющее большинство опрошенных (89,9 %) получили образование на русском языке.

Существуют определенные тенденции в функционировании немецкого и русского языков, у каждого из них своя «сфера применения», хотя нередко они пересекаются. На немецком языке в основном говорят с родителями 64,0 %, с супругами — 61,7, с соседями — 60,4 %. По-русски общаются с детьми 61,1 %, на производстве — 75,8, переписываются с родными 59,7 %. В общении с детьми прослеживается тенденция предпочтения русского языка: в средних возрастных группах, имеющих, как правило, несовершеннолетних детей, в основном говорят по-русски 75—80 % опрошенных.

Двуязычие у немцев развивается и экстенсивным, и интенсивным путем. Русским языком в той или иной степени владеют 99,9 % опрошенных. Столь широкое владение русским языком сочетается с очень высоким для второго языка уровнем языковой компетенции: 90,8 % респондентов владеют русским языком свободно.

На развитие этноязыковой ситуации большое влияние оказывает психологическая установка населения на

язык школьного обучения. Так, 86,4 % респондентов заявили, что в школе необходимо преподавать немецкий язык, 68,5 % респондентов хотели бы учить язык в немецкой средней школе. Однако лишь в школах Азовского немецкого национального района немецкий язык как родной преподается в удовлетворительном объеме (5—6 ч в неделю). Для перехода к немецкой национальной школе сейчас нет ни материальных условий, ни подготовленных специалистов.

Необходимо отметить, что немецкая школа, образование на немецком языке имеют в России хорошие корни и традиции²⁴. Однако в условиях иноэтничного окружения позиции немецкого языка и связанной с ним культуры неизбежно ослабевали. Конкретная языковая ситуация в немецких колониях зависела не только от численности группы, характера ее расселения, скорости этнических процессов в регионе, но и от государственной политики. Темпы языковой ассимиляции на протяжении последнего столетия были ускоренными, что привело к неудовлетворенности запросов немецкого населения в области национального языка и национальной культуры.

Форма существования немецкого языка в сибирских колониях является весьма своеобразной. Помимо большого влияния русского языка роль сыграло и то, что на протяжении двух столетий немецкий язык колонистов развивался изолированно от тех языковых процессов, которые проходили в Германии.

Научное исследование островных немецких диалектов в России начали в 1920-х гг. Г. Дингес, А.П. Дульзон, В.М. Жирмунский. К сожалению, исследования к концу 1930-х гг. были прекращены из-за репрессий по отношению к немцам, Саратовская и Ленинградская диалектологические школы были уничтожены. Изучение языка российских немцев было продолжено в 1960—1980-х гг., но уже в совершенно новых условиях. Если до Великой Отечественной войны немцы проживали в относительно закрытых колониях, то ситуация изменилась после их выселения в восточные районы страны. Произошло смешение говоров, возросло влияние русского языка. В свя-

зи с этим возник ряд языковых проблем, изучением которых занимались ученые под руководством профессора Г.Г. Едига, ставшего основателем Омской диалектологической школы. С 1969 по 1989 г. выходил сборник «Вопросы диалектологии», однако после эмиграции Г.Г. Едига в Германию изучение немецких диалектов прекратилось. Основным итогом многолетней работы стала монография Г.Г. Едига и Н. Беренд «Немецкие диалекты в Советском Союзе. История исследования и библиография», вышедшая в Марбурге в 1991 г.²⁵

Немецкие диалекты Западной Сибири представляют собой явление сложное и неоднозначное. Гетерогенность немецкого населения Сибири обусловила языковое многообразие. В Сибири проживают потомки переселенцев из различных земель Германии: Саксонии, Баварии, Эльзаса, Пфальца, Гессена, Бадена, Вюртемберга и др. Много переселенцев было из Голландии, Австрии, Польши. В России развитие языка проходило внутри этнотерриториальных групп поволжских, украинских, волынских немцев, меннонитов и т.д. При переселении в Сибирь происходило дальнейшее смешение говоров. Нами отмечено весьма слабое владение немцами Сибири немецким литературным языком.

В настоящее время сфера действия немецкого языка (диалекта) все более сужается до уровня внутрисемейного общения. В области пассивного участия в языковой деятельности, такой, например, как выбор предпочтительного языка спектаклей и концертов, большинство респондентов (66,1 %) предпочли русский язык. Участники опроса объясняют это тем, что не понимают литературного немецкого языка. В качестве примера можно привести гастроль Алма-Атинского немецкого драматического театра: большим успехом пользовались те его спектакли, которые исполнялись на диалекте.

Важную роль играет и такой показатель уровня билингвизма, как использование немецкого и русского языков в чтении литературы, периодической печати. Газеты и журналы на русском языке читают 87,0 % опрошенных, на немецком — 18,3 %. Художественную литературу на русском языке читают 65,2 % опрошенных,

на немецком — 5,5 %. Во многом такая ситуация объясняется тем, что печатной продукции в России на немецком языке выходит немного, и она менее разнообразна, чем русская.

Таким образом, для немцев Западной Сибири характерно развитое немецко-русское двуязычие. В сельской местности, особенно в моноэтнических населенных пунктах, оно складывается в пользу немецкого языка. Однако в настоящее время достигнута достаточно высокая степень этноязыковой ассимиляции русским языком, имеющая тенденцию к усилению.

Этнические процессы представляют собой прежде всего изменение культурной специфики общностей²⁶. В нашу задачу входило, с одной стороны, изучение этих изменений, происшедших вследствие миграций, экономических и политических преобразований и других факторов, с другой — изучение стабильных элементов материальной и духовной культуры немцев Западной Сибири, взявших на себя функцию этнических определителей.

Основу хозяйства немцев традиционно составляли пашенное земледелие и животноводство. Немецкая деревня России за полтора века своего существования до 1917 г. прошла через ряд этапов экономического развития: от натурального хозяйства новоселов-иммигрантов, служившего лишь для самообеспечения, через развитие товарного животноводства и земледелия вплоть до промышленного капитализма²⁷. Те же этапы, только сжатые в рекордно короткие сроки, прошла немецкая деревня после переселения колонистов в Сибирь.

Одним из наиболее устойчивых элементов материальной культуры является жилище. В постройках немецких колонистов в Сибири сохранились прежде всего такие особенности жилища материнских колоний, как планировка, расположение дома по отношению к улице. В то же время отсутствует такая специфическая немецкая строительная техника, как *Fachwerk*.

Первые несколько лет после переселения в Сибирь многим колонистам приходилось жить в землянках и полуземлянках. Затем они строили небольшие дома из саманного кирпича с земляным полом, с крышей из

Дом первых переселенцев. Начало XX в. (с. Гальбштадт Немецкого национального района Алтайского края).

дерна, соломы или камыша. Эти постройки сохранились до наших дней, хотя они уже используются не как жилье, а как подсобные помещения. Л.В. Малиновский, обследуя в 1960 г. села Новосибирской области, выделил три типа немецких домов, характерных для немецких сел степной Сибири²⁸.

Наши исследования показали, что сейчас у немцев Сибири преобладают дома «крестового типа». Строительным материалом служит кирпич, срубные дома часто обшивают снаружи тесом. Для крыши используют шифер, черепицу, тес. Печь «голландского» типа чаще всего находится в центре дома, обогревая сразу несколько комнат. Преобладают фронтовые дома. К боковой стороне дома пристраивается утепленная веранда. Обязательный элемент усадьбы — летняя кухня — располагается параллельно дому, часто к ней примыкают другие хозяйственные постройки: баня, сарай, кладовые, специальный задний двор для скота, за ним начинается огород. Почти в каждой усадьбе есть коптильня, встречаются печи для хлеба²⁹.

Современный немецкий дом (с. Солнцевка Исилькульского района Омской области, фото 1994 г.).

Немцы уделяют большое внимание внешней отделке дома. Снаружи дома окрашивают масляными красками, нередко ярких, контрастных цветов. Фасад дома, заборы, калитку украшают орнаментом из цветов и птиц. В палисадниках сажают деревья и цветы, во дворах разбивают клумбы.

Своеобразен интерьер немецкого жилища. Стены штукатурят и белят известью, потолки красят. В современных домах преобладает мебель фабричного изготовления. Однако у людей старшего поколения сохраняется самодельная мебель, часто украшенная резьбой и росписью: гардеробы, комоды, колыбели, диваны с выдвигаемыми ящиками для хранения одежды, буфеты, сундуки, лавки и стулья.

Из утвари сохраняются и часто используются в хозяйстве приспособления для глажения белья (*маннергольцы*), вертикальные и барабанного типа маслобойки, прялки вертикальные и горизонтальные, приспособления для набивки колбас (*вошприцы*) и др. На прямоугольных рамках ткнут половики из шерстяной пряжи, окрашенной в различные цвета.

Деталь интерьера немецкого дома (д. Ананьевка Кулундинского района Алтайского края, фото 1997 г.).

Наиболее устойчивый элемент культуры этноса — пища. Для немцев Сибири характерна та модель питания, которая существовала и в начале XX в. Изменения связаны лишь с тем, что большую часть продуктов стали покупать. Раньше, например, муку мололи из собственного зерна почти в каждой деревне, сахар получали из патоки, которую варили из сахарной свеклы. Рацион расширялся также за счет фруктов и овощей, на огородах стали выращивать томаты, огурцы, ягодные культуры. В целом же основу пищевого рациона немцев Сибири, как и в первой половине XX в., составляют мучные, мясные и молочные продукты, картофель.

Обычно немцы употребляют легкий завтрак (кофе с хлебом или печеньем), обед из одного блюда и плотный, состоящий из нескольких блюд ужин. Супы занимают довольно значительное место в рационе. Хотя сибирские немцы умеют готовить щи и борщи, заимствованные у славян, однако предпочитают куриную лапшу (*нудль*), густые мучные супы, суп с клецками (*ривельсуп*). Одним из наиболее любимых первых блюд является *шниц-*

Прядение пряжи (с. Сосновка Азовского немецкого национального района Омской области, фото 1993 г.).

суп, основу которого составляет компот из сухофруктов или ягод. Он бывает нескольких разновидностей: холодный и горячий, с рисом или с хлебом, с галушками (*клейст*), с поджаренной мукой, со сметаной.

В Сибири весьма популярны блюда из картофеля. Немцы готовят картофельные оладьи (*картофельплац*), картофель с тестом (*картофельклейст*), картофель с тушеной капустой и др.

В праздничные дни обязательно пекут изделия из дрожжевого или пресного теста (*кухе*). Существует большое количество разновидностей *кухе*: пирог с посыпкой (*ривелькухе*), пирог с ягодами (*тыглькухе*) и др. Из сдобного теста стряпают всевозможные булочки, *крепли*, рулеты, фигурное печенье и т.д.

Мясные блюда употребляются и в будни, но являются обязательным атрибутом праздничного стола. В будни чаще готовят блюда из отварного мяса. Праздничный стол украшают рубленое мясо (*шницель*), колбасы, копченое мясо и сало, жаркое (*проуд*), рулет (*штрудель*). Предпочтение свинине и птице перед другими видами мяса отдают примерно 80 % опрошенных. Весьма популярно копчение (мяса, сала, птицы, рыбы, колбас) горячим и холодным способами для заготовки продуктов впрок.

Из молочных продуктов употребляют сливки, простоквашу, творог, сбивают масло. Сыр делают значительно реже, чем раньше. Основным источником получения мясных, молочных продуктов, картофеля по-прежнему служит подсобное хозяйство.

В отличие от материальной культуры духовная культура в меньшей степени детерминирована развитием экономики, природно-климатическими условиями и, следовательно, более традиционна в своем развитии. На формирование современной духовной культуры немцев Сибири сильно влияет комплекс языковых и психологических установок. Учитывая большое влияние русского языка, русскоязычной литературы, а также то, что в сельских библиотеках практически отсутствует национальная литература, становятся объяснимыми результаты ответов о месте немецкой национальной культуры в жизни сибирских немцев. Так, при ответе на вопрос «Каких поэтов и писателей своего народа Вы знаете?» 68,5 % наших респондентов не смогли назвать ни одного имени и лишь 2,5 % назвали более четырех.

В этой связи показательны данные о наличии в семьях домашних библиотек: 34,2 % респондентов не имеют дома книг, у большинства насчитывается 10—50, и лишь у 8,7 % респондентов свыше 100 книг. Большой удель-

ный вес в домашних библиотеках принадлежит книгам религиозного содержания.

Существование длительное время локальных поселений в иноконфессиональной среде привело к тому, что религиозная община во многом определяла жизнь колонистов. Община отвечала за образование и нравственное воспитание детей, поэтому большое влияние на духовную культуру немцев оказала религия. В большей степени это относится к последователям сект, вся жизнь которых регламентирована религиозной общиной, в меньшей степени — к католикам и лютеранам.

Национальные предпочтения в сфере музыки и танцев оказались под значительным влиянием фактора двуязычия. Значительное число респондентов (46,1 %) предпочитает слушать русские народные песни, старинные немецкие — 55,1 %. При ответе на вопрос о предпочтении танцев 49,2 % информаторов предпочли танцевать и смотреть немецкие народные танцы, а 41,9 % — русские. Такое незначительное превалирование национального над

Выступление немецкого фольклорного ансамбля с. Подсосново на празднике деревни (Немецкий национальный район Алтайского края, фото 1997 г.).

иноэтничным свидетельствует и о сохранении своих культурных традиций, и о ходе процессов этнической аккумуляции.

Существенно важной сферой духовной культуры является обрядность. Анализ немецкой обрядности позволяет выделить несколько составляющих ее групп элементов. Во-первых, это элементы, заимствованные у окружающего, в основном русского населения. Во-вторых, это религиозные элементы, связанные с христианским учением. В-третьих, это архаичные, дохристианские элементы, частично осуждаемые церковью, смысл которых уже утрачен, но используемые по традиции. Эти обряды и обычаи, бытовавшие в германских землях в XVIII в., в современной Германии унифицированы либо полностью утрачены. В Сибири же в условиях иноэтничного окружения и изоляции от метрополии они были законсервированы и представляют уникальную возможность для реконструкции традиционной немецкой обрядности.

Это в равной степени относится и к календарной, и к семейной обрядности немцев Сибири. Наибольшая сохранность традиций была зафиксирована в свадебном обряде. Чаще всего после регистрации брака свадьбу празднуют по народным обычаям (табл. 3.6).

Выбор типа свадьбы может быть обусловлен конфессиональной принадлежностью молодоженов. Свадебный обряд меннонитов был описан А.Н. Ипатовым³⁰. Несмотря на то, что в Сибири существуют локальные варианты свадебного обряда немцев, по нашим материалам можно выделить основные этапы и характерные черты сибирской немецкой свадьбы.

Таблица 3.6

Выбор типа свадебного обряда немцами Западной Сибири по данным опроса 1989—1991 гг., % от общего числа опрошенных

Тип свадьбы	%
Торжественная регистрация в загсе	68,0
Свадьба по народным обычаям	42,3
Домашнее торжество	33,1
Свадьба по религиозному обряду	4,3

Свадьба всегда носила договорной характер. В недавнем прошлом существовал строгий запрет на браки между представителями различных конфессий. Конфессиональная замкнутость, языковой барьер, причины экономического характера приводили к тому, что в ряде немецких сел браки заключались среди ограниченного круга лиц, между родственниками. В настоящее время эндогамных браков практически не существует, заключается много национально-смешанных браков.

Традиционно свадьбе предшествует сватовство. На нем договариваются о сроках свадьбы, размерах приданого, обговаривают материальную сторону торжества. Свадьбу празднуют обычно осенью, после уборки урожая два-три дня. Торжественный обряд бракосочетания проводят в молитвенном доме, и он носит религиозный характер, либо в доме культуры. Вариантов обряда много, но практически все они включают в себя торжественные поздравления, обмен кольцами, запись в регистрационную книгу.

После обряда бракосочетания проходит праздничный обед, во время которого исполняют старинные танцы. В танцах преобладают высокие прыжки, что соотносится с магией плодородия. Существует «танец со стулом», во время которого сидящих на стульях жениха и невесту поднимают, и они должны в воздухе поцеловаться. В танце, типа хоровода молодые с завязанными глазами наугад указывают будущих жениха и невесту.

Невесту принято красть, а потом выкупать, равно как и украденную туфлю. В полночь с невесты снимают свадебный венок и поют песню «Schön ist die Jugend» («Прекрасна молодость»). Голову невесте повязывают платком, и этот ритуал «очепления» фиксирует переход новобрачной в новое состояние.

Во второй и третий день свадьбы на первое место выходят развлекательно-игровые элементы. Обязательны танцы, игры, различные испытания молодых, ряженые. Устраивается шутовская свадьба со «второй невестой» — обычно переодетым мужчиной. В структуре свадебного обряда имеются элементы охранительной, продуцирующей, любовной магии, культа «домашних» духов-покровителей, травестиизма.

Архаика в обрядности немцев интересует нас для подтверждения тезиса, что иноэтничное окружение способствует консервации традиционных форм духовной культуры. Ускоренное разрушение этих форм свидетельствует об усилении консолидационных, интеграционных и ассимиляционных процессов, и, напротив, сохранение архаичных элементов говорит о замедленном течении этих процессов в обрядовой сфере духовной культуры.

С этой точки зрения показательны календарные праздники немцев Сибири: Рождество, Пасха, Троица, День св. Иоганна, праздник урожая, праздник забоя скота. Все они сохраняют специфические немецкие элементы. Например, хождение по деревне на Рождество ряженных — Крискинде и Пельцникеля, установка «майского дерева» и т.д.

Кроме того, длительное проживание с русскими не могло не отразиться на немецкой обрядности. Например, сибирские немцы не празднуют Дня трех королей, популярного в Германии³¹. Вместо этого многие немцы отмечают «русское Рождество», «русский старый новый год». Празднование Масленицы (*Fasching*) трансформировалось в проводы русской зимы. Праздник «Йоганы» многие отмечают как праздник Ивана Купалы, а у немцев с. Цветнополе Азовского немецкого национального района, живущих вместе с эстонцами, его называют Янов день и отмечают по эстонским обычаям.

В области межнациональных отношений в Сибири сложилась весьма своеобразная ситуация. Сложный этнический состав, чересполосное расселение, высокий процент национально-смешанных браков обусловили формирование многоступенчатой системы межнациональных установок. В данной работе исследовался прежде всего личностный уровень межэтнических контактов, включающий в себя сферы семейного, производственного и соседско-дружеского общения.

Основным этническим партнером немцев Западной Сибири являются русские, своими соседями их назвали 64,3 % опрошенных. Около 30 % респондентов заявили, что их соседи — только немцы. Незначительное число

респондентов назвали в качестве своих соседей казахов (3,9 %) и украинцев (2,3 %), также проживающих компактными группами в южных районах Западной Сибири.

В настоящее время процессы межэтнического взаимодействия идут весьма интенсивно. Так, 81,5 % респондентов заявили, что в их семьях и среди близких родственников имеются люди других национальностей. В данной сфере общения также преобладают русские — 70,7 %.

При анализе ответов на вопросы о национальных предпочтениях в выборе друзей, о работе в межнациональных коллективах прослеживаются процессы сближения немцев с представителями других национальностей. Так, 76,7 % наших респондентов считают, что национальный состав коллектива не имеет никакого значения, 7,9 % убеждены в положительном влиянии многонационального состава на отношения в производственном коллективе, более 10 % считают, что в разнонациональном коллективе работать сложнее. Национальность друга, как выяснилось, не имеет никакого значения более чем для 80 % респондентов, и лишь около 12 % опрошенных предпочитают иметь друзей своей национальности.

Анализ ответов на вопрос об отношении респондентов к межнациональным бракам показывает в целом положительное отношение к бракам с людьми другой национальности: 63,1 % респондентов заявили, что национальность при вступлении в брак не имеет значения, а 32,1 % предпочитают брак с людьми своей национальности.

Необходимо отметить, что доля национально-смешанных браков у немцев Сибири весьма высока. Динамика этих браков у немцев Омской области представлена в табл. 3.7. В первое послевоенное десятилетие доля национально-смешанных браков колебалась от 29 до 52,5 %. С 1961 по 1970 г. они начинают превалировать над однонациональными. На протяжении 1970—1980-х гг. тенденция роста национально-смешанной брачности сохранялась, и в настоящее время доля таких браков приближается к 70 %, а в Омске — к 90 %. Более 80 % национально-смешанных браков немцы заключают с русски-

**Однонациональные и национально-смешанные браки
немцев Омской области в 1945—1991 гг., %**

Год	Браки		Год	Браки	
	однацио- нальные	национально- смешанные		однацио- нальные	национально- смешанные
1945	47,5	52,5	1972	39,9	60,1
1946	57,5	42,5	1973	38,6	61,4
1947	63,7	36,3	1974	37,9	62,1
1948	68,4	31,6	1975	37,3	62,7
1949	68,2	31,8	1976	38,5	61,5
1950	71,0	29,0	1977	41,9	58,1
1951	66,6	33,4	1978	38,1	61,9
1952	67,5	32,5	1979	37,9	62,1
1953	68,5	31,5	1980	38,9	61,1
1954	60,5	39,5	1981	32,9	67,1
1955	60,1	39,9	1982	37,2	62,8
1956	57,5	42,1	1983	36,0	64,0
1957	59,8	40,2	1984	34,3	65,7
1958	59,0	41,0	1985	34,6	65,4
1959	61,9	38,1	1986	33,8	66,2
1960	54,9	45,1	1987	33,5	66,5
1961	55,2	44,8	1988	34,5	65,5
1970	41,9	58,1	1989	33,3	67,0
1971	39,1	60,9	1991	31,7	68,3

ми. В южных районах много таких браков заключается с украинцами.

Таким образом, исследование этнических процессов у немцев Западной Сибири позволяет сделать ряд общих выводов. Развитие этнических процессов у данной национальной группы проходит в двух основных направлениях. Во-первых, это этноэволюционные процессы межэтнического характера, ведущим среди которых является этническая ассимиляция. Во-вторых, для западно-сибирских немцев характерны процессы этнотрансформационного характера и прежде всего этническая консолидация. Результатом этнической консолидации является формирование этнической группы сибирских немцев, проходящее в настоящее время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чешко С.В. Время стирать «белые пятна» // СЭ. — 1988. — № 6. — С. 3—13.

² Исчислено по: *Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.* — М.: Финансы и статистика, 1989. — Т. 4, ч. 1. — Кн. 1. — С. 219, 288, 292.

³ *Бруль В.И.* Немцы в Западной Сибири. — Топчиха, 1995. — Ч. 1. — 194 с.; Ч. 2. — 224 с.; *Малиновский Л.В.* Немцы в России и на Алтае. — Барнаул, 1995. — 182 с.

⁴ *Малиновский Л.В.* Жилище немцев-колонистов в Сибири // СЭ. — 1968. — № 3. — С. 97—105; *Он же.* Некоторые предварительные результаты социолого-лингвистического обследования немецкого населения Западной Сибири // Сбор и разработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 20—29.

⁵ *Наумова О.Б., Чешко С.В.* Современные этнокультурные процессы у казахов и немцев Казахстана (опыт сравнительного анализа) // Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде. — М., 1989. — С. 30—77; *Филимонова Т.Д., Шин М.Ф.* К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпатья // Карпатский сборник. — М., 1972. — С. 116—138.

⁶ *Соколовский С.В.* Брачные круги и эндогамные барьеры. К методике анализа брачной миграции // СЭ. — 1986. — № 4. — С. 67—99; *Он же.* Меннониты Алтая: устойчивость этноконфессиональной группы в условиях перманентной миграции // Этносоциальные проблемы сельских миграций. — М., 1990. — С. 125—139.

⁷ *Гербер О.А.* Немецкий национальный район в Алтайском крае // Немцы Сибири: история и культура. — Омск, 1993. — С. 137. (По некоторым данным, первым было основано с. Подсосново в 1894 г.)

⁸ *Патканов С.К.* Список народностей Сибири. — Пг., 1923. — С. 8.

⁹ *Stumpp K.* Verzeichnis der deutschen Siedlungen in Nord-(Sibirien) und Mittelasien // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. — Stuttgart, 1964. — S. 87—99.

¹⁰ *Кригер В.Э.* Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Алма-Ата, 1991. — С. 14.

¹¹ Исчислено по: *Stumpp K.* Verzeichnis... — S. 87—99.

¹² *Stumpp K.* Ergebnisse über die gesamterhebung des Deutschtum in der Sowjetunion // Heimatbuch... — S. 41.

¹³ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. — Саратов, 1992. — Ч. 1. — 192 с.; Саратов, 1994. — Ч. 2. — 416 с.

¹⁴ *Итоги демографической переписи 1920 г. по Омской губернии: Возрастной и национальный состав населения с подразделением по полу и грамотности.* — Омск, 1923. — С. 65.

¹⁵ *Назарцева Т.М.* Немецкое население Сосновского района Омской области по переписи 1926 года // Немцы Сибири... — С. 145.

¹⁶ *Бугай Н.Ф.* 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. — 1991. — № 2. — С. 173.

¹⁷ *Eisfeld A.* Russland (Sowjetunion) // Informationen zur politischen Bildung. — München, 1991. — S. 10.

¹⁸ *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1970 г. — М.: Статистика, 1973. — Т. 4. — С. 232—284; *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1979 г. ... — С. 219—292; *Национальный состав населения СССР: По данным переписи населения 1989 г.* — М.: Финансы и статистика, 1991. — С. 60, 68.

¹⁹ *Кушнер П.И.* Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения Института этнографии. — 1949. — Т. 8. — С. 3—9.

²⁰ *Козлов В.И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. — 1972. — № 2. — С. 80—84.

²¹ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. — М., 1973. — С. 176.

²² Исчислено по: *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1970 г. — С. 232—284; *Итоги* Всесоюзной переписи населения 1979 г. — С. 219—292; *Национальный состав...* — С. 60—68.

²³ *Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* — М., 1990. — С. 544—558.

²⁴ *Шлейхер И.И.* Пособие по истории российских немцев. Вторая половина XVIII — начало XX веков. — Барнаул, 1992. — С. 44—55.

²⁵ *Berend N., Jedig H.* Deutsche Mundarten in der Sowjetunion // Geschichte der Forschung und Bibliographie. — Marburg, 1991.

²⁶ *Современные этнические процессы в СССР.* — М., 1977. — С. 6.

²⁷ *Малиновский Л.В.* Социально-экономическая жизнь немецкой колониетской деревни в Южной России (1769—1917): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Л., 1986. — С. 23.

²⁸ *Малиновский Л.В.* Жилище... — С. 100—103.

²⁹ МЭЭ ОмГУ, 1993. — П. 1. — Л. 4—10.

³⁰ *Ипатов А.Н.* Меннониты. — М., 1978. — С. 37—38.

³¹ *Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев.* — М.: Наука, 1983. — С. 157.

4. РУССКИЕ

Этноним «русские» известен еще с древнейших времен, и о его происхождении высказывались самые противоречивые предположения. Наиболее распространено мнение, связывающее его возникновение с названием р. Рось (приток Днепра), с древнейшим именем славянского племени россов или родиев¹. В XIX — начале XX в. русских называли великорусами или великороссами.

Русские — один из крупнейших народов мира. По переписи 1989 г., численность русских в РСФСР состав-

ляла 119 865,9 тыс. чел. (81,5 % всего населения республики). За пределами России проживают в бывших союзных республиках: на Украине — 11 355,6 тыс. чел., в Казахстане — 6227,5 тыс., Узбекистане 1653,5 тыс., Белоруссии — 1342 тыс., Киргизии — 916,6 тыс., Латвии — 905,5 тыс., Молдавии — 562 тыс., Эстонии — 474,8 тыс., Азербайджане — 392,3 тыс., Таджикистане — 388,5 тыс., Литве — 344,5 тыс., Грузии — 341,2 тыс., Туркмении — 333,9 тыс., Армении — 51,5 тыс. чел., а также в США (1,0 млн чел.), Канаде и ряде других стран (всего около 1,4 млн чел.)².

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Западно-Сибирском регионе проживало более 12,7 млн чел. русской национальности, из них: в Алтайском крае — 2470 тыс., в Кемеровской области — 2870 тыс., Новосибирской — 2556 тыс., Омской — 1720 тыс., Томской — 883 тыс., Тюменской области — 2248 тыс. чел.³

Русский язык относится к восточно-славянской подгруппе славянской группы индоевропейской языковой семьи, он тесно связан с белорусским и украинским, чему способствовал общий для них язык древнерусской народности и восточно-славянское единство племенных диалектов. В наше время русский язык относится к группе самых распространенных среди мировых, является языком межнационального общения народов распавшегося СССР.

Антропологически русские относятся к большой европеоидной расе, но существует масса типов и вариантов, образовавшихся в результате длительных миграций, ассимиляции и т.д. В Западной Сибири в русскую этническую среду вливались представители местных и других народов: татары, казахи, чувашаи, коми-зыряне, украинцы, белорусы и др. Антропологи считают возможным выделение особого (областного типа) русского народа в Сибири с несколькими подтипами⁴.

Еще В.О. Ключевский отмечал, что колонизация русскими обширных пространств — отличительная черта их истории⁵. Наряду с многовековой, миграционной активностью важнейшими чертами этнической истории русских является значительный диапазон вариативнос-

ти диалектов, фольклора, традиционно-бытовой культуры.

Исследователи отмечают, прежде всего, три основные исторически сложившиеся этнографические зоны: южно-, средне- и северно-русскую. Среди русского населения Сибири можно проследить особенности каждой из названных зон. Кроме того, в результате различных исторических, политических, социально-экономических и природно-географических условий в местах позднейшей колонизации возникали разные историко-этнографические группы. В конце XIX в. на территории Сибири проживало несколько таких групп, зафиксированных на карте, составленной Г.Н. Озеровой и Т.М. Петровой⁶. Большинство из них сосредоточены на территории Восточной Сибири: затундренные крестьяне (в низовьях рек между Енисеем и Леной, на Дудинке и Хатанге), камчадалы (на Камчатке), колымчане (по Колыме), марковцы (на берегах Среднего Анадыря), русско-устыинцы (в низовье Индигирки), якутяне (по Лене). В Бурятии и Читинской области сохраняют свои особенности семейские Забайкалья, а в Красноярском крае — усть-енисейцы (сельдюки).

На Алтае локализуются потомки русских старообрядцев, переселенных сюда после раздела Польши — поляки (район Усть-Каменогорска) и бухтарминцы или каменщики (по рекам Бухтарма и Уймон). Значительным своеобразием в культурно-бытовой сфере выделялись и этносоциальные группы сибирского, семиреченского, забайкальского, амурского и уссурийского казачества.

Томский исследователь П.Е. Бардина считает возможным выделить в отдельную группу нарымчан — старожильческое население бывшего Нарымского края (Колпашевский, Каргасокский, Парабельский, Верхнекетинский районы Томской области), а Е.А. Строганова — в особую группу современное население Кондинского района Тюменской области (по р. Конда), которое, по ее мнению, представляет своеобразную русско-мансийскую этническую смесь, образовавшуюся в результате «креолизации»⁷.

Русская девушка в традиционном костюме старообрядцев Алтая (г. Омск, фото М.А. Жигуновой, 2000 г.).

Одной из территориальных групп русских в Западной Сибири является русское население Среднего Прииртышья, занимающее, как мы считаем, территорию современной Омской области, расположенную на юге Западно-Сибирской равнины, в среднем течении Иртыша.

До появления русских в Западной Сибири ее население представляло собой пестрый конгломерат тюркоязычных и угорских племен⁸. После похода дружины Ермака встал вопрос об охране вновь присоединенных территорий. Весной 1594 г. был заложен город-крепость Тара, который выполнял военно-административные функции. После серии походов, направленных на успокоение кочевников, сфера влияния Тары к началу XVII в. распространилась практически на всю территорию северной лесостепи современной Омской области. Появление военных гарнизонов поставило задачу снабжения их продовольствием, поэтому правительство было вынуждено начать переселение государственных крестьян из различных губерний Европейской России в Сибирь. Подавляющее большинство переселенцев на первом этапе освоения были выходцами из северных поморских губерний России⁹.

Крестьянские поселения этого периода были сконцентрированы близ крепости Тара и располагались либо вдоль рек (по Иртышу, Оше, Таре), либо вдоль сухопутного тракта Тобольск — Тара. К середине XVII в. переселенцы рекрутировались не только из губерний России, но главным образом из западных уральских уездов самой Сибири. Если в середине XVII в. среди мужского русского населения Среднего Прииртышья 93 % составляли служилые, то уже к концу XVII в. в результате активной переселенческой политики преобладающей группой русских жителей становятся крестьяне и ремесленники¹⁰.

В начале XVIII в. начинают осваиваться лесостепные и степные районы, чему способствовало строительство в 1716 г. Омской крепости и Верхне-Иртышской линии Сибирского казачьего войска. К 1740-м гг. оборонительные укрепления и крестьянские поселения располагались преимущественно по берегам крупных рек, а меж-

дуречья оставались незащищенными. Эту задачу решило строительство Ишимской укрепленной линии и Московско-Сибирского тракта. Строительство в 1750-х гг. третьей новой (Горьковской) укрепленной линии и второй ветки Московско-Сибирского тракта вызвало новый поток переселенцев, прежде всего, в районы Иртышско-Ишимского междуречья. В этот период основные поселенцы — крестьяне-старожила из уездов Сибири и Приуралья. Заметную роль в заселении лесостепи (особенно в Тюкалинском и Крутинском районах) сыграла ссылка. В этот же период среди пришлого населения появляются выходцы из Воронежской, Курской и Орловской губерний¹¹.

Переселенцы первой половины XIX в. оседали преимущественно в южной и северной лесостепи. Реформа 1861 г. увеличила поток земледельческого населения. К середине XIX в. малозаселенными оставались лишь степные пространства, интенсивное освоение которых началось в связи со строительством Сибирской железной дороги. Для заселения южных районов Среднего Прииртышья были характерны (наряду с большим притоком из южных губерний России) внутренние миграционные процессы.

Последняя волна массовых переселений в степные районы была связана с освоением целинных и залежных земель. В миграционных процессах наряду с русскими участвовали выходцы из Поволжья, Казахстана, Средней Азии, Украины, Белоруссии, Прибалтики и Северного Кавказа.

Таким образом, заселение Среднего Прииртышья происходило постепенно, продвигаясь с севера на юг. Современное русское население Омской области представлено потомками трех основных групп: сибирских казаков, крестьян-старожилов и новоселов-переселенцев. Филологи отмечают довольно пеструю картину фразеологии говоров Омской области. Среди старожильческого населения преобладает окающий диалект с ассимилятивным аканьем, распространенный в основном в Большереченском, Знаменском, Колосовском, Муромцевском, Тарском и Тевризском районах¹².

Население Среднего Прииртышья рассредоточено по всей территории области довольно неравномерно. Наименьшая плотность населения — два-три человека на 1 км² в районах северной зоны, что объясняется труднодоступностью и заболоченностью этих мест, удаленностью от областного центра и транспортных магистралей, суровыми климатическими условиями (короткое лето, холодная зима — температура воздуха нередко опускается до -40 °С). Население этих районов сравнительно однородно: русские составляют здесь 70—92 % от всех проживающих. Наибольшая плотность населения (в среднем 15 человек на 1 км²) в районах южной лесостепи. Эти районы были освоены сравнительно недавно и характеризуются довольно высокой полиэтничностью населения. В отдельных районах степной и лесостепной зон русские составляют менее половины всех проживающих (33—47 %).

Наибольшее количество межнациональных контактов русских происходит с татарами, немцами, казахами, украинцами, представителями прибалтийских национальностей. Но характер этих контактов не везде одинаков и зависит как от численности, так и от расселения национальных групп. Если в более отдаленные времена совместные поселения людей разных национальностей были крайне редкими, то сейчас в любом районе области есть населенные пункты, где соседствуют представители нескольких национальностей.

Подведя итог характеристике этноконтактной среды, можно сделать вывод, что территория Среднего Прииртышья относится к зонам наиболее активных этнических взаимодействий русских с другими национальностями. Это неизменно приводит к взаимовлиянию и взаимообогащению национальных культур.

По переписи 1989 г., количество русских в Омской области составляло 80 % от всего населения. На долю городского населения приходится почти 70 % жителей (в 1950 г. — 33 %). Увеличение городского населения происходит за счет миграционного потока, преобразования сельских населенных пунктов в поселки городского типа, а также естественного прироста.

Основным источником нашей работы послужили оригинальные материалы, собранные этнографическими экспедициями ОмГУ в 1975—1996 гг., фольклорными экспедициями ОмГПУ в 1953—1989 гг., а также данные первого в Сибири этносоциологического обследования русского населения Среднего Прииртышья, проведенного под руководством и при участии автора. В 1986—1988 гг. заполнено 1597 опросных листов среди представителей различных половозрастных и социально-профессиональных групп в 13 районах Омской области. В 1994 г. в результате панельных исследований оформлено 700 опросных листов. При повторном обследовании для выявления ролевых функций половозрастных групп в современных этнокультурных процессах при анкетировании отбирали равное количество респондентов каждой половозрастной группы (по 60 чел. в возрастных группах до 25 лет, 25—29, 30—34, 35—49, 50—59 лет и по 50 чел. в старшей группе 60 лет и более). Объектом исследования стало сельское население — как основной носитель культурно-бытовых традиций¹³.

Известно, что культура каждого народа находится под сильнейшим влиянием этнического сознания, которое является социально-психологической категорией и отражает состояние и формы осознания общности этноса, взаимоотношений с другими этносами, способности его самовыделения¹⁴. В результате наших исследований выяснилось, что во время опроса примерно четверть респондентов обладала вполне выраженным многоуровневым самосознанием. Сибиряками назвали себя 15,3 % опрошенных в 1986—1988 гг. и 19,1 % — в 1994 г.¹⁵ Около 2 % опрошенных считают себя чалдонами (что семантически совпадает с понятием «сибиряк»), 1,4 — сибирскими казаками, 22,2 — вятскими, могилевскими, курскими, витебскими, калужскими, оренбургскими, орловскими, тульскими, курганскими, росейскими и др., 0,3 — самоходами и 0,2 % — кержаками и молоканами. В 1988—1990 гг. были опрошены студенты первого курса исторического факультета ОмГУ. Среди них 13,3 % назвали себя сибиряками и 1,9 % — сибирскими казаками¹⁶.

Дополнительную информацию к размышлению дает анализ представлений опрошенных об этнических и этнографических группах своего народа. Наиболее часто называются чалдоны — 9,4 % ответов, сибиряки — 6,5, казаки — 5,8, областные названия — 3,7, кержаки — 3,8, кацапы — 2,6, самоходы — 1,9 %. Встречаются отдельные упоминания о поморах, молоканах, поляках-старообрядцах. Среди студентов сибиряков назвали 25,6 % опрошенных (в том числе и чалдонов, поляков, семейских Забайкалья), поморов — 12,4, иные этнические и этнографические группы — 15,8 %.

Наиболее близкими к себе по языку русские считают украинцев (62,9 %) и белорусов (22,9 %). В результате особенностей современного расселения в Среднем Прииртышье украинское население значительно преобладает над белорусским. Кроме того, дисперсно проживающие в русских поселениях белорусы зачастую подвергаются довольно значительной ассимиляции, теряя свою этническую культуру и заимствуя русскую. Все это сказалось на том, что украинцы при опросе назывались гораздо чаще, чем белорусы.

Ответы на сходный вопрос, но уже касающийся близости культуры и быта, более разнообразны. Повсеместные контакты русских с представителями других национальностей неминуемо влекут за собой некоторое число ответов, признающих между ними какую-либо близость. Так, наряду с украинцами и белорусами близкими по культуре и быту русские называют татар, немцев, чувашей, представителей прибалтийских и других народов.

Для опроса были выбраны этнические признаки, охватывающие различные стороны культуры: одежда, жилище, пища, язык, обряды и обычаи, особенности поведения, общность происхождения. Респондентам предлагалось выбрать среди них главные, определяющие близость к людям своей национальности. В результате 65,6 % опрошенных при первом опросе и 62,3 % при втором главным признаком близости к людям своей национальности назвали язык. И это не случайно, так как именно язык принадлежит к наиболее устойчивым этническим признакам, менее жестко детерминированным социаль-

но-экономическими или политическими факторами, и отражает этнический облик культуры в конкретный период развития этноса¹⁷.

Многие респонденты отмечали, что язык теряет функцию этноразделителя. В условиях абсолютного преобладания русского населения на территории Среднего Прииртышья широкое распространение получил русский язык как язык межнационального общения. В Омской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) считают родным язык другой национальности 630 русских, свободно владеют языком другой национальности 6010 чел. (как правило, это представители русской национальности, проживающие в национально-смешанных семьях)¹⁸. За 1979—1989 гг. количество семей, члены которых принадлежат к разным национальностям, увеличилось на 3 % и составило 20 % от всех семей¹⁹.

При определении национальности у подростков в национально-смешанных семьях основными факторами, влияющими на выбор, являются национальность отца и матери, язык, место проживания и желание самих подростков. В последние годы формальные основания постепенно отступают на второй план, а на первое место выдвигается субъективный фактор — желание самого подростка. Наиболее часто в смешанных русско-немецких и немецко-русских семьях делается выбор в пользу немецкой национальности в целях дальнейшего выезда в Германию.

Второстепенными признаками, определяющими близость к людям своей национальности, около половины опрошенных считают жилище (58,6 %), одежду (49,8 %) и пищу (42,6 %). Социально-экономическое развитие общества, перестройка быта, влияние смешанного расселения и межнациональных связей приводят к существенной стандартизации и унификации материальной культуры, стиранию этнической специфики²⁰.

Нам уже приходилось писать о материальной культуре русского населения Среднего Прииртышья. Характерной особенностью жилища было наличие русской духовой печи, прототип которой обнаружен еще в триполь-

ской культуре, датируемой III—II тыс. до н.э.²¹ Глинобитные, топящиеся «по-черному» печи постепенно заменялись кирпичными, с дымоходом. Позднее перед устьем печи стали пристраивать автономно отапливаемую плиту. По диагонали от печи находился передний («красный») угол с иконами и божничкой. Вдоль стен располагались лавки, у потолка — полати для сна.

Рассмотрим, как сохраняются эти традиционные элементы в наше время. Еще к началу 1960-х гг. села Омской области были на 30—40 % обновлены типовыми застройками²². Во многих деревнях, особенно в южных районах, прсобладают современные типовые дома из панельных блоков или кирпича. Подавляющее большинство населения (72 % опрошенных) живет в домах, не имеющих традиционных черт.

Давние традиции русского народа хорошо прослеживаются как в технике (срубная), так и в материале построек (хвойные породы). Во многих селах (особенно в северных районах Омской области) превалируют деревянные дома. В последние годы появилась тенденция обшивать бревенчатые дома досками, а затем покрывать их лаком или масляной краской. Преобладающий кровельный материал — шифер. Открытые дворы отгораживают штакетником или сеткой. В палисаднике высаживают деревья, кустарники (яблоня, шиповник, сирень и др.) или разбивают цветочные клумбы с георгинами, астрами, гладиолусами и т.д.

Довольно четко прослеживаются традиции во внешнем декоре жилища. Дома, украшенные росписью, встречаются крайне редко. Как правило, изображают пару голубей (с. Соляное Черлакского района, д. Тургеневка Калачинского района) или лебедей (д. Денисовка Седельниковского района), наносят растительный орнамент (с. Мартюшево Тарского района). В северных районах области иногда встречаются дома со скульптурной обработкой охлупня (изображение птицы, украшения из просечного железа). Причелины, карнизы и фронтоны домов изредка украшают городковой резьбой (с. Загвазино Усть-Ишимского района). Основная орнаментальная нагрузка приходится на наличники и ставни,

Традиционная русская усадьба (с. Большие Уки Большеуковского района Омской области, фото М.А. Жигуновой, 2000 г.).

которые украшают плоской и рельефной трехгранно-выемчатой или пропиленной резьбой с преобладанием геометрических орнаментов. Нечасто, но встречается и солярная орнаментика. Современную пропиленную накладную резьбу имеют не только частные дома, но и общественные здания (музеи, библиотеки, столовые и др.).

Характерной особенностью планировки остается «русская печь». В связи со строительством благоустроенных домов, распространением газификации и электрификации в современных домах печь сохраняется не везде. Но во многих северных деревнях и селах русская печь имеется у 90 % опрошенных. Зачастую ее используют наравне с газовыми и электрическими плитами.

Традиционный «красный» угол четко фиксируется уже не в каждом жилище. Иконы и божнички во времена воинствующего атеизма были значительно вытеснены фотографиями близких родственников, почетными грамотами и благодарственными письмами. Иногда угол просто украшали различными картинками и открытками. В последние годы в интерьер жилища возвращаются иконки. В современных домах недвижимая мебель (полати, лавки) заменена табуретками, стульями, кроватями и диванами.

Существование традиций и новаций можно проследить не только по постройкам, планировке, интерьеру, но и предметам собственного производства. Такие пред-

Наличники с зооморфным орнаментом (с. Фирстово Большеуковского района Омской области, фото М.А. Жигуновой, 2000 г.).

меты имеются примерно в каждом пятом сельском доме (табл. 4.1). Чаще всего изготавливают мелкую мебель, деревянную и берестяную утварь, орудия труда, например прялки, самопрялки, ткацкие станки и их отдельные детали.

Распространен самодельный сельскохозяйственный инвентарь: вилы, грабли, лопаты, серпы, косы-литовки, а также орудия для обработки дерева. Для рыбной ловли по-прежнему широко используются сети, мордушки, саки, фитили, удочки. Имеются различные предметы конской упряжи, а также колесные и ползные средства передвижения (телеги, кошевки, сани и т.д.). В северных районах распространены самодельные санки. Ведра с водой по-прежнему во многих селах и деревнях переносят на коромыслах.

Зачастую в домах можно встретить самотканые ковры и полосатые дорожки, половички, связанные крючком из длинных узких полосок ткани, менее популярны скатерти, изготовленные многоремизным и рельефным мелкоузорчатым ткачеством или связанные крючком. Украшенные полосками домашнего ручного кружева

Самодельное производство русских Омской области
(по данным опроса 1986—1988 гг.)

Предметы	Количество	% от всех предметов
Мебель	167	29,9
Утварь	102	18,2
в том числе:		
деревянная и берестяная	56	10,0
металлическая	37	6,6
керамическая	9	1,6
Орудия труда	92	16,5
из них		
прядения и ткачества	69	12,3
Половики, ковры, дорожки	72	12,9
Ткани, вышивки, кружева, полотенца, салфетки	65	11,6
Колыбели, зыбки, люльки, качалки, иг- рушки	30	5,4
Одежда	22	3,9
Обувь	9	1,6
Всего...	559	100,0

подзоры и рушники встречаются в тех семьях, где живут люди старшего поколения. В большинстве семей эти предметы сейчас хранят в сундуках и комодах, а не используют как раньше, для украшения интерьера. На многих рушниках, изготовленных в конце XIX — начале XX в., имеются свастические узоры и различные мотивы ромба, характерные для центральных районов Русского Севера, известные с древнейших времен²³. Сюжетные и композиционные вышивки чаще всего выполнены крестом или гладью, вышивки тамбурным швом встречаются гораздо реже.

Одежда практически утратила присущую ей ранее функцию этноразделителя: лишь 5 % из 1597 опрошенных сельских жителей назвали ее в числе главных признаков, определяющих отличие русских от представителей других национальностей. Близость к людям своей национальности определяют по одежде только 8,4 % респондентов.

В начале XX в. основным носителем традиционной русской одежды было крестьянство, на долю которого

приходилось более 80 % от всего населения Омской области. К началу 1990-х гг. сельское население Среднего Прииртышья составляло 32 % от численности всего населения области (табл. 4.2).

К концу XX в. доминирующими стали ткани, одежда и обувь фабричного производства, современные жители ткачеством в домашних условиях уже не занимаются. При пошиве одежды прежде всего руководствуются направлениями современной моды. Традиционно преобразованные этнические элементы можно проследить в излюбленных способах покроя, цветовой гамме или деталях украшения одежды²⁴.

За прошедшие между первым и вторым опросами годы выявилась заметная положительная динамика в изготовлении одежды. Если в 1980-х гг. 44 % респондентов не занимались изготовлением одежды и обуви в домашних условиях (вполне доступна была покупная), то в 1990-х гг. только 9 % (табл. 4.3).

Таблица 4.2

**Население Омской области
(по данным Всесоюзной переписи населения)**

Год	Всего, тыс. чел.	Городское		Сельское	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1939	1389,6	329,3	24	1060,3	76
1950	1411,3	480,8	33	960,5	67
1959	1644,6	710,3	43	934,3	57
1970	1823,8	1007,6	55	816,2	45
1979	1954,7	1228,5	63	726,2	37
1989	2140,5	1451,9	68	688,6	32

Таблица 4.3

**Производство одежды русскими Среднего Прииртышья,
% от общего числа опрошенных**

Предметы производства	Годы	
	1985—1988	1994
Верхняя одежда	10	19
Легкое платье	35	52
Белье	22	18
Головные уборы	13	19
Обувь	2	3
Украшения	6	2

Некогда традиционная одежда (*зипун, кафтан, армяк, шабур, пониток*) не используется. Большинство опрошенного населения зимой носят одежду из овчин (44,5 %) и пальто и шубы фабричного производства. Повсеместно распространенные овчинные шубы и полущубки зачастую покрывают сверху однотонной тканью. При дальних переездах на лошадях в отдельных случаях еще употребляют дедовские тулупы. Состоятельные люди могут себе позволить одежду, изготовленную из шкурок рыжей или черно-бурой лисицы, песца, норки. В северных районах области можно встретить мужчин в полущубках из волчьих или собачьих шкур. Женские шубы из рыжих собачьих шкурок («под лису») распространились в городской среде в середине 1990-х гг.

Меховые шапки (ушанки, обманки) носят в зимний период 99 % опрошенных мужчин. Наиболее популярны шапки из шкурок ондатры, кролика, собаки, корсака (степной лисицы), норки и бобра. Реже встречаются из нутрии, цигейки, хонорика, енота, соболя, песца, барсука, белки, лисицы, куницы, зайца, а также из искусственного меха.

Среди женщин 19 % опрошенных носят зимой шали и платки (преимущественно это представительницы старшего поколения). В городе нередко можно встретить девушку или женщину в Павлово-Посадском платке (как дань моде). Среди меховых шапок наиболее популярны норковые, песцовые и лисьи, встречаются шапки из соболя, ондатры, нутрии, хонорика, куницы, бобра, каракуля, кролика, оленьего и собачьего меха.

Ухудшение общей экономической ситуации в стране, снижение жизненного уровня большинства сельского населения в 1990-х гг. сказались на возврате к традиционным занятиям. Суммарный подсчет положительных ответов на вопрос: «Занимаются ли в Вашей семье прядением, ткачеством, шитьем, вязанием, выделкой кож?» составил 200 %. Наиболее стойко сохраняются традиционные виды женских рукоделий. Так, в 77 % опрошенных семей занимаются вязанием, в 64 — шитьем и вышиванием, в 42 % — прядением. На пряжу используются шерсть овец, а также пух коз, собак, кроликов, зай-

цев. Широко применяется пряжа различного качества промышленного изготовления. Как правило, прядением и вязанием занимаются женщины старшего возраста. Женщины средних лет и молодежь больше шьют, вышивают, вяжут современные модели одежды.

Шкуры выделывают в каждой шестой семье. Это занятие традиционно мужское, как и пошив верхней меховой одежды, изготовление обуви. Своеобразно разделяется труд и в производстве головных уборов: мужчины обычно шьют меховые шапки, а женщины вяжут детские, женские и мужские шапочки, пуховые платки и шали, шерстяные и пуховые носки и варежки.

Среди русского населения Среднего Прииртышья ранее встречалось немало заимствований отдельных форм одежды и обуви от аборигенного населения. Довольно распространены были широкие штаны из кожи или меха — *ченбары*. Установлено, что по покрою, способу ношения и названию (*шалбар — челбар — ченбары (ченбары)*) они были заимствованы у тюркских народов²⁵. В северных районах области шубы из козлиных или собачьих шкур мехом наружу называют *яга* или *доха*. Название *доха* считается монгольским заимствованием сибирского периода, существующим наряду с тюркизмом — *яга*²⁶. У татарского населения были переняты кожаные сапоги — *ичиги* и круглые шапки — *татарки*. В Усть-Ишимском, Тевризском, Тарском и других северных районах области широко распространена зимняя меховая обувь, характерная для народов Сибири, — *кисы* и *унты*. Последние зачастую шьют из собачьих шкур или овчин. Среди опрошенного взрослого населения у 15 % имеется подобная обувь. У детей младшего и среднего школьного возраста, а также у женщин встречаются шапки из оленьего меха, аналогичные по покрою шапкам северных народов.

Височные, нагрудные и наспинные украшения исчезли из употребления. Среди ушных украшений наряду с серьгами у молодого поколения распространены клипсы и пуссеты. Наиболее популярны (особенно летом) шейные украшения: всевозможные ожерелья, бусы, кулоны и цепочки из различных материалов. В последние годы

чаще встречаются серебряные и золотые православные крестики, освященные в церкви. Женщины носят их обычно на цепочке, а мужчины и дети — на ниточках и тонких веревочках. Молодые мужчины иногда носят одну серьгу в ухе, что еще в XIX в. у казачьего и крестьянского населения считалось признаком щегольства.

Интересен анализ ответов на вопрос: «Если полностью или частично восстановить русский народный костюм, то согласились бы Вы в нем ходить?». Положительный ответ дали 53 % респондентов, отрицательный — 44, затруднились ответить — 3 %. Характерно, что количество женщин, желающих носить традиционный костюм, составляет 61 %, а мужчин — лишь 43 %. Молодые люди считают эту идею «смешной» и «несолидной» и согласились бы надеть такой костюм «если бы все ходили» или «если мода придет». Многие из опрошенных не против иметь народный костюм в качестве праздничной одежды.

В этнографической науке сложилось мнение о наибольшей устойчивости этнических традиций в системе питания (набор пищевых продуктов, способ их обработки и приготовления, последовательность подачи к столу, пищевые ограничения и запреты, повседневная обрядовая пища)²⁷. Наши исследования полностью подтверждают этот тезис. Так, при первом опросе более четырех традиционных русских блюд смогли назвать 46 % опрошенных, а при повторном опросе — 54 %. Реальное знание традиционной кухни оказалось выше. Так, при дублирующем вопросе респонденты обычно перечисляли по несколько традиционных блюд. Довольно высок процент людей, знающих обрядовые кушанья: поминальные блюда смогли назвать 96 % опрошенных, свадебные — 76 %. Наименее известны обязательные кушанья родильно-крестильного цикла, их смогли назвать лишь 44 % респондентов.

Наиболее часто традиционными русскими называют пельмени и блины, щи, борщ, пироги. За ними следуют окрошка, квас, суп-похлебка, картошка, котлеты, каши. Лучше знают блюда русской кухни люди старших возрастных категорий, хуже респонденты 25—29 лет.

Цифры наглядно свидетельствуют об устойчивости традиций в питании, особенно в будни, а более половины опрошенных готовят традиционные кушанья ежедневно. Частота приготовления этих блюд наиболее высока в группе лиц старше 60 лет (от 54 % в праздники до 70 % в будни).

Из традиционных закусок сохраняются квашеная капуста, соленые грибы (грузди, волнушки, рыжики, сыроежки), свиное сало, ветчина, холодец (студень). Их дополняют соленые помидоры, маринованные грибы, разнообразные салаты, сыр, колбасы и консервы.

Из горячих первых блюд популярны щи из квашеной и свежей капусты, а также борщ. Перед подачей на стол их обязательно заправляют сметаной или сливками. В повседневном и обрядовом меню часто используется уха. Излюбленным блюдом остаются пельмени, заимствованные у народов Приуралья (в переводе с пермяцкого языка слово пельнянь означает «большое ухо»)²⁸.

Характерно, что в 1994 г. 70 % из 700 опрошенных употребляли пельмени вместе с бульоном. Среди оставшихся информаторов преобладают молодые люди в возрасте до 30 лет.

Из холодных супов в летний период повсеместно распространена окрошка на хлебном квасе. Вместо кваса может быть использован свекольный отвар, сыворотка из-под простокваши или просто подкисленная уксусом вода. В состав окрошки входят: вареные яйца, колбаса, свежие огурцы, редис, редька, зеленый лук, петрушка. Готовую окрошку обязательно заправляют сметаной.

Мясные продукты во многих семьях появляются на столе ежедневно. Наиболее популярным видом мяса является свинина (66,4 %), затем говядина (60,6 %) и домашняя птица (25 %). Баранине отдают предпочтение примерно 15 % опрошенных (преимущественно мужчины). Повсеместно незначительно потребляют конину, наиболее часто — в национально-смешанных семьях. Определенное место занимают продукты, полученные в результате охотничьего промысла (мясо лося, оленя, медведя, зайца, боровой дичи). Копченые и полукопченые мясные изделия считаются деликатесами.

Обширная сеть рек и озер в Среднем Прииртышье способствовала значительному распространению рыбных блюд, как и многочисленные религиозные посты, запрещавшие «скоромную пищу». В настоящее время потребление рыбы значительно сократилось (особенно стерляди, осетра, муксуна). Наиболее употребляемы караси, чебаки, лещи, окуни, щуки. К традиционной речной и озерной рыбе добавились морские и океанические разновидности: камбала, минтай, скумбрия, ставрида, хек и др. По-прежнему повсеместно любима соленая селедка.

Русские сибиряки широко используют в своем рационе коровье молоко, сметану, творог, сливочное масло, простоквашу. Молоко употребляют свежим, варят на нем каши, реже — молочные супы. В зимний период кипяченое молоко и творог традиционно замораживают в чашках и используют по мере необходимости. В некоторых семьях пьют кумыс.

Главным кушаньем, употребляемым всеми и ежедневно, является хлеб. До середины XIX в. преобладал ржаной хлеб, а затем пшеничный²⁹. Ранее широко использовали различные блюда из муки — *болтушки, затирухи, саломату, толокно, кулагу, кулеш*. Сейчас они практически уже не употребляются. Неизменным атрибутом праздничного и воскресного стола остаются разнообразные пироги, которые выпекают на поду русской печи, в духовках газовых плит, электропечей, а также жарят на сковородках в большом количестве сала или масла. Для начинки используют различные овощи (картофель, капуста, морковь), мясо, грибы, рыбу, вареные яйца, творог, зеленый лук и щавель. Реже готовят традиционные сибирские шаньги.

Излюбленным праздничным печеньем остаются вафли и хворост (*стружки, вергуны, кудри, розанцы*). В европейской части России хворост считался исключительно городским лакомством³⁰, а в Среднем Прииртышье он издавна распространен повсеместно. Кроме названных видов печений встречаются разнообразные булочки, ватрушки, каральки, калачики, колобушки и др. От проживающих по соседству татар и казахов заимствованы *баурсаки (баурсачки)*. Широко распространены блины

(блинчики) как в повседневном, праздничном, так и в обрядовом меню. Часто готовят оладьи на кислом молоке. Нередко в тесто вместо дрожжей добавляют в качестве разрыхлителя соду.

Наличие русской печи обусловило в традиционной кухне обилие вареных, тушеных и запеченных блюд, среди которых особое место занимали каши. Гороховую, гречневую, овсяную, просяную, перловую, тыквенную, ячменную каши готовили поочередно практически каждый день, заправляя растительным или сливочным маслом, шкварками. В настоящее время к традиционным кашам добавились кукурузная, манная и рисовая. Все чаще готовят сладкие каши с сахаром и заправляют преимущественно сливочным маслом. Как правило, потребляют крупяные блюда лишь дети и старики. Повсеместно распространена традиционная поминальная кутья.

С 1840-х гг. картофель для русских становится «вторым хлебом»³¹. В наши дни широко употребляется жареная картошка (ранее превалировала вареная и тушеная). Блюда из картофеля используются практически ежедневно. Менее значительна роль картофеля в праздничном и особенно обрядовом меню.

Вышли из широкого бытования традиционные кислые кисели (овсяный и гороховый). Современные кисели готовят на основе плодово-ягодных смесей. В северных районах области распространен клюквенный кисель, а в южных — облепиховый. Любимое лакомство — компот, приготовленный из сухофруктов с добавлением крахмала. В летний период из напитков употребляют квас, который зачастую готовят из сухого хлебного кваса или концентрата. Пиво домашним способом практически не изготавливают. Во многих населенных пунктах распространено самогонование. Водка считается национальным русским напитком (некоторые респонденты назвали ее в качестве признака, сближающего всех русских).

Во всех семьях любят пить чай (преимущественно черный), добавляя «для забелки» молоко. К чаю обычно подают белый хлеб, сушки, печенье, конфеты, варенье, сливочное масло. Заваривают чай и из листьев смородины, лечебных трав, цветов липы, плодов шиповника и

др. В последние годы в сельской среде широко распространились кофе и какао. Первый напиток наиболее популярен у молодого и среднего поколения, а второй — у детей.

Деревянная и берестяная утварь постепенно выходит из употребления (исключение составляют кадки, бочки, скалки, веселки, разделочные доски). Повсеместно распространены корзины и лукошки, сплетенные из веток или лыка.

Приготовлением пищи в 92 % семей занимаются женщины. Вся семья собирается за столом во время завтрака или ужина (реже в обед). Четко установленных временных границ для приема пищи сейчас не существует, в каждой семье они устанавливаются в зависимости от занятости членов семьи на производстве, учебе и др. Изменение рациона питания в связи с наступающими постами сохраняется лишь в семьях искренне верующих. Большинство населения (особенно мужчины молодого и среднего возраста) не придерживается пищевых ограничений во время постов.

Как известно, народная культура делится на профессиональную и непрофессиональную (фольклор). Термин «профессиональная культура» был предложен К.В. Чистовым в ходе дискуссии о природе фольклора и его соотношении с литературой в конце 1950-х — начале 1960-х гг.³² Соотношение этих двух форм определяет этнический облик народа.

Рассмотрим современное состояние фольклора у русского населения Среднего Прииртышья по отдельным жанрам. Первая попытка исследования в этой области была предпринята автором в 1986 г.³³ Еще в первой трети XX в. в русском фольклоре широко распространены были всевозможные сказки (бытовые, волшебные, сатирические, о животных). В 1986—1988 гг. 47,4 % опрошенных не смогли назвать ни одной русской народной сказки, легенды или предания. Из числа респондентов, знающих четыре сказки и более, многие назвали широко известные по публикациям — «Колобок», «Репка», «Курочка Ряба» и др. Наилучшее знание сказок выявилось в возрастных категориях 30—34 и 50—59 лет,

Берестяные тусы, изготовленные сибирским казаком Ю.М. Михайловым (Мариинск, фото М.А. Жигуновой, 2000 г.).

когда читают сказки своим детям или внукам. Зачастую называют народными произведения, принадлежащие известным писателям: «Аленький цветочек» С.Т. Аксакова, «Снегурочка» В.И. Даля, «Конек-Горбунок» П.П. Ершова, «Три медведя» Л.Н. Толстого, сказки А.С. Пушкина. Упоминаются в качестве русских народных сказки Г.-Х. Андерсена, братьев Гримм и Ш. Перро.

При опросе 1994 г. количество ответов о знании народных русских сказок заметно увеличилось, лишь 11 % опрошенных затруднились ответить на этот вопрос. Наиболее часто упоминается «Колобок» (48 % ответов), за ним следуют различные сказки А.С. Пушкина (38 %), «Курочка Ряба» (19 %), «Репка» (18 %). Далее по частоте упоминаний располагаются «Три медведя», «Теремок», «Три поросенка», «Конек-Горбунок», «Гуси-Лебеди». Наряду с ними назывались «Дедушка Мазай и зайцы» и «Кому на Руси жить хорошо» Н.А. Некрасова, «Каштанка» А.П. Чехова, басни И.А. Крылова, «Военная тайна» А.П. Гайдара и др.

На вопрос о знании национальных писателей и поэтов затруднились ответить в 1994 г. 5 % опрошенных. На

первом месте по частоте упоминания стоит А.С. Пушкин (79 % ответов), на втором — М.Ю. Лермонтов (50 %), на третьем — Л.Н. Толстой (30 % ответов). Эти же писатели преобладали при опросе 1986—1988 гг. При первом опросе в десятку наиболее популярных попали Н.А. Некрасов, С.А. Есенин, И.С. Тургенев, М.А. Шолохов, В.М. Шукшин, В.С. Пикуль, Г.М. Марков. При повторном опросе вместо последних четырех писателей — Ф.М. Достоевский, А.А. Блок, В.В. Маяковский, А.П. Чехов. Некоторые респонденты назвали Т. Шевченко, О. Гончара, Л. Украинку, М. Танка, В. Быкова.

Интересен анализ данных о наличии домашних библиотек. Примерно 30 % опрошенных не имеют дома книг, причем этот процент увеличивается пропорционально возрасту. Более 100 книг в домашней библиотеке у 18,2 % населения (преимущественно это люди 30—49 лет). Значительно число лиц, берущих для чтения книги в библиотеках и потому не видящих особого смысла в их приобретении.

В продолжение темы о взаимовлиянии фольклора и профессиональной культуры обратимся к анализу ответов на вопрос о предпочитаемых песнях. Подавляющее большинство опрошенных (75,1 %) любят петь или слушать русские народные песни, затем идут эстрадные (65,5 %), песни других народов СССР (21 %). Количество любителей русской народной песни увеличивается пропорционально возрасту и в группе 60 лет и более достигает 92 %. Песни других народов СССР наиболее любимы в трех старших возрастных категориях (начиная с 35 лет). У молодого и среднего поколения преобладает интерес к эстрадным песням.

Как показывают наши исследования, наиболее устойчивой жизнеспособной из всех фольклорных жанров оказалась внеобрядовая лирическая песня. Характерно, что многие песни, считающиеся народными, имеют литературное происхождение. В современных сборниках песен они печатаются в рубрике «Русские народные песни»³⁴. Еще в 1944 г. В.Я. Пропп высказал мысль о существовании «фольклора литературного происхождения». Для классификации таких случаев он предложил следующий

критерий: «Как только подобные песни... начинают изменяться, петься по-разному, создавать варианты, они уже становятся фольклором и процесс их изменения подлежит изучению фольклористики»³⁵. Среди русского населения Среднего Прииртышья наиболее популярны:

«Ой, мороз, мороз...» (русская народная песня),

«Уральская рябинушка» (слова М. Пилипенко),

«Что стоишь качаясь...» (слова И. Сурикова),

«Калина красная, калина вызрела...» (обработка слов Е. Синицына),

«По Дону гуляет казак молодой»,

«По диким степям Забайкалья»,

«Ой, полна, полна моя коробушка» (слова А.Н. Некрасова),

«Хас-Булат удалой» («Элегия» А. Аммосова),

«То не ветер ветку клонит» (слова С. Стромиллова),

«Липа вековая»,

«По Муромской дорожке...»,

«Калинка»,

«Ревела буря, дождь шумел» («Ермак» К. Рылеева),

«Славное море — священный Байкал» (слова Д. Давыдова),

«Степь да степь кругом» (слова И. Сурикова),

«За рекой на горе» («Хуторок» А. Кольцова) и мн. др.³⁶

Любимы многими русскими украинские народные песни «Распрягайте, хлопцы, коней», «При лужке, лужке», «Ты ж меня пидманула». В некоторых семьях исполняют грузинскую народную песню «Сулико», цыганские песни. Заметное место в песенном репертуаре занимают городские романсы: «Гори, гори, моя звезда» (В.П. Чувского), «Ванька-ключник» (В.В. Крестовского), «Вечерний звон» (И.И. Козлова), «Ямщик, не гони лошадей» (Н. Риттера), «Клен ты мой опавший» и «Отговорила роща золотая» (С.А. Есенина) «Шумел камыш». Последняя песня долго считалась «песней пьяниц» (в 1970—1980-х гг.). По-видимому, это было связано с тем, что в указанные годы престиж русской народной песни был невелик, в основном пропагандировались песни патриотической тематики.

В 1990-е гг. ситуация изменилась, все чаще на экранах телевидения и на радио исполняют традиционные русские песни. Звучат они и на эстраде (например, в исполнении ансамбля «Золотое кольцо»). В 1996 г. отметила 10 лет одна из популярнейших передач на телевидении — «Играй, гармонь».

Называются любимыми песни из кинофильмов, песни военных лет, «афганские», отечественные и зарубежные эстрадные. Среди исполнителей в 1994 г. наиболее популярны у сельского населения Омской области были группа «На-На», А. Пугачева, А. Варум, В. Толкунова, В. Леонтьев, М. Шуфутинский, В. Высоцкий, И. Аллегрова, С. Ротару, В. Добрынин и В. Казаченко.

Из малых жанров фольклора продолжает успешно развиваться частушка, живо реагирующая на все конкретные случаи жизни и подтверждающая неиссякаемость народного юмора и творчества.

Перестану я любить	Клянусь Богом вам, не вру:
Своего касатика,	Каждый день едим икру.
Полечу я на Луну	Правда, кабачковая,
Привезу лунатика.	Но зато дешевая ³⁷ .

Нередко еще можно встретить рассказчиков быличек о домовых и леших, об огненном змее и колдунах, широкое распространение которых в прошлом было связано с анимистическими религиозно-магическими представлениями. Наряду с традиционными быличками бытуют рассказы о космических пришельцах, НЛО, снежном человеке.

Сохраняется знание русских народных пословиц и поговорок. Так, при опросе 1994 г. почти 80 % опрошенных смогли назвать свое любимое изречение. Самыми популярными из них оказались следующие:

«Без труда не вынешь и рыбку из пруда» (17 % ответивших),

«Тише едешь — дальше будешь» (12 %),

«Кто не работает, тот не ест» (6 %),

«Под лежащий камень вода не течет» (5 %),

«Что посеешь, то и пожнешь» (5 %),

«Семь раз отмерь, один раз отрежь» (5 % ответивших).

Продолжают бытовать и заговоры, изучением символики которых занимается В.А. Москвина³⁸. Почти 80 % записанных в Омской области текстов относятся к лечебным (заговор для здоровья, от испуга, от зубной боли, от кровотечения и т.д.), также встречаются присушки, любовные заговоры («чтобы муж любил», «чтобы муж не бил», «чтобы муж не изменял...»), бытовые («чтобы домовой любил», «от змея», на дальнюю дорогу, от несчастья), социальные. Популярны книги с текстами разнообразных заговоров³⁹.

Среди преданий и легенд наиболее распространены в Среднем Прииртышье сюжеты о заселении и освоении края (около 50 % всех текстов), об исчезающей чуди, о борьбе Ермака с татарами, предания о силачах, разбойниках, кладах⁴⁰.

Из былин и сказаний наиболее часто называются общеизвестные варианты об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, Евпатии Коловрате, «Слово о полку Игореве», легенды о Ермаке, Никите Кожемяко, «Данко» и «Старуха Изергиль» А.М. Горького, «Дикий хмель (Сказание о людях тайги сибирской)» Н. Черкасова и Г. Москвитиной. Очевидно интенсивное проникновение профессиональной культуры в фольклорные жанры.

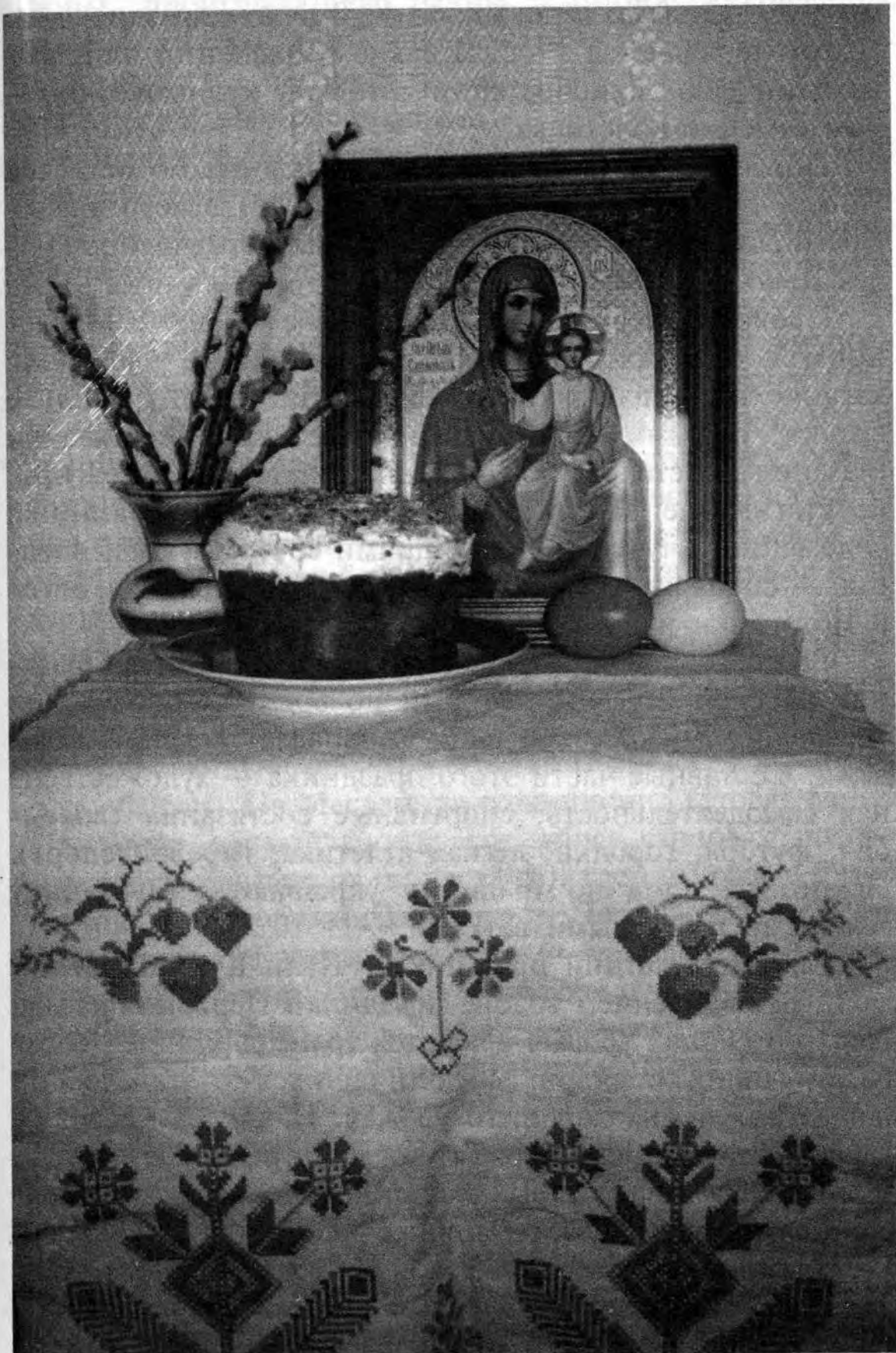
В качестве этнодифференцирующих признаков в духовной культуре чаще всего выступают обряды, которые пронизывают жизнь каждого человека от рождения до самой смерти. Следует отметить условность деления обрядов на календарные и семейные, так как отмечается заметное сходство форм и функций многих обрядовых действий, их фольклорного сопровождения, общность основы, на которой они первоначально возникли, а также субъекта их проведения (семья, половозрастная группа, община)⁴¹.

Панельные исследования позволяют проследить динамику в обрядовой жизни русского населения Среднего Прииртышья. Так, при первом опросе в 1986—1988 гг. на вопрос о знании традиционных русских праздников положительно ответили 77 % опрошенных, а в 1994 г. — 97 %. Отмечали традиционные народные праздники соответственно 58,7 и более 90 %. Довольно высоко знание

народных праздников в первых двух возрастных категориях (от 16 до 34 лет). Вероятно, это связано с тем, что молодые люди в большинстве своем до обзаведения собственной семьей (а зачастую и в первые годы замужества или женитьбы) проживают совместно с родителями, становясь невольными свидетелями и участниками традиционных праздников. Женщины, как правило, знают традиционные праздники гораздо лучше и отмечают их чаще мужчин. Так, при опросе 1994 г. не смогли назвать ни одного праздника лишь 1 % всех опрошенных женщин и 5 % мужчин. Более половины опрошенных женщин знают четыре праздника и более. У мужчин соответствующие знания выявились лишь у 36 % респондентов.

Среди традиционных народных чаще всего называются сейчас такие праздники, как Новый год, Рождество, Крещение, Пасха, Троица, Иван Купала. Иногда упоминаются Святки, Вербное воскресенье, Чистый четверг, Благовещение, Родительский день и др. Наряду с ними называются народными и такие праздники, как 1 Мая, День Октябрьской революции, 23 Февраля, 8 Марта, День Победы, День защиты детей и др., включая профессиональные праздники — День учителя, День рыбака, День работников сельского хозяйства, День медицинского работника и т.д. В городе среди студентов и школьников отмечается День святого Валентина — покровителя всех влюбленных.

Примерно четверть опрошенных при первом обследовании и более половины при повторном ответили утвердительно на вопрос о праздновании традиционных религиозных праздников. В основном эти изменения объясняются тем, что многие «запрещенные» ранее праздники получили официальное признание и отмечаются на государственном уровне. Так произошло с Рождеством и Пасхой. Если в 1980-е гг. Рождество отмечали лишь некоторые лица пожилого возраста, то в 1994 г. — уже 43 %. Пасху отмечают 90 % опрошенных. Эти праздники воспринимаются чаще не как религиозные, а как традиционные, так как любой акт поведения в настоящем теряет свой религиозный характер, если он не связан в сознании совершающего его человека с теми или ины-

Пасхальная композиция (Омск, фото М.А. Жигуновой, 2001 г.).

ми религиозными верованиями⁴². В целом празднование Пасхи проявляется в обязательном крашении яиц, выпекании (или приобретении готовых) куличей, обильном семейном застолье.

Пожалуй, самым любимым праздником остается Новый год, который за годы советской власти трансформировался во всенародное гулянье, отмечаемое коллективно в семье, на работе или по месту учебы⁴³.

Проводы русской зимы берут свое начало с Масленицы и содержат многие ее традиционные элементы: катание на лошадях (преимущественно детей), конные скачки, праздничная ярмарка, спортивные состязания (лазание по столбу, бой с мешками, выжимание гири, перетягивание каната), сжигание в конце праздника соломенного чучела. С традициями соседствуют и новации — сценарий театрализованного представления, авто- и мотогонки и пр.

Своеобразной модификацией Троицы является Праздник русской березки, который по времени проведения (последнее воскресенье июня) совпадает с Днем молодежи. Составные части этого праздника — художественная самодеятельность, спортивные состязания (волейбол, футбол, городки, легкая атлетика, гиревой спорт). Некоторые дома по традиции украшают к празднику зелеными березовыми ветками.

Любимый летний праздник — Иван Купала с неизменным обливанием водой. Праздники Первой борозды, Первого снопа, Урожая являются трансформацией соответствующих обрядов, выполнявшихся с магической целью получения хорошего урожая. Наиболее массовый характер носит День урожая, когда устраиваются итоговые выставки, на которых экспонируются образцы выращенных снопов хлеба, различные овощи, фрукты, цветы.

Практически все праздники русские Среднего Прииртышья отмечают совместно с людьми других национальностей (например, в Тевризском районе — 63 % опрошенных, в Усть-Ишимском — 68, в Черлакском — 77 %). Как правило, традиционному праздничному застолью и дружеской беседе сопутствует просмотр телепередач. Музыкальным оформлением служат магнито-

фоны, проигрыватели, баяны, гармонь, аккордеоны, реже — гитары и др. Исполняются как традиционные народные, так и современные песни и романсы, с явным преобладанием первых.

Подавляющее большинство опрошенного населения предпочитают надевать на праздники современный нарядный костюм. Символически стилизованную традиционную одежду можно встретить на организованных массовых гуляньях у работников учреждений культуры или участников фольклорных ансамблей. Уходит в прошлое и обрядовая поэзия, забываются песни, сопровождавшие ранее календарные и семейные праздники. Встречаются лишь отдельные упоминания о колядках, рождественских, масленичных и свадебных песнях, а также о похоронных плачах. Отдельные образцы обрядовой лирики возрождаются благодаря усилиям работников культуры и науки.

Сохраняются знание и бытование обрядовых блюд. На Новый год и Рождество жарят целиком поросят, гусей, уток, кур, индюшек, куропаток, индоуток, фаршированных капустой, гречкой, рисом, яблоками и черносливом. На Масленицу традиционно готовят блины. На Пасху обязательно красят яйца, стряпают куличи (некоторые называют их пасхами), всевозможные булочки, пироги, творожники, хворост. Пасхальный стол изобилует разнообразными мясными и колбасными изделиями, закусками. На Троицу обязательны яичница (другие блюда из яиц), пироги, блины, кисель. Эти же блюда готовят в некоторых семьях на Рождество и Новый год.

В то же время в праздничном обрядовом меню появились заимствования из различных национальных кухонь: манты, плов, шашлыки, спагетти, цыплята табака, мясо по-французски, салаты, бутерброды, маринады. На новогоднем столе обязательны шампанское и разнообразные фрукты: апельсины, яблоки, мандарины, грейпфруты, у состоятельных людей — бананы, ананасы, кокосы, виноград, киви и др.

За последние годы появилось больше информации о народных традициях и обрядах. Сведения о том или ином празднике люди черпают из газет, журналов, радио- и

телепередач, календарей. Но основным носителем культурных традиций являются женщины⁴⁴. Так, главным источником информации о традиционных праздниках у подавляющего большинства респондентов являются их матери и бабушки (соответственно 72,9 и 60,3 % опрошенных).

В наше время наступившую беременность и сроки предстоящих родов скрывают уже не так тщательно, как еще 10—20 лет назад. Забылись большинство запретов для беременных женщин. Сохраняются запреты на тяжелую физическую работу, алкогольные напитки, присутствие на похоронах. Женщины старшего возраста помнят «бабушкины способы» угадывания пола будущего ребенка по форме живота и «чистоте» лица беременной женщины⁴⁵. В городе все бóльшую популярность приобретает ультразвуковое исследование (УЗИ) для определения пола будущего младенца.

Запреты первого года (не стричь волосы и ногти, не подносить ребенка к зеркалу и не смешить его) сохраняются лишь частично.

В последние годы наблюдается всплеск популярности церковного обряда крещения. Если при первом опросе в 1980-х гг. лишь четверть респондентов утвердительно ответили на вопрос о желании окрестить ребенка, то при повторном опросе 1994 г. подобное желание выразила уже почти половина опрошенных. Восстанавливаются практически забытые многими понятия крестных отцов и матерей.

Свадьбу наряду с обрядами родильно-крестильной и похоронно-поминальной обрядности относят к «переходным» обрядам жизненного цикла⁴⁶. Традиционные сроки проведения свадеб выдерживаются уже не так строго. Хотя большинство молодоженов стараются приурочить свадебные торжества к осени, но зачастую свадьбы играют в январе, марте, апреле, июне, декабре, т.е. в тот период, когда православной церковью соблюдались посты и запрещалось венчание. По-прежнему не очень охотно назначают день свадьбы на май, следуя сохраняющемуся поверью, что «кто в мае женится, тот будет век маяться».

Как правило, выбор брачных партнеров осуществляется по воле молодых. Уже решив пожениться, они

сообщают об этом родителям. Традиционное сватовство со сватами, приговорами и т.д. постепенно трансформировалось в семейный совет, на котором решаются все основные вопросы: где играть свадьбу (у жениха или невесты дома, в кафе или ресторане), сколько человек пригласить с каждой стороны. На современных свадьбах присутствует обычно большое количество молодежи, а раньше, по словам информаторов, неженатую молодежь на свадьбы не пускали.

Отошел в прошлое традиционный девичник, когда невеста вместе с подругами готовила приданое, прощалась с родителями и девической жизнью. Изменился состав приданого: наряду с предметами одежды и постельными принадлежностями дарятся телевизоры, холодильники, стиральные машины, пылесосы, наборы посуды и др. Частично сохраняются обряды выкупа невесты, косы, места за столом рядом с невестой, перегораживание дороги свадебному поезду, благословение молодых родителями с хлебом-солью на вышитом рушнике, а в некоторых семьях и с иконами. Из свадебных чинов сохранились только дружки. Как правило, ими выбираются незамужние подруги и неженатые друзья. В большинстве своем молодожены не верят в возможность порчи и сглаза, считая их предрассудками. Современные свадьбы не обходятся без фотографа. В городе появились профессиональные ведущие свадебных торжеств. Практически повсеместно сохраняются традиционные для второго дня «баня», «метение мусора» и «продажа блинов».

Наиболее консервативными из семейных обрядов оказались похоронно-поминальные. Даже неверующие люди, далекие от религии, стараются сделать все «как, нужно», «на всякий случай». Не так строго, как раньше, сохраняется запрет обмывания покойного близкими родственниками. По древней традиции, сохранившейся до наших дней, практикуются ночные бдения у гроба покойного, которые уже не связываются с верой в необходимость оберегания тела от всякой нечисти⁴⁷.

Приходящие проститься с умершим должны дотронуться до его ног, «чтобы не бояться». В гроб вместо традиционной подушечки с березовыми листьями и бого-

родской травой зачастую кладут обычную перовую или пуховую подушку. В церквях и похоронных бюро можно купить все необходимые атрибуты для погребения усопшего.

Траурные одежды (преимущественно черного цвета) обязательны лишь для ближайших родственников покойного, как и покрытие головы платком у женщин.

Домовины — долбленные гробы — полностью вышли из употребления. Современные гробы делают из досок, обтягивают сверху красной или черной однотонной тканью. При погребении в вырытую могилу после опускания гроба бросают мелкие монеты и носовые платки, которыми вытирались слезы. Некоторые присутствующие на похоронах люди уносят с собой с кладбища в кармане горсть земли из свежевыкопанной могилы, чтобы покойник «не являлся».

Хотя многие знают о том, что плакать и горевать по умершим не рекомендуется («покойнику на том свете мокро будет»), этот запрет мало кем сохраняется. В отдельных деревнях исполняются похоронные плачи и причеты, в которых выражается боль утраты дорогого человека. Вот, например, похоронный причет, записанный в д. Качесово Муромцевского района:

Разродная ты моя
Желанная мамонька.
Куда ты, моя родима,
Собралася?
Да на кого же
Ты меня оставила?
Да горькою ты меня сиротою,
Да молодым ты меня молодешеньку.
Да теперь я тебя не увижу,
Да голосочка твоего не услышу.
Да наглядитесь, мои очи ясные,
Да на свою-то родиму мамоньку,
Да вы послушайте-ка разочек,
Больше да я тебя не увижу, не услышу⁴⁸.

Обязательная поминальная тризна совершается в день похорон, а также на 9-й и 40-й дни после смерти (некоторыми отмечается 20-й день), на полгода и год. Лишь десять человек из 700 опрошенных в 1994 г. затруднились

назвать дни поминовения усопших (из них: восемь человек в возрасте до 30 лет и два представителя возрастной группы 35—49 лет). Подавляющее большинство респондентов поминают родных и близких в Родительский день (79 %) и на Троицу (66 %). Кроме того, поминальными днями являются Пасха, Рождество, Крещение, Вербное воскресенье, Масленица, Благовещение, Заговение, Вознесение, 9 Мая, годовщина смерти и день рождения усопшего и др.

Лишь 18 человек из 700 опрошенных затруднились назвать обрядовые блюда похоронно-поминального стола (в основном это люди младше 50 лет). Обязательными поминальными кушаньями остаются кутья, блины, кисель (компот), также готовят окрошку, борщ, суп-лапшу с курицей, пельмени, голубцы, холодец, котлеты, гуляш с картошкой, рыбные блюда, пироги, ватрушки, вафли. В последнее время появились на поминальных столах салаты, винегреты, бутерброды. Из алкогольных напитков употребляется преимущественно водка или самогон. Обычно поминальная тризна проходит в первой половине дня.

Традиционные свадебные блюда смогли назвать 86 % из 350 опрошенных женщин и 63 % мужчин. Характерными атрибутами свадебного стола считаются шампанское и торт, украшенный парой лебедей. Свадебное застолье отличается многообразием приготавливаемых блюд. Традиционные курники и блюда из птицы утрачивают свои позиции. На смену им приходят разнообразные салаты из свежих и вареных овощей, бутерброды (чаще с икрой или красной рыбой), различные закуски. На горячее подают картошку с котлетами, гуляшом или бефстроганам, тушеную капусту, голубцы, пельмени, плов, шашлыки, манты, бешбармак. Обязательны блины на 2-й день свадьбы. На столы ставятся бутылки с водкой (самогоном), вином, коньяком, пивом, бражкой, а также клюквенный и смородиновый морсы, квас, компот, чай, редко кисели. Разнообразен ассортимент кулинарных изделий: пироги и пирожки, булочки, ватрушки, хворост, вафли, пирожные, рулеты, печенья.

Менее всего из обрядовой пищи семейного цикла известны обязательные блюда, готовящиеся на родине

и крестины. Лишь 32,5 % из 700 опрошенных в 1994 г. смогли ответить на этот вопрос (преимущественно это женщины). Наиболее часто из перечисленных блюд родильно-крестильного стола называют торт, пироги, блины, оладьи, печенье, пельмени, молочный суп, окрошку, винегрет.

Таким образом, русское население Среднего Прииртышья отличается довольно высокой гетерогенностью, обусловленной спецификой расселения, многоступенчатой миграцией, различными природно-географическими условиями, активными межэтническими контактами. Их самосознание опирается в основном на общность происхождения языка и духовной культуры. Самосознание вторичного уровня (сибиряки) характеризуется положительной динамикой. В 1990-х гг. в информационное пространство активно включается такой неологизм, как «новые русские»⁴⁹. В эти же годы отмечен своеобразный всплеск этнического самосознания у русских, увеличение интереса к истории и культуре своего народа. Возвращение бывшего статуса казачеству (Указ Президента от 12 февраля 1997 г.) привело к возрождению такой специфичной этносоциальной группы, как сибирские казаки. Согласно данным, полученным от атамана В.А. Калетина, к 1999 г. на территории Омской области было зарегистрировано 2300 реестровых казаков (в возрасте от 18 до 50 лет).

Урбанизация и стандартизация быта наибольшее влияние оказали на процессы, протекающие в сфере материальной культуры. С середины XX в. широко распространилось строительство домов из кирпича и панельных блоков, превратившееся к концу 1990-х гг. в доминирующий тип жилищного строительства. Во многих деревнях и селах преобладающими становятся типовые проекты застройки. Тенденция разделения единого пространства избы с помощью занавесок и перегородок, появившаяся с начала XX в., трансформировалась в строительство двух- и трехкамерных жилых построек, распространение «пятистенков» и «крестовиков», многокомнатных и двухэтажных домов. На смену неподвиж-

ной мебели пришли сначала самодельная, а затем покупная передвижная мебель. Этнические традиции частично сохраняются в технике и материалах постройки, планировке, способе отопления, особенностях внешнего декора и интерьера жилища.

Одежда продолжает утрачивать свой ранее ярко выраженный знаковый характер и практически уже не выполняет функцию этноразделителя. Увеличивается доля «бесполой» одежды спортивного стиля (футболки, свитера, куртки, шорты, джинсы, кроссовки и т.д.). Молодые женщины активно включают в свой гардероб рубашки, брюки, костюмы и пиджаки мужского типа. Этническая специфика относительно четко прослеживается лишь в зимней одежде и обуви (овчинные полушубки, меховые шубы и шапки, пуховые шали и платки, валенки (пимы)). Традиционный русский костюм в обобщенной и условной форме используется в качестве сценической одежды. В Омске имеется положительный опыт реставрации традиционного костюма через использование национальных мотивов в моделировании современной одежды.

Наибольшая устойчивость этнических традиций обнаружилась в системе питания. При общем неплохом знании блюд русской кухни выявилась довольно высокая степень их реального бытования, особенно в обрядовой и повседневной пище.

Самым устойчивым из фольклорных жанров оказалась внеобрядовая лирическая песня. Характерно, что многие песни и сказки, считающиеся народными, имеют литературное происхождение. Постепенно утрачивается бытование обрядового фольклора, знание былинных эпических сказаний и легенд. Активно бытуют малые жанры фольклора: частушки, анекдоты, пословицы и поговорки. С всеобщей грамотностью и развитием технических средств массовой информации функции фольклора постепенно переходят к профессиональной культуре.

Изменение социально-экономических и политических условий привело к существенным сдвигам в обрядовой сфере. Быстрая утрата традиционных форм обрядности началась в первой трети XX в. в связи с разрушением общинного уклада жизни и государственной политикой,

Христо-Рождественский собор в Омске, воздвигнутый к 2000-летию Рождества Христова (фото М.А. Жигуновой, 2001 г.).

направленной на проведение революционных праздников и гражданских обрядов. Прежде всего изживались коллективные обрядовые действия, имеющие религиозную направленность, чему способствовала активная атеистическая пропаганда. В настоящее время увеличивается число посещающих церковь. Активно возрождаются или вновь строятся церковные храмы. Восстановление культовых сооружений ведется во всех районах области.

Современные трудовые праздники в основном имеют декларативный характер и практически не несут этнической специфики.

Среди семейных праздников родильно-крестильные обряды сохранились фрагментарно. В последние годы вновь приобрел популярность церковный обряд крещения. В наше время это действие совершается не столько с новорожденными, сколько с детьми дошкольного и школьного возраста, а также со взрослыми мужчинами и женщинами. В свадебной обрядности сохранилось немало традиционных черт (шуточные выкупы невесты, свадебный каравай, благословение родителей, указы-наказы молодым и др.). Наиболее консервативными оказались похоронно-поминальные обряды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Этнография восточных славян: Очерки традиц. культуры.* — М.: Наука, 1987. — С. 19—20, 46.

² *Народы России: Энцикл.* — М., 1994. — С. 270—271; *Русские (Этносоциологические очерки).* — М.: Наука, 1992. — С. 10—88.

³ *Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* — М., 1990. — С. 134—138.

⁴ *Русские старожилы в Сибири: Ист. антропол. очерк.* — М.: Наука, 1973. — С. 173—174.

⁵ *Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т.* — М., 1987. — Т. I. — С. 49—53.

⁶ *Жигунова М.А. Об этнических группах русского этноса в Сибири // Народная культура Сибири.* — Омск, 1999. — С. 198—202; *Озерова Г.Н., Петрова Т.М. О картографировании групп русского народа на начало XX века // СЭ.* — 1979. — № 4. — С. 72—78; *Этнография восточных славян...* — С. 60—61.

⁷ *Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края.* — Томск, 1995. — С. 14—16; *Строганова Е.А. Русские и манси реки Конды: Историко-культурное взаимодействие // Россия и Восток: Пробл. взаимодействия: Тез. докл.* — Челябинск, 1995. — Ч. 3. — С. 157—160.

⁸ *Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце 18 — первой половине 19 в.* — М.: Наука, 1976. — С. 21.

⁹ *Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. Население Сибирского края (русские и туземцы).* — Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. — С. 48; *Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII веков. Очерки социально-экономического развития: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.* — М., 1969. — С. 19; *Сигутов П.Т. Состав населения Омской области по районам выхода // Природа, население и хозяйство Омской области.* — Омск, 1974. — С. 52; *Колесников П.А. Вклад народных масс русского Севера в материальную и духовную культуру России // Культура русского Севера.* — Л., 1988. — С. 6.

¹⁰ *Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в.* — Омск, 1974. — С. 57; *Сигутов П.Т. Особенности динамики населения Омской области в связи с основными этапами ее хозяйственного освоения // Очерки населения и хозяйства Западной Сибири.* — Новосибирск, 1965. — С. 51, 53.

¹¹ *Бахрушин С.В. Исторический очерк заселения Сибири до XIX века.* — М.: Наука, 1922. — С. 69; *Колесников А.Д. Заселение русскими лесостепи Прииртышья в XVIII в. // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва СССР.* — Омск, 1964. — Вып. 6. — С. 80—82; *Хазиахметов Э.Ш. Из истории политической ссылки 1906—1917 гг. на территории Омской области // История Западной Сибири в дореволюционный период. Омская областная конференция: Тез. докл.* — Омск, 1988. — С. 73—75.

¹² *Швецова Н.К.* Диалектные устойчивые обороты с точки зрения их компонентного состава (Материалы для словаря устойчивых оборотов старожильческих говоров Омской области) // Русские говоры Сибири. — Томск, 1981. — С. 122.

¹³ *Современные этносоциальные процессы на селе.* — М.: Наука, 1986. — С. 5.

¹⁴ *Чистов К.В.* Народные традиции и фольклор. — Л.: Наука, 1986. — С. 21; *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: Теория и история. — М., 1983. — С. 322.

¹⁵ *Плахотнюк М.А.* Изменения в этническом самосознании русских Среднего Прииртышья в середине — конце XX в. // Русский вопрос: История и современность. — Омск, 1998. — С. 221—225.

¹⁶ *Плахотнюк М.А., Реммлер В.В.* К проблеме взаимовлияния этнических и социально-политических процессов (на примере восточнославянского населения юга Западной Сибири) // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. — Омск, 1993. — С. 220—221.

¹⁷ *Чистов К.В.* Народные традиции... — С. 24.

¹⁸ *Национальный состав...* — С. 553.

¹⁹ *Число и состав семей Омской области* (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). — Омск, 1990. — С. 75.

²⁰ *Современные этнические процессы в СССР.* — М., 1977. — С. 161; *Арутюнов С.А.* К проблеме этничности и интерэтничности культуры // СЭ. — 1980. — № 3. — С. 63.

²¹ *Плахотнюк М.А.* Этнические процессы в материальной культуре русских Среднего Прииртышья // Народы Сибири и сопредельных территорий. — Томск, 1995. — С. 177—185; *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. — М., 1958. — С. 66; *Брамквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. — М., 1956. — С. 254.

²² *Омская область. Природа и хозяйство.* — Омск, 1963. — С. 175.

²³ *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. — М.: Наука, 1987. — С. 158; *Толстов С.П.* По следам древнехорезмской цивилизации. — М.; Л., 1948. — С. 72; *Русакова Л.А.* Архаический мотив ромба с крючками в узорах полотенец сибирских крестьянок // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1985. — С. 121; *Кожевникова Л.А.* Особенности народного узорного ткачества некоторых районов Севера // Русское народное искусство Севера. — М., 1968. — С. 116—119; *Амброз А.К.* Раннеземледельческий культовый символ «Ромб с крючками» // СА. — 1965. — № 3. — С. 14—27.

²⁴ *Традиции современной одежды и искусство современного костюма.* — М., 1983. — С. 21, 43; *Работнова И.П.* Русская народная одежда. — М., 1964. — С. 46.

²⁵ *Лебедева А.А.* Мужская народная одежда русского населения Западной Сибири (XIX — начало XX в.) // Проблемы изучения

материальной культуры русского населения Сибири. — М., 1974. — С. 212; *Шелегина О.Н.* Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). — Новосибирск: Наука, 1992. — С. 129; *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья.* — Томск, 1993. — Ч. 3. — С. 29; Архив МАЭ ОмГУ, 1978. — П. о. 15-1. — К. 16—17, 38.

²⁶ *Бардина П.Е.* Быт... — С. 162; *Словарь...* — С. 352.

²⁷ *Современные этносоциальные процессы на селе.* — М., 1976. — С. 169, 183—184; *Токарев С.А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. — 1970. — № 4. — С. 12; и др.

²⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — СПб.: ТОО «Диамант», 1996. — Т. 3. — С. 29; *Липинская В.А.* Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII—XX вв.). — М., 1987. — С. 176; *Маслова Г.С., Станюкович Т.С.* Материальная культура русского сельского заводского населения Приуралья (XIX — начало XX вв.) // Труды Института этнографии. — М., 1960. — Т. 57. — С. 147; *Соколова З.П.* На просторах Сибири. — М., 1986. — С. 27; *Этнография восточных славян...* — С. 79.

²⁹ *Этнография русского крестьянства Сибири (XVII — середина XIX в.).* — М., 1981. — С. 194.

³⁰ *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. — М.: Наука, 1988. — С. 237.

³¹ *Народы Сибири.* — М.; Л., 1956. — С. 150; *Этнография русского крестьянства...* — С. 194—195.

³² *Чистов К.В.* Задачи изучения народного поэтического творчества // СЭ. — 1958. — № 3. — С. 9—20; *Он же.* Фольклористика и современность // СЭ. — 1962. — № 3. — С. 3—17.

³³ *Жигунова М.А., Золотова Т.Н.* Новые материалы по традиционной духовной культуре сибирских казаков // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов. — Омск, 1988. — С. 153—159; *Жигунова М.А.* Этнические процессы в сфере духовной культуры русских Среднего Прииртышья (Предварительное сообщение) // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. — Омск, 1989. — С. 123—130.

³⁴ *Ваши любимые песни.* — Смоленск: Русич, 1995. — 544 с.; *Популярные песни разных лет.* — М.: Омега: Денис Альфа, 1995. — 384 с.; и др.

³⁵ *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: Избр. ст. — М., 1976. — С. 24.

³⁶ *Плахотнюк М.А.* Традиционный и современный фольклор (На примере Усть-Ишимского района Омской области) // Материалы Третьего научно-практического семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по народной культуре. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. — С. 47—52; *Она же.* Фольклорное наследие сибирских казаков // Народная культура. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. — С. 8—13.

³⁷ Новое обозрение. — 1995. — 15 мая; Омский вестник. — 1996. — 11 янв.

³⁸ Москвина В.А. Символика персонажей русских заговоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: Изд-во МПГУ, 1997. — 16 с.; *Она же*. Символика заговоров // Материалы Второго научно-практического семинара Западно-Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1995. — С. 10—25.

³⁹ *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия* / Собр. М. Забылиным. — Ростов н/Д: Феникс, 1996. — 608 с.; *Русское колдовство: Сб.* — СПб.: Изд-во «ВИАНТ»: «Литера», 1997. — 464 с.; *Черная магия-2: Кн. колдовства.* — Новосибирск: АОЗТ «Ван-Мер», 1996. — 368 с.; и др.

⁴⁰ Феоктистова И.К. Сюжетный состав преданий русского населения Омской области (По материалам архива кафедры русской и зарубежной литературы ОГПИ) // Материалы Второго научно-практического семинара... — С. 4—10.

⁴¹ Чистов К.В. Семейные обряды и обрядовый фольклор // Этнография восточных славян... — С. 396.

⁴² Кривелев И.А. К характеристике сущности и значения религиозного поведения // СЭ. — 1967. — № 6. — С. 31; *Он же*. О формировании и распространении новых обычаев и праздников у народов СССР // СЭ. — 1963. — № 6. — С. 16.

⁴³ Золотова Т.Н., Плахотнюк М.А. Современное состояние традиционных календарных обрядов у русских Среднего Прииртышья // Традиционная культура русских Сибири в XIX—XX вв. — Новосибирск: Наука, 1999 (Очерки истории и быта).

⁴⁴ Жигунова М.А. Роль женщины в семье и сохранении народных традиций (на примере русских Среднего Прииртышья) // Русские старожилы Сибири. — Тобольск; Омск, 2000. — С. 371—372; Плахотнюк М.А. Половозрастные группы и система жизнеобеспечения (на примере русских Среднего Прииртышья) // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. — Томск: Изд-во ТГУ, 1998. — С. 216—219.

⁴⁵ Плахотнюк М.А. Обряды родильно-крестильного цикла у русских Среднего Прииртышья // Народная культура. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1997. — С. 6—11.

⁴⁶ Листова Т.А. Заметки о русской свадьбе // Русские народные традиции и современность. — М.: Наука, 1995. — С. 114.

⁴⁷ Кремлева И.А. Похоронно-поминальная обрядность русского населения Пермской области // Полевые исследования Института этнографии 1978 года. — М., 1980. — С. 29—30; *Этнография восточных славян...* — С. 412.

⁴⁸ Архив филологического факультета ОмГПУ. Эк-6/1974, № 7.

⁴⁹ *Клейменов М.П.* «Новые русские»: кто они? // Вестн. Ом. отд. АГН. — 1999. — № 1. — С. 43—48; *Плахотнюк М.А.* Образ «новых русских» в современном фольклоре // Народная культура Сибири. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. — С. 197—202.

5. СЕЛЬКУПЫ

Селькупы — коренной народ Севера — дисперсно расселен на обширной территории Западной Сибири. В основном население сосредоточено в Томской области — 1382 чел., в Тюменской области — 1632 и в Красноярском крае — 367 чел. Общая численность селькупов, по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., составляла 3612 чел.¹ Предметом изучения является специфика этнического развития селькупов, проявляющаяся в основных признаках, таких как язык, бытовая культура, этнопсихологическое состояние, характер межэтнических взаимодействий.

В результате социально-экономических причин, длительного и сложного процесса трансформации в хозяйстве и материальной культуре селькупов произошли значительные изменения. Преобразования в хозяйственной деятельности обусловили появление новых, в частности, земледельческих, огороднических и животноводческих занятий. Заметно возросло участие селькупов в промышленном производстве. Эти изменения повлекли за собой вытеснение традиционных и появление новых орудий труда, средств передвижения, жилищ, одежды и пищи.

Процессу трансформации хозяйства и культуры селькупов способствует интенсивное промышленное освоение районов их проживания. Разработка нефтяных и газовых месторождений, развитие лесной промышленности, использование современных транспортных средств приводят к изменению экологической ситуации. Вырубка леса, загрязнение рек, строительство дорог уменьшают промысловую отдачу лесных и водных угодий. В этих условиях заметно снижается значение традиционных хозяйственных занятий, многие из которых приходят в упадок.

У селькупов Средней Оби эти процессы носят более интенсивный характер. Доля охотников-промысловиков уже к концу 1950-х гг. была сравнительно невелика. Лишь 21,5 % коренного населения края (селькупов, хантов, эвенков), проживавших преимущественно в верховьях притоков Оби, продолжали заниматься охотой, 39,3 % работали в рыболовецких артелях². В настоящее время можно констатировать, что охотников-промысловиков среди среднеобских селькупов практически не осталось. Охота перестала быть средством жизнеобеспечения и сохраняется как любительское, спортивное или престижное занятие. Изменились характер, инвентарь и приемы ведения охоты. Добыча пушного зверя уступила место охоте на водоплавающую и боровую дичь. Имеются факты лицензионной охоты на лося. Утрачены традиционные охотничьи приспособления и ловушки. Основными орудиями охоты стали капканы промышленного производства и ловушки.

Аналогичные изменения произошли в рыболовном промысле. Незначительное число селькупов, проживающих по Оби и в низовьях ее притоков, работает в рыболовецких бригадах, поставляющих выловленную рыбу на рыбоконсервные заводы. Рыболовные снасти в основном представлены ставными сетями, фитилями и неводами промышленного производства. Полностью утрачены традиционные способы зимнего подледного лова рыбы и запорного рыболовства.

Прежнего значения не имеют и другие промыслы среднеобских селькупов. Прежде всего, произошло сокращение добычи орехов и ягод. В связи со снижением потребности в этих продуктах питания для их заготовки уже не требуется объединения усилий всей семьи, поэтому сбором орехов и ягод заняты женщины и дети, но и для них эта сфера деятельности второстепенна.

Большое влияние на хозяйство и быт оказало развитие транспорта. Практически все населенные пункты, где проживают селькупы, связаны авиалиниями, автобусным и автомобильным сообщением, расширяются возможности речного транспорта. Изменились и средства передвижения самих селькупов. Многие семьи имеют

мотоциклы, легковые автомобили, моторные лодки. Государство предоставляет льготы в приобретении снегоходов «Буран».

Вместе с тем в хозяйстве селькупов сохраняются традиционные средства передвижения: долбленые лодки (*обласки*), охотничьи лыжи, ручные нарты. Лодки-долбенки изготавливают из осины, весла делают из черемухи или кедра. Лыжи двух типов — голицы и лыжи, подбитые камусом. Однако следует отметить, что некоторые традиционные средства передвижения у среднеобских селькупов играют теперь подсобную роль. Например, долбленые лодки используются для установки и проверки сетей на озерах и протоках. Охотничьи лыжи имеют сейчас главным образом охотники-любители. Свое транспортное значение традиционные средства передвижения утратили.

Отход от охоты и рыболовства обусловил исчезновение традиционных жилых и промысловых построек. На смену традиционным жилищам пришли бревенчатые рубленые и брусовые дома. Значительная часть среднеобских селькупов проживает в государственных квартирах. Поэтому на вопрос о сохранении традиционных черт в жилище только 2,9 % опрошенных ответили положительно, в основном это люди пожилого возраста.

В значительной степени подверглась трансформации одежда среднеобских селькупов. Традиционная одежда у них практически вышла из употребления. Только 4 % опрошенных отметили традиционные национальные черты в одежде. Среди них 2,9 % информаторов указали на сохранение традиционных черт в обуви и по 1,1 % — в верхней одежде и украшениях. Как видно, более всего традиционных элементов присутствует в обуви. Значительное распространение имеют чирки (*пех*). В некоторых случаях их шьют целиком из кожи. Однако наиболее часто чирки изготавливают комбинированными — из кожи и брезента, используя для этого покупные материалы.

Из других традиционных видов одежды можно назвать меховые рукавицы. В прошлом их шили из оленьего меха, сейчас для этого используется шкура собаки.

Примечательно, что названные выше виды традиционной одежды сохраняются только у незначительной части людей, преимущественно пожилого возраста, которые продолжают заниматься охотой и рыболовством. Но и они используют такую одежду чрезвычайно редко. В повседневной жизни преобладают одежда, обувь и головные уборы промышленного изготовления.

В большей степени этническая специфика сохраняется в пище среднеобских селькупов. В пищевом рационе по-прежнему преобладает рыба, из которой готовят различные блюда и едят сырой. В результате влияния русских появились более сложные блюда из рыбы, такие как фаршированные щука или язь, холодец из окуней, рыбные котлеты. Однако сами информаторы считают все эти блюда своими национальными.

Значительное место в пищевом рационе по-прежнему занимает мясо. Однако в связи с прекращением охотничьего промысла и освоением животноводства, а также в результате развития государственной и кооперативной торговли мясопродуктами в мясном рационе среднеобских селькупов произошли изменения. По данным нашего опроса, 82,8 % употребляют в пищу говядину, 60,2 — свинину и баранину, 58,4 — лосятину, оленину — только 4 %. Аналогичны данные о потреблении мяса птицы: 63,1 % опрошенных предпочитают мясо домашней птицы и 55,1 % — дичь. Особенностью рациона среднеобских селькупов является употребление ими конины. Об этом заявили 31,4 % респондентов. В данном случае, очевидно, сказалось влияние сибирских татар.

В растительном рационе преобладают нетрадиционные продукты питания: овощи, крупы, фрукты, но ягоды продолжают занимать значительное место в современной структуре питания. В основном они идут на приготовление варенья, что не было свойственно селькупам в прошлом. У русского населения селькупы переняли и другие способы заготовки: консервирование, перекручивание с сахаром и т.д.

Большую часть продуктов питания среднеобские селькупы покупают в магазинах. Это, прежде всего, нехарактерные для них продукты: молоко, масло, овощи,

фрукты и др. Значительное место в их пищевом рационе занимают блюда, заимствованные из русской и других национальных кухонь: супы, каши, борщи, котлеты, блины, пироги, пельмени и т.д. Между тем подавляющее большинство людей знают свои национальные блюда. Как показывают данные опросов, 56,6 % информаторов знают одно-два своих национальных блюда, 6,9 % ответили, что знают четыре блюда и более.

Несколько меньше людей, которые не только знают, но и готовят свои национальные блюда, их доля составляет 55,5 % от всего числа опрошенных. Причем 51,1 % информаторов готовят их в будние дни.

Таким образом, мы можем констатировать, что на современном этапе пища остается наиболее устойчивым и этнически специфичным элементом культуры среднеобских селькупов.

У тазовско-туруханских селькупов примерно треть населения остается в сфере традиционных отраслей хозяйства, таких как оленеводство, охота и рыболовство. Все эти отрасли хозяйства также изменились. Но именно оленеводы, охотники и рыболовы являются на сегодняшний день носителями традиционной культуры своего народа³.

Лишь немногие семьи селькупов, проживающие в верховьях р. Таз и на его притоках Худосее и Большой Ширте, содержат своих оленей, число которых в хозяйствах не превышает 15—20 голов. Эта небольшая группа семей придерживается основных традиций селькупского оленеводства, достаточно подробно описанного в литературе⁴. Зимой оленей не караулят, они находятся на свободном выпасе. Летом, чтобы защитить их от комаров, держат в специальном сарае, вокруг которого разводят дымокуры.

Основная масса селькупов-олeneводоов работает в двух оленеводческих совхозах, расположенных на территории Красноселькупского района Тюменской области. В совхозе «Полярный» (центральная усадьба находится в с. Красноселькуп) содержится в среднем 6 тыс. оленей, в совхозе «Толькинский» (центральная усадьба в с. Толька) поголовье оленей составляет более 2 тыс. Местопо-

ложение стойбищ меняется в соответствии с сезонными перекочевками стада. Забой оленей осуществляется в ноябре, для этого пастухи пригоняют их в поселок, в специально оборудованный загон.

Существенную роль в хозяйстве тазовско-туруханских селькупов продолжает играть охота. Основным направлением охоты остается пушной промысел. Охотятся на белку, соболя, горностаю, песца, реже на росомуху. Сохраняет свое значение охота на лосей и оленей, крупную лесную и боровую дичь (глухарей, рябчиков, куропаток, уток и гусей). Охота на боровую и водоплавающую дичь осуществляется в конце лета, а на крупную дичь — чаще всего весной (в марте — апреле).

Зимняя охота начинается в конце сентября — начале октября и продолжается до конца марта. В основном охотятся капканами, а на белку часто ходят с собакой, которая, обнаружив белку, загоняет ее на дерево, после чего охотник из ружья или винтовки легко сбивает ее. Крайне редко применяются некоторые традиционные орудия охоты. Еще в 1960-х гг. у многих охотников были черканы и кляпцы. Сейчас эти ловушки уже не используются. Но некоторые охотники ставят на песцов и других пушных зверьков пасти, иногда на лося — петли, а на мелкую дичь — петли-пленницы.

Большинство тазовско-туруханских селькупов, занятых в отраслях традиционного хозяйства, связаны с рыболовством. Все три совхоза — «Полярный», «Толькинский» и «Тунгусский» — имеют рыболовецкие бригады. Основное ядро работающих в этих бригадах составляют селькупы.

Рыбу ловят практически круглый год: зимой — на озерах, летом — на реке, осенью — на протоках. Зимой промышляют щуку. В начале лета ловят щуку, язя, а в конце лета наступает сезон вылова белой рыбы: сига, щокура, сырка, пыжьяна, муксуна, нельмы. Основные орудия лова — ставные сети и невода. Продолжает бытовать и традиционный способ лова при помощи запоров и котцов, которые делают из лиственницы или из кедра. Выловленную рыбу сдают в заготовительные организации, часть ее идет на собственное потребление.

На современном этапе значительно улучшилось транспортное оснащение оленеводов, охотников и рыбаков. Доставка продовольствия, необходимого снаряжения, самих оленеводов на стойбище осуществляется при помощи авиации. Охотники в зимнее время используют снегоходы «Буран». Рыбаки располагают современными катерами и моторными лодками. Однако сам характер отраслей хозяйства способствует сохранению традиционных средств передвижения, таких как олени нарты, охотничьи лыжи, долбленые лодки (*ветки*).

Селькупские нарты отличаются от ненецких несколько зауженное сидение и больший угол наклона копыльев. У северных селькупов продолжают бытовать нарты трех видов: мужские, женские и грузовые. Тазовско-туруханские селькупы используют лыжи двух типов: голицы и камусные. Изготавливают лыжи, как правило, из ели, реже из кедра. Крепления делают из сыромятных ремней. Подбивают лыжи оленьими камусами. Клей варят из щучьей кожи. Перед наклейкой на лыжи камусы сшивают сухожилиями. Долбленную лодку-*ветку* еще может изготовить каждый рыбак. Легкие *ветки* из кедра просто незаменимы на озерах и протоках. По мнению селькупов-рыбаков, они наиболее удобны для установки и проверки сетей.

Сохранение промыслово-олeneводческого хозяйства способствует бытованию у тазовско-туруханских селькупов некоторых традиционных типов жилищ и хозяйственных построек. Основным жилищем для них по-прежнему является чум. Во время летнего рыболовного сезона в него переселяются многие рыбаки и семьи, которые имеют своих домашних оленей. Для покрытия чума чаще всего используется брезент, но нам удалось наблюдать у верхнетазовских селькупов и берестяные чумы. Зимой поверх брезента настилают олени шкуры. Отапливают чум при помощи железной печки, установленной в центре напротив входа, труба печки выходит в верхнее отверстие чума. Иногда вместо печки просто разводят костер. Пол в чуме устилают сосновыми ветками или сеном. В качестве постели используют олени шкуры, над которыми натягивают матерчатые пологи.

Летом рыбаки ставят чум выходом к реке, а зимой на стойбищах его обычно разворачивают входом к югу, так как с севера дуют сильные ветры.

Кроме того, тазовско-туруханские селькупы используют в качестве временного жилища кетские сводчатые шалаши из тальниковых прутьев⁵.

Однако подавляющее большинство северных селькупов постоянно живет в современных, полностью или частично благоустроенных домах. Квартыры в поселках имеют также оленеводы и рыбаки, в них живут их семьи. Поэтому на вопрос о том, сохранились ли у них традиционные черты в жилище, положительно ответили только 9,7 % от всего числа опрошенных. Но в старших возрастных группах на этот вопрос ответило гораздо большее число информаторов. В частности, у женщин старше 60 лет на традиционные черты в планировке жилища, устройстве печи и внешней отделке указали 29,4 %, а в украшении — 23,5 % опрошенных.

Заметные изменения произошли в материальной культуре селькупов Тазовско-Туруханского региона. Практически во всех семьях появились современные предметы быта, утвари, мебель промышленного производства. Все эти новшества постепенно вытесняют традиционные предметы материальной культуры селькупов. Но многие архаичные элементы по-прежнему составляют неотъемлемую часть быта. Об этом свидетельствуют данные нашего опроса. 43,6 % информаторов отметили, что в их семье сохраняются различные предметы быта и утвари самодельного производства. В основном это относится к деревянной и берестяной посуде и рабочему инструменту, а также к другим изделиям из дерева, бересты, кожи и ткани. Так, 2,6 % информаторов отметили сохранение берестяной и деревянной посуды, 22 — инструментов, 6 % — игольниц и т.д. Больше всего предметов традиционной утвари имеется у пожилых людей, но и среди молодежи они бытуют еще достаточно широко. Например, использование берестяной и деревянной посуды отметили 36,1 % женщин моложе 25 лет и 33,3 % опрошенных в половозрастной группе 30—34 лет.

Современная одежда почти полностью вытеснила традиционную одежду тазовско-туруханских селькупов. Исключение составляют лишь зимняя верхняя одежда и обувь. Согласно данным этносоциологического опроса, 58,7 % северных селькупов отмечают сохранение национальных черт в одежде, в том числе 32,6 % — в верхней одежде и 55,5 % — в обуви. Причем в некоторых половозрастных группах показатели еще более высокие. Так, традиционные черты в обуви отметили 66,7 % мужчин в группе от 30 до 34 лет, столько же мужчин старшего возраста и 70,6 % женщин старше 60 лет. Наивысшая доля людей, указавших на сохранение традиционных черт в верхней одежде (41,7 %), отмечена у мужчин в возрастной группе 25—29 лет и у женщин старше 50 лет.

Охотники и оленеводы в зимнее время надевают распашную *парку*, а во время длительных переездов на нартах — глухой *сокуй* с капюшоном. Селькупская *парка* обычно двойная, сшита из нескольких шкур. Имеет, как правило, прямой стан, неглубокие проймы, рукава клиньями, глухой ворот, отороченный мехом. *Парка* завязывается сыромятными ремешками. Значительно изменился покрой одежды. Их шьют сейчас из нескольких шкур, и отдельно выкраивают спинку, прилегающую в талии, и полки⁶. *Сокуй* сами селькупы не изготавливают. Женщины подпоясываются поверх зимней одежды широкими поясами из ткани, расшитыми разноцветным бисером и украшенными массивными медными пряжками и бляхами.

Традиционная меховая обувь северных селькупов представлена двумя типами: *пимы* и *бокари*. *Пимы* шьют из оленьих или лосиных камусов. На изготовление одной пары уходит восемь—десять камусов, которые сшивают мехом вовнутрь, а затем выворачивают, так что мех остается снаружи. Подошва подшивается мехом внутрь. Последнее время стали подшивать резиновые подошвы промышленного производства. Сшивают детали оленьими сухожилиями (*тэн*). Женские *пимы* обычно украшают орнаментом из сукна, на которое нашивают разноцветный бисер (*пюсан*), нанизанный на сухожилия или капроновую нитку. Сукно пришивают на готовые *пимы*.

Бокари отличаются тем, что шьются с невысоким голенищем, к которому сверху подшивают длинный чулок из плотной мягкой ткани. Используются *бокари* во время зимней охоты для ходьбы на лыжах по глубокому снегу.

У северных, как и у среднеобских, селькупов наиболее яркие этнические особенности до сих пор сохраняет пища. Главное место в их рационе по-прежнему занимает рыба. Употребляется она и в сыром виде — малосол, и в замороженном — строганина. Из рыбы варят уху. Готовят также *юколу*. Для этого рыбу разделяют, вытаскивают из нее кости и сушат над костром или на солнце. В сухом виде ее употребляют редко. *Юкола* служит полуфабрикатом для изготовления традиционного блюда (*кыль-ур*). Это *юкола*, вываренная в рыбьем жиру с добавлением ягоды (морозки). Очень часто готовят рыбу, печенную над костром (*чопса*). Для этого рыбу насаживают на специальные заостренные палочки, которые тоже называются *чопс*, и втыкают в землю рядом с костром. Несколько отличен способ приготовления рыбы, жаренной на костре (*пирмикуль*). В данном случае ее жарят на вертеле и углях.

В мясном рационе предпочтение отдается оленине и лосятине. По данным нашего опроса, оленину употребляют 87,2 % опрошенных, лосятину — 43,6 %. Однако и новые виды мяса, такие как говядина, свинина и баранина, занимают значительное место в рационе тазовско-туруханских селькупов.

Мясо, так же как и рыба, иногда употребляется в сыром виде. Популярны сырая оленья кровь, а также печень (*максу*) и сердце (*сиджи*), мясная строганина. Оленье мясо сохраняет свое значение в обрядовой практике, его едят на похоронах. Готовят блюдо *пирми-ансэ* — дичь, жаренная в песке.

Свежую дичь потрошат, солят внутри и прямо с перьями кладут в раскаленный песок, сверху покрывают тлеющими углями или поддерживают небольшой огонь. Из мяса также готовят блюда, заимствованные у русских, например пельмени и котлеты. При этом для фарша часто используют мясо дичи.

В растительном рационе в основном господствуют не свойственные в прошлом продукты: картофель, овощи, фрукты, овощные и фруктовые консервы. Хлебные лепешки (*няй*) пекут в раскаленном песке. На праздники эти лепешки делаются по-другому. На их основе готовят пироги с ягодой (*топри-няй*) и запеченную в тесте дичь (*мыти-няй*). Тесто делается такое же, как и для простой лепешки. Изготавливают лепешки с икрой, при этом рыбью икру перемешивают с тестом. Кровяные лепешки получают путем замешивания теста на оленьей крови с добавлением соли, их отваривают в воде.

Ягоду в основном предпочитают употреблять в свежем виде. Для питья покупают чай в магазине, но помимо этого делают отвары из чаги, а также из листьев брусники, черники и иван-чая.

Знают свои национальные блюда 91,3 % северных селькупов, в том числе 61,5 % опрошенных знают до трех блюд и 29,8 % знают четыре и более. Среди пожилых людей еще большее число информаторов назвали четыре блюда и более. У мужчин в возрасте 50—59 лет это отмечают 42,9 %, а в возрастной группе от 60 лет и старше — 44,5 %. У женщин этих же возрастных групп доля таких информаторов составила соответственно 52,9 и 47 % опрошенных. Сами готовят свои национальные блюда 66,1 % опрошенных, а 62,8 % респондентов ответили, что делают это в обычные будние дни.

Таким образом, в сфере хозяйства и материальной культуры селькупов на современном этапе произошли заметные изменения, которые определяются вытеснением и трансформацией традиционных хозяйственных отраслей и сокращением форм материальной культуры. В большей степени процесс трансформации затронул жилые и хозяйственные постройки, весь комплекс одежды, за исключением верхней зимней одежды и обуви у тазовско-туруханских селькупов. В меньшей степени изменился пищевой рацион, который как у южных, так и у северных селькупов сохраняет свою этническую специфику. Но и в питании отчетливо просматривается тенденция к вытеснению традиционных продуктов и замене их новыми, растет число заимствованных блюд.

В целом на современном этапе и в перспективе этно-трансформационные процессы в хозяйстве и материальной культуре будут преобладать.

Процесс трансформации более всего затронул духовную культуру селькупов. Ее традиционные элементы проявляются лишь в виде реликтов. Вместе с тем в последние годы значительно расширились возможности приобщения селькупов к различным формам многонациональной российской и мировой культуры. Этому способствует дальнейшее развитие в северных регионах средств коммуникации, телевидения и радиовещания.

Значительные изменения произошли в семейной и праздничной обрядности среднеобских селькупов. Традиционные праздники и обряды ушли в прошлое, и лишь некоторые из них сохраняются в памяти старожилов. Молодежь вообще не знает национальных селькупских обрядов. Только 0,7 % опрошенных нами информаторов назвали среди отмечаемых ими праздников и обрядов свои национальные. Причем это были женщины из возрастной группы старше 60 лет. В качестве своего традиционного праздника они назвали Духов день. Вероятнее всего, здесь имеет место смешение традиционных представлений о духах и христианских воззрений о святых. Такое же сочетание элементов язычества и христианства просматривается в обычае, бытующем у селькупов Тыма, когда на Рождество делают куличи, в которые втыкают палочки и ставят на них фигурку олененка.

Христианство было первым, и как нам представляется, наиболее мощным фактором трансформации традиционной культуры селькупов. Даже в наше время современные формы культуры не смогли окончательно вытеснить христианские установки из духовной сферы среднеобских селькупов.

По данным анкетирования, 61,7 % опрошенных отмечают православные религиозные праздники, причем молодое поколение в этом аспекте не только не уступает пожилым людям, но и даже превосходит их. Например, в группе мужчин моложе 25 лет 80 % опрошенных ответили, что отмечают православные праздники и обряды, в возрастной группе от 25 до 29 лет на это

указали 66,7 % информаторов. Обряд крещения одобряют 49,6 % селькупов Среднего Приобья. В этой группе населения преобладают люди пожилого возраста.

Трансформационные процессы глубоко затронули сферу семейной обрядности среднеобских селькупов. Широкое распространение получили новые обряды, связанные с рождением ребенка. Так, 66,4 % опрошенных отмечают это событие торжественной регистрацией в загсе или сельсовете, 33,2 % устраивают по этому поводу домашнее торжество и лишь 10,6 % предпочитают крестить ребенка. При этом сам обряд крещения практически не соблюдается, что обусловлено, прежде всего, отсутствием церквей в деревнях и поселках, где проживают селькупы, а также недостаточной устойчивостью в их среде христианских традиций.

Большинство среднеобских селькупов регулярно отмечают дни рождения своих детей, об этом нам заявили 70,8 % информаторов, 78,8 % опрошенных всегда празднуют дни рождения взрослых.

Современные черты приобрел и свадебный обряд. Наиболее распространенной формой заключения брака стала торжественная регистрация в загсе или сельсовете. 61,3 % опрошенных заявили, что именно таким образом отмечали или предполагают отметить это событие. Некоторые информаторы говорили, что нередко свадьбы у селькупов проходят по русским народным обычаям.

Даже такой известный своей консервативностью элемент духовной культуры, как погребальный обряд, утратил свои национальные черты. От традиционного обряда сохранились лишь отдельные разрозненные элементы. В частности, еще продолжают бытовать надмогильные сооружения в виде срубов. На кладбище д. Максимкин Яр на Кети на одной из могил нами был зафиксирован резной надмогильный столб. Некоторые информаторы помнят о захоронениях в обласках, колодах, ящиках на поверхности земли, об обычае класть в могилу личные вещи покойного. В последнее время погребальный обряд среднеобских селькупов определяют черты, характерные для русского.

Несмотря на вытеснение традиционной духовной культуры среднеобских селькупов, замену ее новыми, религиозными и безрелигиозными формами современной культуры, в памяти населения, преимущественно стариков, сохраняются отдельные элементы мировоззрения и обычаев их предков. Они еще могут рассказать о шаманах, о поклонении духам (*лозам*) и подношении им подарков, об охотничьих поверьях и обычаях, о священных рощах, островах и озерах.

В памяти некоторых людей еще сохраняются отдельные сюжеты традиционного селькупского фольклора. Нам удалось записать целый ряд сказок, легенд и преданий, повествующих о заселении селькупами Приобья, богатырях, лесном духе, людоедах и др. Однако по анкетным данным, только 12,8 % опрошенных помнят от одного до трех сюжетов традиционного фольклора, хотя такие люди отмечены во всех половозрастных группах, кроме лиц моложе 25 лет. Некоторые наши информаторы рассказали о поздних фольклорных произведениях, распространенных среди селькупов Томско-Нарымского Приобья в первые послевоенные годы. Это частушки, которые пели на вечерах под гармошку. Некоторые люди старшего возраста и сегодня поют эти песни во время гуляний и застолий.

В целом для культурной жизни среднеобских селькупов характерно быстрое распространение современных форм духовной культуры. В селах и поселках Томской области, где проживают селькупы, расширяется сеть домов культуры, кинотеатров и других объектов социально-культурного назначения, что стимулирует дальнейшее духовное развитие населения. 37,9 % опрошенных регулярно посещают кинотеатры, 13,7 % ходят на концерты и спектакли. Большой популярностью у населения пользуется такая форма организации досуга, как вечера отдыха, а у молодежи — танцы и дискотеки.

Растет интерес к чтению литературы и периодики. 9,5 % опрошенных регулярно посещают библиотеку, многие дома имеют достаточное количество книг. Наибольшим спросом пользуется художественная литература; читают также научно-популярную и специальную

литературу. С улучшением снабжения районов Сибири и Севера товарами первой необходимости, в том числе товарами культурно-бытового назначения, расширились возможности приобщения селькупов к современным формам духовной культуры. По данным опроса, 93,8 % опрошенных имеют телевизоры, 92,7 — радиоприемники, 44,5 % — магнитофоны.

Таким образом, сегодня основной тенденцией в духовном развитии среднеобских селькупов являются дальнейшее вытеснение традиционных форм и замена их современными формами духовной культуры.

Характеризуя современную духовную культуру тазовско-туруханских селькупов, необходимо отметить, что она в меньшей степени подверглась влиянию православного христианства и русской культуры в целом, но испытала на себе влияние коренного населения тайги и тундры Тазовско-Туруханского региона: ненцев, энцев, эвенков, кетов. Этим и объясняется определенная специфика культуры северных селькупов на современном этапе. Однако в последние десятилетия их традиционная духовная культура подверглась сильной трансформации за счет притока в регион большого количества людей из различных районов страны, преимущественно русских, которые и стали главными носителями культурных инноваций в духовной сфере. Определенную историческую роль в этом процессе безусловно сыграло христианство.

Сегодня у селькупов Таза и Турухана на первый план вышли современные общенародные и профессиональные праздники, из них наибольшей популярностью пользуются День рыбака, День охотника и День оленевода. На эти праздники устраиваются массовые гулянья, ярмарки, организуются вечера отдыха в клубах и домах культуры, концерты художественной самодеятельности, на которых выступают и селькупские национальные коллективы.

Опрос информаторов показал, что некоторые из них продолжают отмечать отдельные традиционные праздники. Например, праздник Первой птицы, или праздник Ликования, отмечается весной, когда прилетает первый лебедь, праздник Последней птицы и праздник го-

на — осенью знаменуют начало охоты и сбора оленей. Эти календарные праздники отмечают лишь немногие люди старшего поколения, связанные с охотничьим промыслом и главным образом с оленеводством. По данным анкетирования, они составляют 3,7 % от общего числа опрошенных.

Православные праздники отмечают 56 % опрошенных, причем без соблюдения каких бы то ни было православных обрядов, чаще всего в форме семейно-товарищеского торжества.

В сфере семейно-бытовой обрядности произошли наиболее существенные изменения. Прежде всего это относится к рождению и свадебному обрядам. Рождения обряда у северных селькупов сейчас, по-видимому, не существует. Во всяком случае нам не удалось получить от информаторов никаких сведений о бытовании у них каких-либо специальных обрядов и обычаев, связанных с рождением ребенка. Это обстоятельство в какой-то мере подтверждается данными анкетирования. Подавляющее большинство опрошенных (78 %) ответили, что отмечают это событие на домашнем торжестве. Только 29,3 % информаторов проводят торжественную регистрацию ребенка в загсе или сельсовете. О крещении ребенка заявили всего 1,8 % опрошенных, что вполне согласуется с данными об отношении северных селькупов к обряду крещения в целом. Лишь 23,4 % информаторов ответили, что одобряют обряд крещения.

Аналогичные изменения произошли в свадебной обрядности тазовско-туруханских селькупов. Несмотря на то, что многие представители старшего поколения помнят отдельные детали традиционного свадебного обряда, в современной обрядовой практике они не используются. Самой распространенной формой празднования этого события является семейно-товарищеское торжество. Именно таким образом отмечают заключение брака 71,5 % опрошенных. При этом 56,9 % северных селькупов, по нашим данным, отмечают бракосочетание торжественной регистрацией в загсе или сельсовете.

Наибольшей устойчивостью традиций семейной обрядности тазовско-туруханских селькупов отличается по-

гребальный обряд. У них сохраняются многие элементы традиционного погребального ритуала, связанные с древними шаманистскими воззрениями и представлениями о смерти и загробном мире. Эти архаичные элементы можно обнаружить практически во всех стадиях погребального цикла.

Так, одевая покойника в современную одежду, в некоторых случаях на ноги ему надевают оленьи пимы, что является пережитком обычая одевать покойника в зимнюю верхнюю одежду. В гробу иногда делают отверстия, через которые, согласно анимистическим представлениям, должна вылетать душа покойника. В руку умершему кладут уголек, чтобы он не мог забрать с собой душу живого человека. В могиле делают помост из досок, на который ставят гроб, сверху могилу также перекрывают досками. У селькупов верховьев Таза сохраняются традиционные детские захоронения в пнях спиленных деревьев. Так хоронят умерших грудных детей. Встречаются и современные модификации данного вида захоронений. На кладбище у пос. Ратта, в верховьях Таза, нами было зафиксировано детское погребение в виде вкопанного в землю круглого столба.

В современном погребальном обряде северных селькупов сохраняется обычай сопровождать умершего при погребении его личными вещами. Предметы, принадлежащие умершему, кладут как в могилу, так и рядом с ней или вешают на жердях между деревьями и на деревьях около могилы. Среди них предметы утвари, одежда, орудия труда, средства передвижения, на детских могилах — игрушки. При этом строго соблюдается правило портить вещи, сопровождающие покойника. Однако современная трактовка этого обычая не имеет ничего общего с традиционными представлениями. Необходимость портить вещи, оставляемые на кладбище, объясняется информаторами как средство для того, чтобы помешать унести эти вещи чужим людям.

Продолжают бытовать и традиционные надмогильные сооружения: срубы, деревянные покрышки могил, домики с четырехскатной крышей, резные надмогильные столбы. Эти надмогильные сооружения рассматри-

ваются, с одной стороны, как знаки, указывающие на место погребения, а с другой — как памятники умершим. В редких случаях еще соблюдается обычай забивать оленя во время похорон.

Несмотря на значительное количество традиционных элементов, содержащихся в погребальном обряде, в целом он также претерпел заметные изменения. Покойника обряжают в покупную одежду, гроб обычно обивают материей, на селькупских могилах появились металлические оградки и памятники, нередко можно увидеть надмогильные кресты. Таким образом, происходит нивелировка погребальной обрядности, но в то же время этот обряд северных селькупов продолжает сохранять свою этническую специфику и остается наиболее устойчивым компонентом традиционной духовной культуры.

Для современной духовной культуры селькупов Таза и Турухана характерно сохранение отдельных пережитков традиционных верований: шаманизма, анимизма, промысловых культов. Пожилые люди продолжают верить в существование духов — хозяев леса, реки, озера и т.д. Знают они и о расположении культовых мест своих предков. Специально эти места сейчас никто не посещает, но, проезжая мимо, обязательно оставляют какие-нибудь вещи или мелкие монеты. Некоторые пожилые женщины до сих пор еще держат в лесу изображения духов (*поргэ*). Некоторые старики почитаются как шаманы, но сами они, как правило, неохотно делятся своими секретами. Те информаторы, чьи предки были шаманами, могут рассказать об их камланиях, лечении больных, борьбе с другими шаманами.

Во всех возрастных группах имеются люди, которые знают некоторые сюжеты традиционного фольклора селькупов: сказки, легенды, исторические предания. Широко распространены предания о борьбе с ненцами, в которых селькупским героям или богатырям удается пережить или победить их. Сохраняются и некоторые другие сюжеты. По данным нашего опроса, 31,2 % северных селькупов помнят фольклорные произведения, 28,9 % из них помнят от одного до трех, а 2,3 % — четыре произведения и более. В некоторых половозрастных груп-

пах число людей, которые помнят фольклорные сюжеты, значительно больше. Так, среди женщин в возрасте 30—34 лет 42,1 %, а у мужчин в группе 35—49 лет 52,6 % опрошенных помнят от одного до трех произведений традиционного селькупского фольклора.

В последнее время в Красноселькупском районе Тюменской области районная газета «Северный край» стала публиковать обработки селькупских сказок и легенд. Благодаря этому среди тазовских селькупов значительно расширился круг людей, знающих фольклорные сюжеты своего народа.

Все больший интерес проявляет коренное население края к новым формам культуры: современной литературе, искусству, музыке. 17,9 % из них — читатели библиотек, 61 % — регулярные посетители кинотеатров, 29,8 % — концертов и спектаклей, а 81,8 % юношей и 83,3 % девушек постоянно посещают вечера танцев и дискотеки. В благоустроенных поселках и отдаленных деревнях, где проживают северные селькупы, имеется телевидение, что позволяет получать обширную информацию. Сегодня 85,3 % селькупов края имеют телевизоры, 77,1 — радиоприемники, 59,2 % — магнитофоны.

Таким образом, традиционный комплекс в современной духовной жизни тазовско-туруханских селькупов занимает уже незначительное место и с каждым днем все более сокращается. На смену ему приходят новые многообразные формы духовной культуры.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что духовная культура селькупов претерпевает на современном этапе значительно более ощутимые изменения, чем хозяйство и материальная культура. Практически полной нивелировке подверглись праздничная и семейная обрядность, до минимума сузилась сфера бытования традиционных обычаев. Наиболее этноспецифичным остается погребальный обряд, но это характерно только для северных селькупов и связано главным образом с сохранением основных отраслей традиционного хозяйства. Для обеих групп селькупов на современном этапе характерно утверждение самых современных черт унифицированной общечеловеческой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.* — М., 1991.

² *Соколова З.П.* О некоторых этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков Томской области // СЭ. — 1961. — № 3. — С. 49.

³ *Лебедев В.В.* Формирование и этнокультурная история северных селькупов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1988. — С. 23.

⁴ *Прокофьева Е.Д.* Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. — Л., 1976. — С. 139—155; *Гемуев И.Н., Пелих Г.И.* Селькупское оленеводство // СЭ. — 1974. — № 3. — С. 83—95; *Козьмин В.А.* Оленеводство северных селькупов в связи с их этнической историей // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. по этнографии. — Омск, 1983. — С. 21—25.

⁵ *Алексеев Е.А.* Этнические процессы на Туруханском Севере // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. — М., 1970. — С. 82.

⁶ Там же.

6. СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

В настоящее время в Сибири проживает около 500 тыс. татар. Изучение этнического состава татар Западной Сибири показало, что сибирских татар около 180 тыс. чел., а остальные — выходцы из районов Поволжья и Приуралья и их потомки. Это прежде всего казанские татары, мишари, кряшены и другие группы поволжских татар. В Сибири часть их называют себя *сибиртатарлар*, т.е. сибирские татары. Одни из них зовутся так потому, что давно живут в одних селениях и городах совместно с сибирскими татарами, сблизившись с ними и вошли в состав коренных сибирских татар, другие давно живут в Сибири и, как и русские, считают себя сибиряками.

Долгое время проблемы этнического состава, формирования и истории сибирских татар волновали ученых. Ею занимались такие видные деятели науки прошлого, как историки Г.Ф. Миллер и В.Н. Татищев, этнографы И.Г. Георги, Н.Ф. Катанов, Н.А. Костров, Г.Н. Потанин, И. Юшков, Н.М. Ядринцев, археолог С.М. Чугунов, языковед В.В. Радлов¹. Из советских ученых существенный вклад в изучение сибирских татар внесли историки

С.В. Бахрушин, З.Я. Бояршинова, Н.Ф. Емельянов, Х.З. Зияев, З.Д. Титова, В.И. Шунков², этнографы В.Б. Богомолов, Ф.Т. Валеев, Б.О. Долгих, С.Н. Корусенко, Н.В. Кулешова (Кузнецова), Р.К. Сатлыкова, А.Г. Селезнев, Ю.Б. Симченко, Н.А. Томилов, В.В. Храмова³, археологи К.Э. Гриневич, Б.А. Конилов, В.А. Могильников, В.И. Молодин, В.И. Соболев, Г.Н. Троицкая и др.⁴, антропологи А.Н. Багашев, Г.Ф. Дебец, В.А. Дремов, С.В. Ефимова, Н.С. Розов, Т.А. Трофимова, Н.И. Халдеева, Г.Л. Хить⁵, языковеды М.А. Абдрахманов, Г.Х. Ахатов, Л.В. Дмитриева, А.П. Дульзон, С.М. Исхакова, Д.Г. Тумашева и др.⁶ Почти 40 лет понадобилось советским ученым, чтобы подойти к решению проблемы состава этой этнической общности и проживания ее среди русского населения.

Сибирские татары объединяют три разрозненные этнические группы — томских, барабинских и тоболо-иртышских татар, подразделяющихся на менее крупные группы. Томские татары состоят из калмаков, чатов и эуштинцев; барабинские — из барабинско-туражской (или барабинско-чановской по названию районов проживания), любейско-тунусской (или кыштовско-усть-таркской) и теренинско-чойской (или каргатско-убинской) групп; тоболо-иртышские — из тюменско-туринской, тобольской, ясколбинской, курдакско-саргатской и тарской групп. В свою очередь, в тюменско-туринскую группу входят тюменские, ялаторовские, туринские и верхотурские татары, в тобольскую — аремзянско-надцинские, искеро-тобольские, бабасанские и иштякско-токузские татары, в ясколбинскую — ясколбинские, кошукские и табаринские татары, в курдакско-саргатскую — курдакские и саргато-утузские татары, в тарскую группу — аялынды и туралинды.

С приходом русских в Западную Сибирь часть тоболо-иртышских татар переместилась в районы Оби и далее на восток. Тюменско-туринские татары переселялись в XVII—XVIII вв. вниз по рекам Тура и Тавда, на Тобол и частично на юг, где завершалось формирование ялаторовских татар. Тобольские татары продвинулись частично в заболотный край к ясколбинцам, на север в

земли хантов и манси, вверх по Иртышу к курдакско-саргатским татарам, ясколбинские татары — в земли тюменских татар, курдакско-саргатские татары — вниз по Иртышу и в Барабинскую лесостепь. В свою очередь часть барабинцев переселилась на запад к тарским татарам и на восток, где они оказались в составе чатов, чулымцев и, возможно, хакасов. В Томском Приобье эуштинцы в основном расселялись в бассейне Оби на землях калмаков, чатов, обских татар, а также на Чулыме, чаты — на землях эуштинцев, в том числе и по Томи, обские татары — на север. В XVII—XVIII вв. стабилизировалась этническая территория калмаков, поселившихся рядом с томскими чатами и эуштинцами.

В результате таких изменений в расселении сибирских татар возникли разрывы территории тюменских, с одной стороны, и курдакско-саргатских татар — с другой, тюменских и туринских татар, а также барабинских и тюркских групп Среднего Приобья в связи с откочевкой чатов в Приобье. Единой была территория тобольских, тюменских и ясколбинских татар. Тобольские татары жили по соседству с курдакско-саргатскими, а те — с тарскими и барабинскими. Последние имели общую пограничную зону. На востоке совместно проживали калмаки, обские татары, чаты и эуштинцы. Такое расселение разных групп сибирских татар, их размещение по отношению друг к другу, образовавшееся в XVII—XVIII вв., фактически почти не изменилось в XIX—XX вв., за исключением отдельных случаев.

В каждой группе наблюдалось исчезновение или появление отдельных поселений, укрупнение населенных пунктов. С возникновением русских городов часть сибирских татар поселилась на постоянное местожительство в Тобольске, Тюмени, Таре, Томске. Наконец, увеличилось совместное проживание сибирских татар с сибирскими бухарцами, поволжскими татарами, башкирами, казахами, каракалпаками, телеутами, чулымскими тюрками, селькупамы, манси, хантами, а также русскими. Наиболее существенные сдвиги в расселении всех групп сибирских татар были связаны с земледельческим освоением этого региона русскими, что привело к воз-

никновению чересполосицы в размещении их селений и хозяйственных угодий. К концу XIX в. стала увеличиваться прослойка русских в татарских селениях. В целом наплыв русских в отдельных регионах сузил территории расселения сибирских татар и увеличил территориальную разобщенность отдельных групп.

Перемены в расселении в XX в. связаны прежде всего с миграциями татар в города Западной Сибири областного и районного значения (Кемерово, Новосибирск, Омск), частично в города Средней Азии, Казахстана и разные районы России. Сегодня доля городского населения составляет более половины всех, проживающих в местах расселения сибирских татар в Западной Сибири. Часть из них переезжала на новостройки и лесозаготовки, в соседние селения русских и пришлых поволжских татар и их потомков. В свою очередь последние частично расселились в селах и деревнях сибирских татар. В целом переселение татар из европейской части страны в Сибирь в последние 60 лет уменьшилось. В сибирско-татарских селениях группу переселенцев образовали лишь 14 % татар. И еще одно явление имело место в советский (особенно в послевоенный) период — это переезды татар в крупные селения и исчезновение в связи с этим мелких населенных пунктов (в XX в. исчезло около 20 %). В то же время за последние десятилетия усилились переезды татар в русские села и деревни.

В конце XVI в. количество всех тоболо-иртышских татар составляло 13 тыс. чел., в конце XVII в. — 14,4 тыс., в середине XVIII в. — около 17,5 тыс., в 1816 г. — почти 24,5 тыс. и в 1897 г. — 37,6 тыс. чел. В конце XVI в. барабинцев насчитывалось примерно 1,5—2 тыс. чел., в XVII в. рост их численности не наблюдался, в середине XVIII в. их было около 1,9 тыс. чел., во второй половине XVIII — начале XIX в. их численность возрастала (почти до 5 тыс. чел. в 1823 г.), но далее в XIX в. она уменьшилась, составив в 1897 г. 4,4 тыс. чел. В начале XVII в. насчитывалось около 800 эуштинцев, в XVII—XVIII вв. число их сократилось (до 160 чел. в 1795 г.), но к концу XIX в. возросло до 290 чел. Численность чатов на протяжении XVII в. не менялась (около 400 чел.), в XVIII в. она воз-

росла на 50 % и составила в конце XIX в. около 1 тыс. чел. Впервые полные сведения о численности калмаков имеются в данных 1805 г. — 429 чел., в 1897 г. — 688 чел. Общее количество томских татар в конце XIX в. — 2,2 тыс. чел. Кроме того, в 1897 г. в Томском Приобье проживало около 3 тыс. обских татар. В целом все тюркские группы, относившиеся в тот период к сибирским татарам, в конце XVII в. насчитывали около 16,5 тыс., в конце XVIII в. — свыше 28,5 тыс. и в конце XIX в. — свыше 47 тыс. чел.

Отметим, что в конце XVI — начале XVII в. в Западной Сибири численность сибирских бухарцев, слившихся позднее с сибирскими татарами, составляла 1,2 тыс., а в конце XIX в. — 11,5 тыс. чел., число поволжских и приуральских татар-переселенцев в Сибирь вплоть до 1860-х гг. росло медленно и было небольшим — даже в 1897 г. количество их возросло лишь до 14,4 тыс. чел. Чулымских тюрков до конца XIX в. было 4,8 тыс. чел.

По данным переписи населения 1926 г., сибирских татар насчитывалось 90 тыс., а всех татар (т.е. включая поволжско-приуральских переселенцев и их потомков) — 118,3 тыс. чел. В 1959 г. здесь жили 147,1 тыс. татар, из них 110 тыс. сибирских. В 1970 г. соотношение этих групп было 191,2 тыс. и 143 тыс. чел., в 1979 г. — 208 тыс. и 156 тыс. чел. и в 1989 г. — 225 тыс. и 170 тыс. чел. В настоящее время в Западной Сибири насчитывается около 240 тыс. татар, а сибирских среди них около 180 тыс. чел. Всего же в России, Казахстане и Средней Азии проживает примерно 200 тыс. сибирских татар, часть живет в Турции.

Этническая история сибирских татар в Русском государстве была непростой⁷. Это связано с огромной территорией расселения их в Западной Сибири, а значит разобщенностью, контактами со многими народами, разношерстным социальным составом и многими другими факторами. Постепенно стабилизировалась этническая территория сибирских татар, хотя отдельные их перемещения наблюдались в конце XVI—XX вв. Несмотря на возникновение отдельных территориальных разрывов, в составе Русского государства существовала все же довольно большая взаимосвязь тоболо-иртышских, бара-

бинских и томско-обских тюркоязычных групп, которая создавала возможность для их консолидации.

И все же в XVII—XVIII вв. они представляли собой, скорее, общность историко-этнографического характера, т.е. выделявшуюся по признакам близости языков и хозяйственно-культурного уклада, но не объединенную еще единым этническим самосознанием. Преобладало групповое этническое самосознание. Общими самоназваниями были термины «ясашные» (позднее «инородцы»), «мусульмане». Русские сразу называли местных тюрков татарами, но последние таковыми себя не считали. Но все же обращение к ним в форме «татары» постепенно закрепилось, и сами они тоже стали считать себя татарами. Усиление притока поволжских татар в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX в. привело сибирских татар к необходимости как-то отличать себя от пришельцев и к появлению названия *сибиртатарлар*. Особенностью этнических процессов было то, что при отсутствии из-за целого ряда факторов (главное из-за широкой их территориальной расселенности) условий для сложения сибирских татар как целого народа здесь все же имела место консолидация их в этнос. Относительно результатов этих процессов мнения ученых расходятся — одни считают, что сибирско-татарская народность сложилась, другие указывают на незавершенность этих процессов и приходят к выводу, что в конце XVIII — начале XX в. сибирские татары представляли собой метаэтническую общность, объекты которой осознали свою общность⁸. И все же, даже если процесс этногенетической консолидации не завершился, сибирские татары в конце XIX — начале XX в. представляли собой этническую общность, характеризовавшуюся близостью диалектов, общностью многих форм культуры и быта, религии (исламской), одинаковыми представлениями о «родине» формирования их народа (они связывают ее с тоболо-иртышским бассейном) и принадлежности к одному народу.

Поволжско-приуральские татары сыграли большую роль в этнической истории сибирских татар. Переселения татар из Европы в Сибирь начались по меньшей

мере с XVI в. До революции между пришлыми и местными татарами сначала возникала вражда, они селились в разных концах деревень. Условия для розни коренились в социальных причинах (борьба за пашни, покосы, пастбища и т.п.), а также в языковых и культурных различиях. Но постепенно стали заключаться браки между ними, развивались процессы языкового и культурного взаимовлияния. Сближению способствовали исламская религия и обучение части татар литературному татарскому языку. Сибирские татары до революции не вошли в буржуазную нацию поволжских татар, но процессы сближения их друг с другом стали проходить интенсивнее. В результате в конце XIX — начале XX в. сложилась общая для татар Поволжья, Приуралья и Сибири метаэтническая общность.

Этнические контакты сибирских татар с соседями имели своими результатами также частичную ассимиляцию их русскими (особенно туринских и обских татар), ассимиляцию части туринских татар манси, эуштинцев чулымцами, тобольских татар иртышскими хантами. В свою очередь с сибирскими татарами слилась часть поволжско-приуральских татар, башкир, каракалпаков, хантов, манси, селькупов, телеутов, чулымцев и др. В результате этнического взаимодействия между собой и с сибирскими татарами выходцы из Средней Азии и Казахстана — ираноязычные таджики — стали тюркоязычными, в Сибири формировались новые этнические группы, названные сибирскими бухарцами, которые сливались постепенно с сибирскими татарами, в XIX — начале XX в. они вошли в одну метаэтническую общность с сибирскими татарами, а в конце XIX — начале XX в. — в метаэтническую общность, включавшую в себя и татар Сибири, Поволжья и Приуралья.

С приходом русских в Сибирь, земледельческим и промышленным освоением этого края возникали, укреплялись и постепенно приобретали все большее значение связи с ними сибирских татар. В целом для сибирских татар были характерны гостеприимство и терпимость по отношению к окружающему населению немусульманской веры. С расширением контактов с русскими среди них распространялось двуязычие. Часть татарских детей

обучалась в русских школах. Татары и русские взаимно обогащали друг друга трудовыми навыками в сельском хозяйстве, охоте и рыболовстве, заимствовали отдельные культурные явления. Общинные связи татар и русских были настолько разнообразны, что фактически татары и русские в отдельных местах образовывали население как бы одной общины, как это было, например, с татарской деревней Юрт-Константиновской и русскими деревнями Константиновкой и Усть-Сосновкой, юртами Орскими и русской деревней Орско-Борский станец в Томском округе. Сибирские татары активно участвовали в ярмарочных гуляньях в русских селениях и городах, устраивали совместные праздники. Более интенсивно контактировали с русскими служилые татары и горожане. Образованные татары читали русскую литературу, посещали театры и иногда принимали участие в любительских спектаклях и концертах.

В советский период сибирские татары по этническому составу мало изменились — они по-прежнему состоят из трех групп: томская, барабинская и тоболо-иртышская. У барабинцев исчезло представление о делении их на группы и племена, сохраняются лишь в отдельных селениях знания о *тузумах* — генеалогических группах. Ослабли представления о делении на субэтнические группы, которые полностью не исчезли у тоболо-иртышских и томских татар. По мнению одних ученых, сибирские татары сегодня — это самостоятельный народ. Другие указывают на незавершенность их консолидации в единый этнос, считают, что сибирские татары представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшуюся этническую общность, близкую к народности. Сибирские бухарцы в советский период к середине XX в. окончательно вошли в состав сибирских татар.

Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся с первых десятилетий советской власти, способствовали тому, что сибирские татары прочно вошли в татарскую метаэтническую общность, видимо, как особая этническая. Этому способствовала и многие десятилетия существующая в школах система изучения литературного татарского языка.

В ряде селений томских и барабинских татар ситуация складывалась так, что при преобладании поволжских татар прослойка сибирских татар практически исчезла. Но переход татар Сибири на систему обучения в школах на русском языке в послевоенные десятилетия, прекращение преподавания в конце 1960-х — середине 1980-х гг. татарского языка способствовали оживлению местных татарских диалектов и говоров, образующих в совокупности сибирско-татарский язык, и опять-таки сохранению, а кое-где и углублению различий между поволжскими и сибирскими татарами. В Сибири поволжско-приуральские татары и их потомки, живущие в селениях сибирских татар, смешиваются с ними. Большая часть детей из таких национально-смешанных семей считают себя коренными сибирскими татарами. Но в целом у поволжско-приуральских и сибирских татар Западной Сибири укрепилось обозначение себя просто татарами, что свидетельствует о развитии процесса трансформации их метаэтнической общности в общетатарский этникос, хотя этот процесс, видимо, далек еще до завершения. Сибирские татары в большинстве этнических компонентов сохраняют по сравнению с поволжскими татарами значительное своеобразие.

В советский период постепенно углублялись процессы сближения сибирских татар с русским населением. Возросло количество межэтнических браков у татар Западной Сибири, в городах они достигают до 60—80 %, в сельской местности до 20—40 %. Полностью растворились среди русских группы туринских и обских татар, значительная часть калмаков, меньшая часть эуштинцев и небольшая часть барабинцев. В южных и центральных районах Западной Сибири по-прежнему происходят более общие процессы развития региональных традиционно-культурных общностей, в том числе южно-западно-сибирской региональной историко-этнографической общности тюркских народов и групп, но в современных условиях эти процессы не являются ведущими. Здесь, как и во многих других регионах нашей страны, общая интегрирующая тенденция в развитии культуры по-прежнему преобладает.

В советский период было осуществлено, как и всюду в нашей стране, преобразование хозяйства сибирских татар на коллективных началах в рамках командно-административной системы управления сельским хозяйством. В наше время сохраняется колхозная система, развивается сеть акционерных обществ; фермерских хозяйств у сибирских татар пока немного. На первый план в коллективных хозяйствах татар Западной Сибири окончательно выдвинулись мясомолочное животноводство, слаборазвитое до революции у некоторых групп, зерноводство (особенно в южных районах расселения) и в отдельных местах овощеводство, в прошлом не характерное для татарских селений. В последние десятилетия была создана сеть подобных предприятий и мастерских, все хозяйства были электрифицированы, проведены мелиоративные работы. Новым в овощеводстве стало выращивание ранних овощей в теплицах. Производственный цикл осуществляют комплексные либо специализированные бригады плотников, ремонтников и др., рыболовецкие артели.

Значительную часть посевной площади занимают зерновые культуры — пшеница, рожь, овес, кормовые — кукуруза, травы, в отдельных районах технические — лен, конопля, а также овощные культуры — картофель, капуста, лук, огурцы, морковь и др. В ряде хозяйств получают урожай пшеницы до 18—20 ц/га и выше. В животноводстве проводят работы по улучшению племенного состава крупного рогатого скота, в отдельных хозяйствах строят более усовершенствованные коровники, телятники. Надой молока в 3—3,5 тыс. л и выше на одну корову — обычное явление для многих ферм. Тем не менее во многих хозяйствах проблема повышения удоев фактически не решается, так же как и остро стоит вопрос о создании прочной кормовой базы. Основное место в рационе животных общественного стада занимают кукурузный силос и грубые корма.

Рыболовство как вид коллективного хозяйства во многих сибирско-татарских селах и деревнях исчезло. В томской группе оно сохраняло свое значение лишь в селении обских чатов Юрт-Акбалыке, у барабинцев — в д. Заречно-Убинской. Более широкое значение рыбная

ловля имеет в тоболо-иртышской группе, а у ясколбинских (заболотных) татар существуют рыболовецкие артели. За каждой из них закреплены рыболовные участки на озерах, на которых ставят невода фактически круглый год. Уважением здесь пользуются *башлыки* — старые опытные рыбаки. Рыбу засаливают на специальных пунктах и отправляют на рыбозавод в Тобольск.

В части колхозов и акционерных обществ татары работают в пасечном пчеловодстве, а также на птицефабриках. В лесных хозяйствах они заняты сбором ягод, грибов, кедровых орехов, березового сока. Почти на нет свелась роль охоты. Отдельные охотники-промысловики и реже коллективные хозяйства заключают договоры на сезон охоты с заготовительными конторами. По добыче пушнины есть среди татар свои мастера, но больше среди них тех, кто охотится от случая к случаю. Охота промысловиков на белку и колонка начинается в ноябре после выпадения снега, немного позже на лисицу, в основном с ружьем, на зайцев — петлями и на разных зверей — капканами.

В бюджете татарских семей доля дохода от работы в колхозах, артелях и акционерных обществах по-прежнему остается весомой, но растет и значение личного хозяйства семьи. Последнее складывается из приусадебного участка для огородов (до недавнего времени размер его не превышал 0,15—0,25 га земли), относительно небольшого количества скота (обычно одна-две коровы, один-два теленка, от двух до десяти овец) и птицы (куры, гуси, утки, реже индюки). В редких семьях держат лошадей. Излишки продуктов татары продают на рынках городов и поселков или сдают на приемные пункты в селениях. В 1970-х — середине 1980-х гг. количество домашнего скота во многих семьях уменьшалось, а некоторые семьи не держали его совсем (например, в томско-татарских деревнях в начале 1970-х гг. 34 % хозяйств не имели скота), но в последние годы стало увеличиваться число хозяйств, имеющих скотину.

Почти никакой роли не играет охота на мясного зверя. В основном охотятся индивидуально весной и ранней осенью на рябчика, в летне-осенний период на

утку, глухаря. Бóльшее значение имеет рыбная ловля, но далеко не во всех деревнях и селах. Рыбачат сетями, бреднями, фитилями, мордами и корчагами. Исчез за-порный способ ловли рыбы, не применяются остроги. Среди молодежи широко распространена рыбалка удоч-ками, закидушками. Многие жители занимаются соби-рательством ягод и грибов, которые консервируют для себя или сдают на заготовительные пункты.

Сохранились еще отдельные мастера, которые по за-казу могут сделать долбленную или дощатую лодку, лыжи, корзины, узорные наличники окон и карнизы для до-мов, сплести сеть и т.д. Продолжают бытовать в некото-рых деревнях отдельные виды домашнего производства — прядение, изготовление ковров, циновок, шитье одеж-ды. В д. Тармакуль Новосибирской области широко рас-пространено изготовление пуховых платков и шалей как для себя, так и на продажу.

Часть сельских татар работает у себя в селениях, создавая кооперативы и малые предприятия, или в со-

Работа на ручной мельнице тарских татар (Большеречинский район Омской области).

Станок для изготовления корзины томских татар (д. Юрт-Оры Колыванского района Новосибирской области).

седних рабочих поселках и городах на промышленных предприятиях и в учреждениях. Это усиливает процесс урбанизации татарского сельского населения. В ряде поселений татар имеются отдельные государственные промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья либо других профилей (сапого-валяльные фабрики и цеха, в пос. Моряковке Томской области стекольный завод и др.). Городские татары работают в качестве рабочих и инженеров заводов, фабрик, кооперативов, малых предприятий, служащих разных учреждений, врачей, преподавателей, ученых и т.д.

Социальный и профессиональный состав сибирских татар в советский период существенно изменился. Так, социально-профессиональные группы руководителей, специалистов, служащих, механизаторов, квалифицированных рабочих и колхозников охватывают среди барабинцев более 50 %, среди тоболо-иртышских — около 60 и среди томских татар — более 60 % всего сельского населения.

В основном у сибирских татар в XVIII — начале XX в. была малая семья (в среднем 5—6 чел.), хотя существовали еще кое-где и неразделенные (большие) семьи из трех-четырех поколений (15—30 чел.). Вся полнота влас-

ти сосредоточивалась у главы семьи, обычно им был старший мужчина — дед, отец, брат. Власть главы обеспечивалась его правом собственности почти на все имущество и мусульманскими устоями. Он определял внутренний распорядок, мог вмешиваться в личную жизнь взрослых членов семьи, имел решающее слово при выборе или жениха, или невесты и т.д.

Ослабление экономической зависимости членов семьи друг от друга и значения домашнего хозяйства в советское время привели к окончательному исчезновению формы нераздельной семьи. В настоящее время семья сибирских татар состоит из двух (реже из трех) поколений и насчитывает три—пять человек. Например, в томской группе семьи из двух человек составляют 15,7 %, из трех — 15,5, из четырех — 16,8, из пяти — 17,4, из шести — 11,5, из семи — 3,8, из восьми человек и более — 5,7, одиночками живут 13,6 %.

Изменились и взаимоотношения членов семьи. Понятие «глава семьи» существует в похозяйственных книгах сельсоветов (ныне администраций). Внутри же семьи оно стало иметь больше номинальное значение, в большинстве семей дела решаются сообща. Все имущество находится, как правило, в коллективной собственности. Денежные доходы чаще сосредоточиваются в руках женщины, она расходует их на продукты питания и предметы домашнего обихода по своему усмотрению. Вопрос же о необходимости приобретения каких-либо крупных и дорогостоящих вещей обсуждается обычно коллективно.

Коренным образом изменилось положение татарской женщины в семье и обществе. Навсегда исчезли случаи выдачи девушек замуж без их согласия. Отношения между супругами в молодых семьях строятся на основе любви, уважения друг друга, совместного воспитания детей. Многие женщины занимают руководящие посты, часть занята в сфере умственного труда. Уравнивание женщин с мужчинами в социальном плане привело к исчезновению их приниженого положения в прошлом в семье, хотя в отдельных случаях сохраняются порой пережитки в отношении к женщине. Изменения произошли и в положении молодежи в семье. Вместо беспрекословного

подчинения главе семьи существует лишь уважение к старшим. Молодежь самостоятельно выбирает себе дорогу в жизни, советуясь с родителями.

Еще одним видом социальной системы сибирских татар были религиозные институты. В период феодализма религиозная общность у многих народов заменила этническую или значила больше последней. Значительная часть сибирских татар приняла мусульманскую религию. Начальный этап исламизации местных тюрков падает на конец XIV в., но наиболее существенный шаг в этом направлении был сделан во времена Кучума. Тем не менее и тогда многие из сибирско-татарских групп оставались еще не обращенными в исламскую веру, основной формой религии у многих из них был шаманизм. Массовое распространение ислама среди барабинцев началось в 1720 г. (известно, правда, что и во времена Кучума отдельные князьки барабинских татар были мусульманами), а окончательно он утвердился у них в первой половине XIX в., хотя и в 1850-х гг. встречались еще барабинцы-немусульмане. Церковная организация мусульман Западной Сибири находилась в подчинении оренбургского муфтия и оренбургского духовного магометанского собрания. Во главе окружных церковных организаций мусульман стояли *ахуны*, мечетями руководили муллы, а помощниками их были *абызы* и *азанчеи*. В тех селениях, где муллы не было, его место занимал *абыз*. Церковные и школьные дела мусульман в округе были объединены и подведомственны *ахунам*. Возникшее в Томске в 1909 г. общество мусульман-прогрессистов фактически находилось под опекой местного духовенства.

Роль ислама в жизни сибирских татар была заметна. Мусульманская религия способствовала сближению разных групп. Под ее влиянием сибирские татары осознавали, что другие группы татар-мусульман являются «своими», правоверными. Соблюдение определенных бытовых правил, соответствующих шариату, укрепляло чувство единства среди сибирских татар.

В советский период наблюдались значительный отход татарского населения от религии и распространение атеистического мировоззрения. Ослабла роль мусульман-

ской религии, исчезли многие доисламские верования. Но среди части сибирских татар продолжают бытовать религиозные верования и бытовые суеверия. Сохраняется полуцерковная форма духовенства в селениях в виде «домашних мулл» — людей, умеющих читать молитвы и знающих коран. Сегодня, в период утверждения плюрализма мировоззрения, часть татар снова вернулась к исламу, активизировала свою деятельность и исламская церковь.

В последние десятилетия изменения в облике селений были связаны прежде всего с укрупнением их большинства. К этому привели переселения в них жителей почти 20 % исчезнувших мелких населенных пунктов сибирских татар, приток поволжских татар и русских, а также увеличение численности населения за счет естественного прироста. Исчезло много ветхих построек, появились новые дома и улицы. Около 90 % всех частных домов построено татарами в послевоенные годы. Это значительно изменило внешний облик деревень. В последние годы разворачивалось колхозное и совхозное строительство домов, в том числе кирпичных, в один—три этажа, с оборудованной кухней, водопроводом, канализацией, ванной, паровым отоплением. Перспектива увеличения в будущем удельного веса таких домов в условиях реформ практически исчезла. Внешний облик селений изменяется также благодаря новым постройкам общественного назначения (административные здания, школы, клубы, библиотеки, больницы или медпункты), создаваемым по типовым проектам. Производственные помещения стараются вынести за пределы поселков. Наметилась тенденция располагать общественные здания в центре или ближе к центру, который в некоторых деревнях образуется из небольшой площади и памятника воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Современные поселения почти все имеют прямую уличную планировку. Возросло количество зеленых насаждений: палисадники около домов, цветники. Кое-где сохраняются черты, характерные для прошлого времени — разбросанность усадеб, слабая озелененность, жердевые и плетневые заборы, выходящие на линию

улиц. Все сибирско-татарские селения электрифицированы, во многих из них над домами возвышаются телевизионные антенны. Новым было строительство столовых, детских дошкольных учреждений, парикмахерских, общественных бань, ателье, ремонтных мастерских.

В настоящее время у сибирских татар преобладают бревенчатые срубные дома. Окончательно исчезли примитивные формы жилищ — землянки и полуземлянки. У барабинских татар встречаются еще саманные и плетневые постройки. Основным типом домов по-прежнему является четырехстенный сруб, но он значительно увеличился в размерах. Возросло количество пятистенных домов. Общая площадь современных домов колеблется в пределах 36—64 м². Постоянным стало наличие у домов фундаментов, в основном деревянных, но нередко кирпичных, каменных и бетонных. Иногда и стены домов возводят из кирпича или шлакобетона. Популярна ошальевка бревенчатых стен небольшими досточками, выложенными в форме «елочки». У большинства домов стены внутри оштукатурены и побелены или покрыты обоями. Исчезают плоские крыши, более широкое распро-

Пятистенный дом томских татар (д. Юрт-Оры Колыванского района Новосибирской области).

Современный двухквартирный дом томских татар (д. Зимник Юргинского района Кемеровской области).

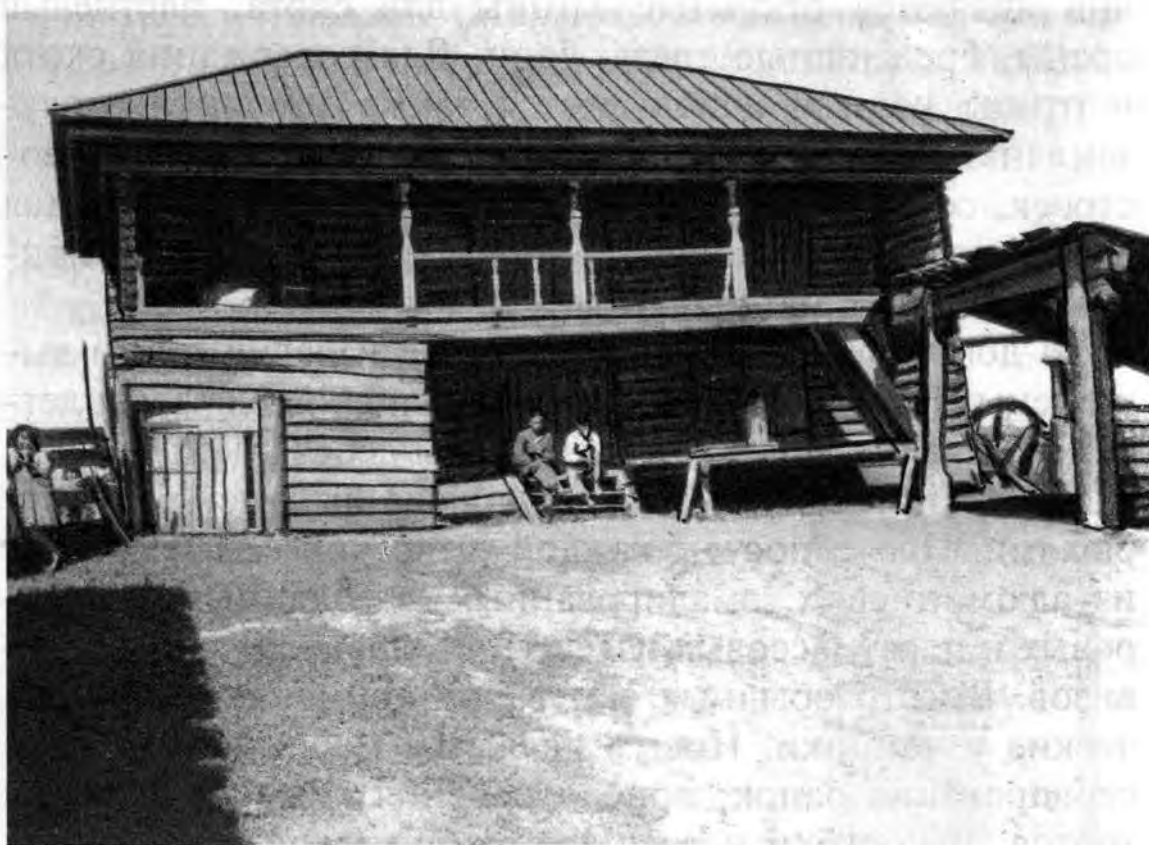
странение получают у барабинских татар двускатные, а у томских и тоболо-иртышских — четырехскатные стропильные крыши. Частично сохраняются самцовые перекрытия. Хотя дерево (а у барабинцев и дерн) продолжает широко применяться при сооружении крыш, его заменяют шифером и железом (их доля в домах томских татар доходит, например, до 70 %). Земляные и глинобитные полы окончательно вытеснены деревянными. Увеличилось количество окон и их размеры. Распространились застекленные веранды. Украшения с внешней стороны домов карнизами и наличниками окон с орнаментами стали частым явлением (до революции они чрезвычайно редко встречались у барабинских, ясколбинских и некоторых других групп татар). Вместе с тем нередко наблюдается упрощенность орнаментальных мотивов.

Внутри жилища увеличилось число комнат. Наиболее частое сочетание — кухня, гостевая и спальня. Традиционные печи-цувалы почти повсюду заменены русскими печами, современными плитами. Интерьер татарских домов значительно приблизился к городским образцам. Нары полностью не исчезли, но в подавляющем большинстве домов стоят кровати и диваны. Редко употребляют сейчас и низенькие столики для приема пищи. В

домах сибирских татар распространилась фабричная мебель — серванты, шифоньеры, книжные шкафы и др. На окнах в домах повешены тюлевые занавески, на дверях шторы. Часто можно увидеть радиоприемники (например, у томских татар в 69 % домов), телевизоры, холодильники. К новым украшениям комнат относятся репродукции с картин, барельефы писателей и композиторов, цветы, люстры и др.

В ряде населенных пунктов сохраняются традиционные черты во внутреннем интерьере домов, хотя и они видоизменяются. Нары уменьшились по размерам и служат в основном для отдыха на них днем (ночью спят на кроватях) и для принятия пищи. В последнем случае к ним либо придвигается стол обычных размеров, либо на нары ставятся низкие столики. В томской группе только 3,6 % опрошенных татар указали, что они едят, сидя на нарах с подогнутыми ногами. Нередко около кровати вешают занавески из ярких тканей, сохраняют сундуки для вещей, на них «горой» складывают постельные принадлежности. Табуретки, стулья и диваны покрывают специально сшитыми мозаикой из различных цветных полос подстилками и ковриками. Над кроватью, а иногда и в кухне около печки укрепляют горизонтально палки для развешивания одежды. Сохранение традиционных черт во внутреннем интерьере жилищ характерно для татар среднего и пожилого возраста, но изредка оно встречается и в семьях татар молодого поколения.

Число хозяйственных построек в усадьбе сократилось. Располагаются они по территории разбросанно, что характерно было и для усадеб XIX — начала XX в. Встречаются крытые дворы, деление усадеб на передний и задний дворы, но количество их явно уменьшилось. Чаще строят дворы открытыми, стремясь сохранить зеленую полянку в центре либо сбоку, иногда разбивают цветники, от калитки к крыльцу устраивают дощатые или бетонированные дорожки. В усадьбах почти полностью исчезли амбары, что связано в первую очередь с отсутствием необходимости хранения в них хлебных запасов. Сократилось и число сараев. Наиболее распространенными видами хозяйственных построек в наши

Старинный амбар тюменских татар (МАЭ, кол. № И 1304 96,
фото В.В. Храмовой).

Оран томских татар-калмаков (д. Зимник Юргинского района
Кемеровской области).

дни являются открытые загоны для скота, плетневые ораны, бревенчатые хлева, бани. Для содержания скота и птицы кое-где используются также землянки, полуземлянки и мазанки. В целом типы хозяйственных построек, сохранившие значение в наши дни, улучшаются в качественном отношении, при строительстве их применяют новые материалы.

В домашней утвари самодельные изделия почти вытеснены. Наряду с люльками появились кроватки и детские коляски. Исчезли многие виды деревянной посуды. Изредка употребляют котлы, но чаще их заменяют кастрюлями. Набор посуды каждой татарской семьи состоит из алюминиевых, эмалированных, стеклянных, фарфоровых и пластмассовых изделий, столовых и чайных сервизов. Вместо обычных самоваров применяют электрические и чайники. Новым являются машинки для консервирования банок, приспособления для изготовления тортов, мясорубки и т.п. Из старой утвари встречаются кринки, деревянные чары, корытца, туеса, корзины.

Изменения в средствах передвижения связаны в основном с появлением современных видов транспорта. Сибирские татары пользуются чаще всего автобусами (их маршруты проходят почти через все сибирско-татарские селения), летом плавают на катерах, теплоходах, скоростных судах «Метеор» и «Ракета». При дальних поездках пользуются железнодорожным и авиатранспортом. Во многих колхозах и совхозах перевозят людей на работу автомобильным транспортом. В то же время во многих татарских семьях появились автомобили, мотоциклы, велосипеды.

Очень сильно за последние десятилетия сократил свое значение тележно-санный транспорт. В коллективных хозяйствах он применяется в основном при подсобных работах, не играет большой роли и в личных хозяйствах татар. И хотя у сибирских татар сохранилась любовь к верховой езде, лошадь используют довольно редко — в основном для пастбы скота, иногда для поездки куда-либо. Татары обучают своих детей верховой езде. На народных праздниках скачки на лошадях являются их самым любимым видом развлечения. Запряженных в сани

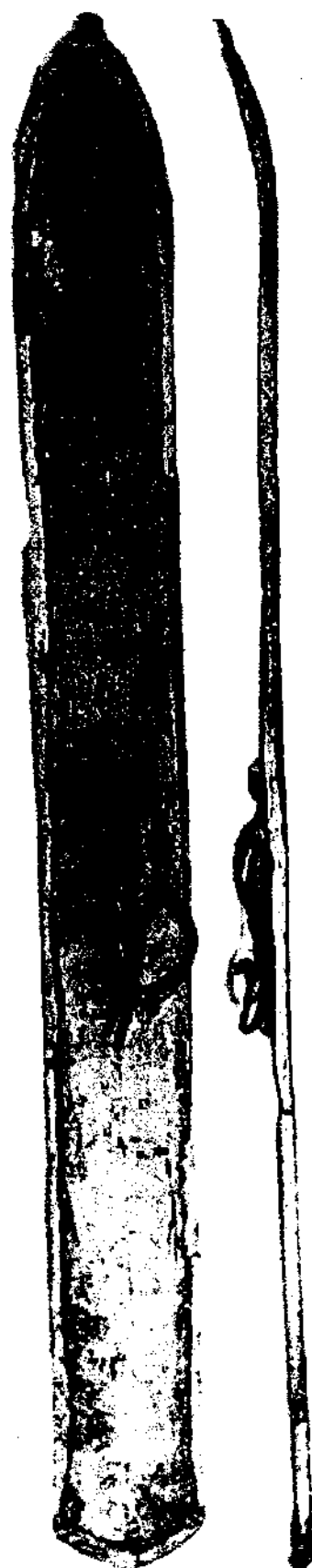
или телегу лошадей татары часто используют при проведении свадеб. В личном хозяйстве некоторых татарских семей применяют для перевозки груза небольшие ручные тележки и санки.

Лодки в наше время во многих деревнях сибирских татар используют в занятиях рыболовством, охотой, собирательством, в поездках на сенокосные участки. Наряду с дощатыми используются остроконечные долбленые лодки. Колодообразные лодки сохраняются у ялаторовских татар.

Почти полностью исчезли подшитые лыжи, их имеют лишь некоторые охотники. Калмаки в томской группе для их изготовления иногда используют покупные лыжи и крепления. Чаще применяются лыжи-голицы, охотники делают их сами. Почти совсем не изготавливаются сейчас местным населением ручные нарты.

С экономическим развитием районов расселения сибирских татар неизмеримо выросла роль современных технических видов транспорта. С появлением лодочных моторов их устанавливают не только на дощатых лодках (или дюралюминиевых), но иногда и на долбленках, которые для этого делают более широкими и больших размеров, а корма у них в этом случае несколько обрезается по прямой линии для установки мотора.

В одежде, головных уборах и обуви сибирских татар, в составе

Лыжи-подволоки сибирских татар.

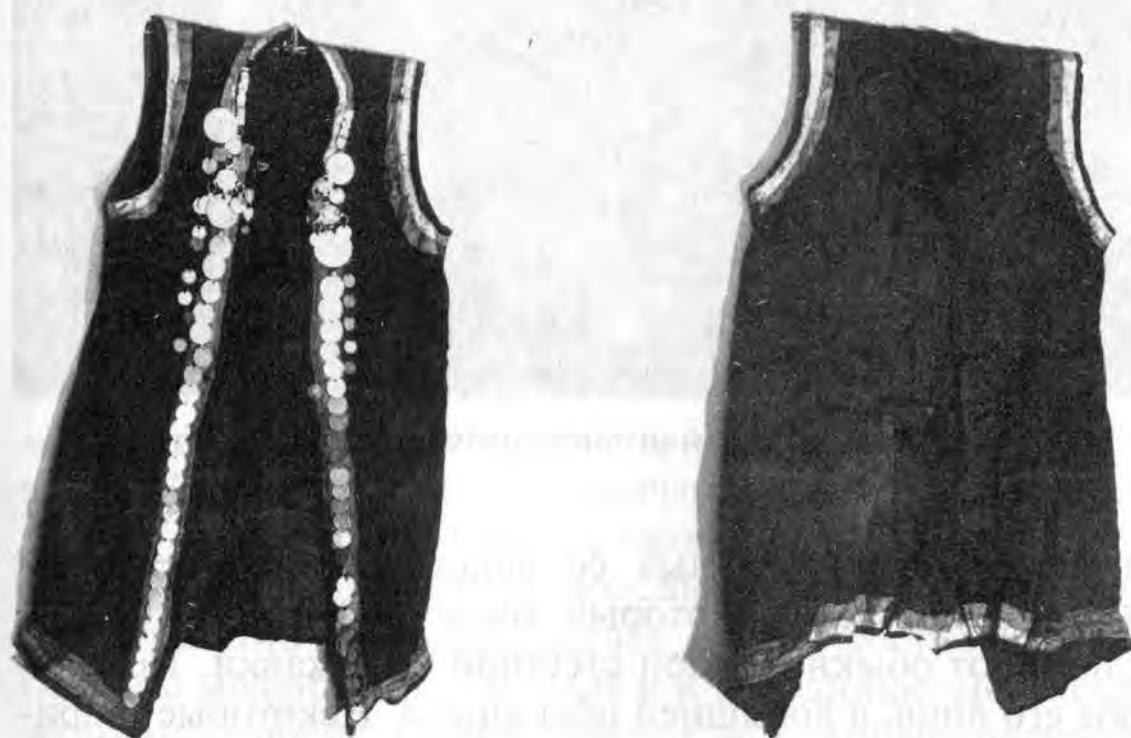
Дощатая и долбленая (на переднем плане) лодки томских татар (д. Юрт-Оры Колыванского района Новосибирской области).

тканей, используемых для шитья одежды, произошли перемены. Резко уменьшилась доля одежды, шьют которую дома. Основная часть одежды покупается жителями сибирско-татарских деревень в готовом виде или шьется по заказу в ателье и пошивочных мастерских. Все это привело к тому, что подавляющее большинство татарского населения носит одежду городского типа. Даже обрядовая одежда в основном составляется из покупных видов. Часть одежды татарские женщины изготавливают и сами. Во многих семьях (в томской группе в 55 % семей) имеются швейные машины, которые употребляются большинством для ремонта одежды. Производством домашних тканей сейчас почти никто не занимается. Чаще всего в домашних условиях шьют легкие платья, халаты, камзолы, юбки, сарафаны, белье, реже верхнюю одежду, головные уборы, а обувь практически вся покупается, за исключением редких случаев пошива *ичегов* и легких домашних тапочек.

Быстро исчезает национальная специфика одежды сибирских татар. Многие ее виды можно встретить лишь в сундуках или на чердаках. Почти полностью исчезли рубахи старинного покроя, *бешметы*, *казакины*, традиционные шубы, халаты *чапан*, *калфаки*, шапки *тагыя*, кожаные галоши и др. Старинная терминология одежды

частично перенесена на сравнительно новые виды одежды, хотя употребляется много русских терминов. Так, например, термин «камзол» широко применяется и по отношению к плюшевому жилету, который многие татары считают национальной одеждой.

Подавляющее большинство татар даже не видит отличий своей одежды от одежды окружающего русского населения. Национальная специфика больше сохраняется у татар среднего и пожилого возраста, а среди них — у женщин. Что касается групп сибирских татар, то больше традиционных черт наблюдается у барабинцев. Некоторые татарки считают своей национальной одеждой рубашки на кокетке, которые шьются в основном по крою современных платьев. Сохраняются в употреблении в некоторых деревнях женские нагрудники *кукрякча*, верхние штаны с широким шагом тюркского типа. Но последние чаще заменяются обыкновенными спортивными шароварами или брюками. В некоторых семьях верующих татар шьют шаровары для девочек и заставляют их носить даже в самую жаркую погоду. Пожилые татарки носят иногда камзолы, плюшевые жилеты. В мужской

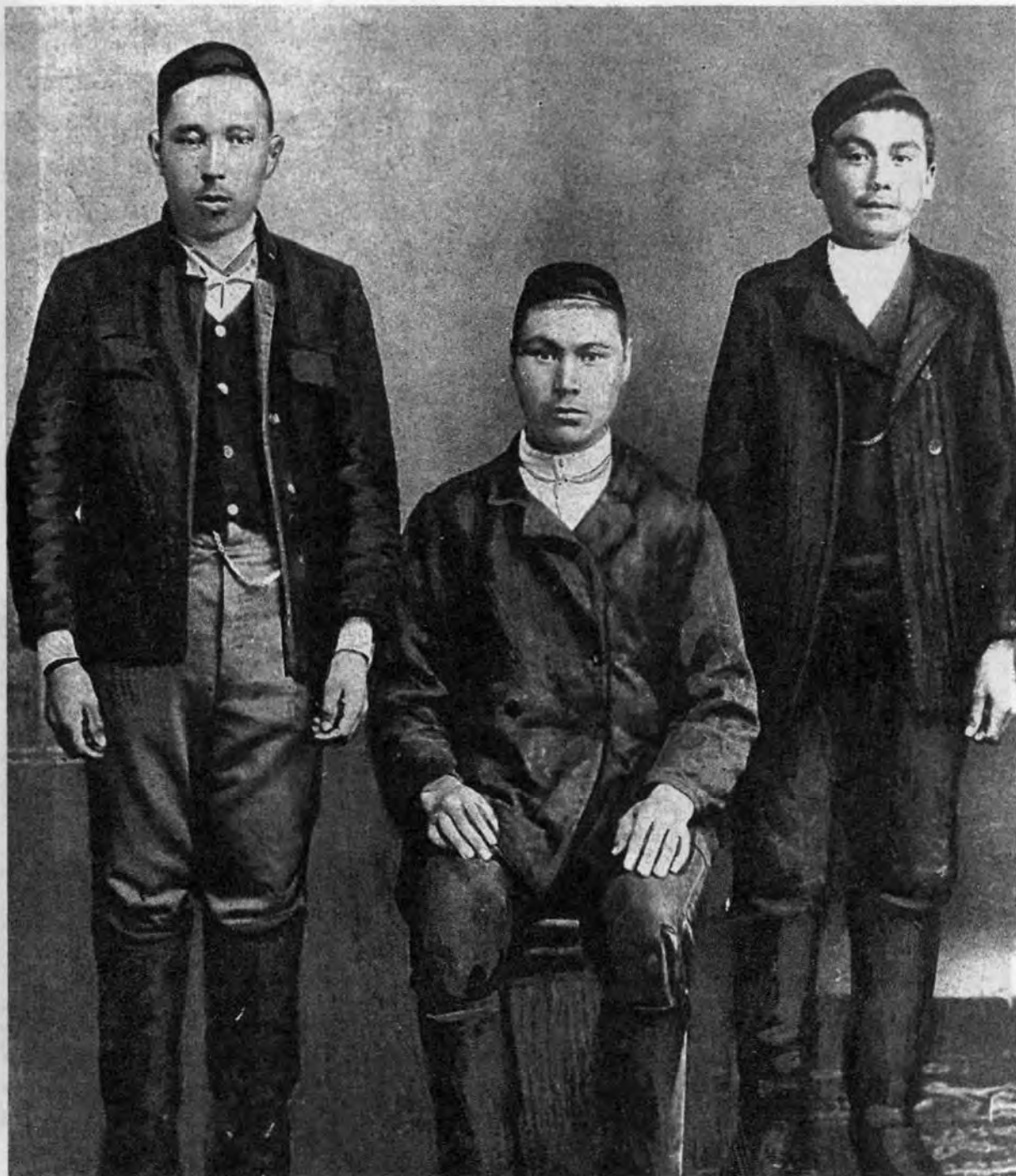
Женский камзол барабинских татар, вид спереди и сзади (аул Ом Куйбышевского района Новосибирской области).

Томская татарка в национальном головном уборе.

одежде из национальных ее видов в томской группе сохранился *сырмак*, который имеет сейчас небольшие отличия от обыкновенной стеганой безрукавки. Используют его лишь в домашней обстановке. Некоторые старики носят широкие штаны домашнего пошива.

Из традиционных головных уборов мужчины часто надевают тюбетейки, которые, как и в прошлом, под-

Тарские татары в середине первой половины XX в.

разделяются на два вида: тюбетейки полусферические и конусообразные и тюбетейки в виде сильно усеченного конуса (*каляпуш*). Но если первый тип, по покрою идентичный среднеазиатским тюбетейкам, находит иногда распространение и среди молодых мужчин, то *каляпуш* носят обычно старики, надевая их при сборах на религиозные моления, на свадьбы и в праздники. Девушки и женщины любят носить платки и длинные цветастые шали (иногда с кистями). Старинный способ подвязывания их двумя концами под подбородком и расправления

Женские туфли томских татар (МАЭ, кол. № 313 108).

Томские татары в современной одежде.

на спине соблюдают лишь старые женщины. Обычно короткие платки подвязывают на затылке, а длинные оборачивают вокруг головы и перекидывают конец через плечо. Изредка можно увидеть старушку с головной повязкой (*сарауц*). Из обуви сохранились в употреблении национальные *ичиги*. Они обычно однотонные, часто шьются по покрою обычных сапог. Носят их дома и с галошами на дворе, чаще женщины, но иногда и мужчины (старики надевают их во время праздников).

Для женской одежды и обуви в целом характерно уменьшение различных украшений. В качестве специальных украшений встречаются браслеты, серьги, бусы, покупные ожерелья, броши, кольца. Любовь к такого рода украшениям типична для сибирских татарок.

Национальная татарская одежда используется участниками художественной самодеятельности некоторых деревень и городов, особенно при исполнении на сцене национальных танцев. Иногда такая одежда шьется по заказу какой-нибудь местной старушкой. Набор женской национальной одежды для сцены состоит из умеренно длинного платья, камзола, сапожек (обычно замшевых) и головного убора (*калфака*). Все они обязательно украшаются бисером, бусами, вышивками, кусочками цветной кожи, лентами. Девушки для выступления заплетают волосы в две-три косы, вплетают в них шнурки с навешанными монетами, на руки надевают браслеты.

В последние десятилетия в питании сибирских татар расширился ассортимент продуктов и пищевых блюд, в частности, увеличилось потребление овощей, мяса и мучных изделий. Часть продуктов покупается в магазинах. С понижением роли охоты и рыболовства сократилось применение в пищу дичи и рыбы. Некоторые хозяйства имеют пасеки, едят и продают мед. Многие хозяйки, стремясь разнообразить пищу, используют книги по кулинарии. Изготавливаются на дому — масло, сыр, творог, колбасы, крупы, лапша и другие продукты. Среди татар распространились новые методы приготовления пищи — паровые мясные и рыбные блюда, консервирование овощей, заготовка варенья и т.п. Некоторые старые обычаи, связанные с пищей, уходят в прошлое.

Татары стали употреблять в пищу свиную колбасу, а многие и свиное мясо. Не соблюдается обычай раскладывания мяса по кускам в зависимости от почетности гостей. Некоторые блюда, которые вынуждены были готовить в связи с низким уровнем экономического развития и отсталым образом жизни в прошлом, сейчас вышли из употребления. Почти не соблюдаются и мусульманские посты. Новым является организация общественного питания в сельской местности. Во многих поселениях действуют столовые, во время летних работ общественное питание устраивается на полевых станах.

В то же время в питании сибирских татар сохранилось больше традиционных черт, чем в других областях материальной культуры. По-прежнему наиболее любимыми видами кушаний остаются мясные, приготовленные из баранины и конины, в том числе и вяленое мясо. Из первых блюд чаще всего традиционную *шурпу* (суп), заправленную домашней либо покупной лапшой, готовят на мясном бульоне. Некоторые барабинцы до сих пор делают *талкан* и *кумыс*. Широко распространено изготовление плова. Сохраняются многие национальные блюда из теста — *баурсаки*, *балиши*, *парамечи* и др. Практически все татары Западной Сибири знакомы с национальной кухней — традиционные блюда готовят в семьях более 75 % опрошенного в 1989—1991 гг. татарского населения. Национальные черты в питании органически вошли в обрядовую систему праздничных семейных и общественных событий. Разница в питании между отдельными группами населения значительно уменьшилась, любимые национальные кушанья стали доступны всем.

Существенные изменения в последние десятилетия произошли в семейных обрядах — родильном, наречения имени, свадебном, похоронном и поминальном. Поскольку роды теперь принимают в родильных домах (или отделениях) под наблюдением врачей, исчезли обряды, связанные в прошлом с рождением ребенка (приглашение повитухи, совершение священного омовения, обмазывание губ ребенка пищей из смеси меда и масла, набрасывание на него рубашки отца, борьба со «злыми духами», со сглазом и т.п.). В честь новорожденного про-

водится праздничное угощение, имеющее характер домашнего торжества. Акт регистрации ребенка принимает порой форму праздничного поздравления, иногда в торжественной обстановке в присутствии представителей от общественности в сельсовете вручают подарки. Родители обычно сами выбирают имя ребенку. Религиозный обряд наречения имени проводится, но в ряде селений довольно редко. Совсем не устраивается ныне *биже туге* — праздник колыбели. Чаше отмечается *бала туге* — праздник детей, но в целом и он стал редким явлением. Большая часть сибирских татар в основном не совершает обряд обрезания, хотя многие сохранили положительное отношение к нему.

В последние десятилетия появились некоторые новые виды семейных торжеств — празднование дней рождения (в прошлом это было совершенно не характерно для сибирских татар), совершеннолетия подростков в связи с получением ими паспортов.

В свадебной обрядности в последние десятилетия появились новые черты. Исчезли браки через насильственное умыкание невесты. Сватовство имеет ограниченный характер — нередко его просто разыгрывают как представление. В большинстве татарских селений становится неактуальной выплата калыма. Сократилась и этапность свадьбы. Наиболее распространена свадьба с соблюдением тех или иных национальных традиций безрелигиозного содержания. Браки заключаются только по обоюдному желанию вступающих в брак. Свадьба, как правило, совпадает с гражданской регистрацией брака в сельсовете или загсе. Часто устраивают поезд из запряженных коней, украшенных цветами или бубенцами, и легковых машин с цветами или лентами.

Обычно сохраняется традиционный порядок — один или два дня празднуют в доме родителей невесты, затем торжество продолжается в доме жениха. Новобрачных проводят на коврик, преподносят мед, перемешанный с маслом, и обсыпают семечками и конфетами. Заходящих в дом гостей угощают *щербетом* — напитком из воды, сахара и меда. При передаче приданого иногда устраивается шуточная борьба за него между сторонами

Группа родственников невесты, прибывшая в деревню жениха (д. Тохтамышево Томского района Томской области).

жениха и невесты. Часто на свадьбах присутствуют приглашенные русские соседи и друзья. В некоторых районах подается свадебный пирог (*чакчак*), соблюдается обычай одаривания со стороны того, кому он поднесен. За свадебным столом поют русские и татарские песни, в том числе и шуточные свадебные, танцуют и пляшут. Около полуночи устраивают проводы молодых в брачную комнату. Никаких обычаев, унижавших в прошлом достоинство невесты, при этом не соблюдается, часто такие проводы вообще не устраиваются. Новое явление и теперь не такое уж редкое — когда кто-либо из новобрачных относится к другой национальности, чаще русской. Процесс унификации свадебной обрядности приводит к тому, что свадьба принимает характер семейно-товарищеского торжества. Ряд свадеб проходит с соблюдением религиозного обряда бракосочетания (*никах*). При этом гораздо чаще этот обряд совершается по настоянию родителей либо дедушек и бабушек, реже по желанию невесты и жениха. При совершении религиозного обряда молодые люди часто вообще не присутствуют, а находятся в это время среди молодежи, *никах* же актуален лишь для старшего поколения.

Новое явление для сибирско-татарских деревень, участвовавшее под влиянием русского населения, — празднование серебряных и золотых свадеб. На них собираются взрослые дети, родственники, друзья и соседи.

На современном этапе в целом погребальный обряд сибирских татар во многом сохраняет черты, сложившиеся в XVIII—XIX вв. на основе синтеза местных домусульманских и принесенных через бухарцев и поволжских татар, связанных с влиянием ислама похоронных явлений. Изменения, происшедшие в семейных обрядах в советский период, меньше всего коснулись погребального обряда сибирских татар. В последние десятилетия в качестве нового вида захоронений появились гражданские похороны, но случаи такие нечасты. Некоторые татары в смешанных русско-татарских селениях и в городах под влиянием русских отмечают родительский день: посещают кладбище, устраивают около могил угощение и распитие алкогольных напитков. Новые черты возникают в погребальных обрядах, когда покойник имел смешанное в этническом плане происхождение и в похоронах участвуют люди разных национальностей.

Сруб на могиле тарских татар (д. Чеплярово Тарского района Омской области).

Из элементов общественного быта сохраняет свое значение обычай взаимопомощи среди татар некоторых деревень (при строительстве домов, хозяйственных построек, в несчастных случаях и т.п.).

Широко отмечают сибирские татары праздник Нового года, а также День животновода, Праздник урожая. Значительно распространено (хотя и не повсюду) празднование татарского народного праздника *сабантуя*. В нем появилось немало новых черт — подведение итогов весенних работ, награждение ударников труда, выступления участников художественной самодеятельности, песни, танцы. Наряду с традиционными видами состязаний и увеселений (конные скачки, спортивная борьба, бои на спортивном бревне с набитыми соломой мешками, бега, прыжки в длину и высоту, лазание по столбу за призом, перетягивание друг друга за палку и др.) появились и новые спортивные игры и аттракционы (мото- и велогонки, метание гранат, поднятие гирь, волейбол, футбол и др.).

Праздники религиозного содержания (*курбан байрам*, *ураза байрам*, *маулет* и др.) возрождают у сибирских татар свой всеобщий характер, хотя часть сибирских татар их не отмечают. Не совершаются и характерные для дореволюционного времени жертвоприношения при засухе, несчастных случаях, заболеваниях. Изредка в жертву приносят животных и домашних птиц лишь при поминании покойников.

Сибирские татары располагают богатым наследием различных жанров фольклора. К ним относятся разные сказания и исторические предания о тех или иных исторических событиях и личностях; фантастические и бытовые сказки; пословицы, поговорки, отличающиеся лаконичностью, меткостью; остроумные загадки; лирические песни и *байты* (*беиты*). Наиболее распространенным видом устного народного творчества издавна были народные песни. Это в основном четверостишия (*кыска ерлар*), в которых отражались думы и чаяния людей. Эти песни имеют разнообразный характер (веселый, печальный). Среди песен сибирских татар встречаются и сюжетные, зародившиеся среди отходников и лиц, занимав-

шихся извозом, а также короткие песни юмористического содержания.

В музыке сибирских татар специалисты обнаруживают коренные сибирские, казанские и мишарские традиции, а также черты, связывающие музыку сибирских татар с казахской и узбекской. Песни сибирских татар характеризуются «...диатоничностью, широкими мелодическими интонациями, суровостью общего колорита»⁹. Их исполнение сопровождалось игрой на народных музыкальных инструментах, к которым относятся *куррай* — деревянная дудка, *кобыз* — язычковый инструмент из металлической пластины, бубен — ударный инструмент, двуструнный смычковый инструмент из дерева, вытесненный затем скрипкой, гармоника. В советское время в сибирско-татарских селениях кое-где возникли оркестры и ансамбли народных инструментов. Славился оркестр в ауле Тебисс Чановского района Новосибирской области. В наши дни сибирские татары исполняют народную музыку на *кобызах*, гармониках (зовут их татарскими) и скрипках. На *кобызах* и гармониках играют и женщины. Широкое распространение получили также баяны, аккордеоны, гитары.

Танцевальное искусство, занимавшее важное место в духовной жизни сибирских татар, только начинает привлекать внимание ученых — собраны первые материалы по танцам барабинских и тарских татар¹⁰. По темпу исполнения они бывают медленными и напористыми, кадрильными с переплясом. Все же более быстрый темп характерен для тарско-татарских танцев. Танцы двух групп татар сопровождаются музыкой из песенных или частушечных исполнений группами людей или солистами, а также звуками народных инструментов. Народные танцы бытуют на свадьбах, гуляньях молодежи, национальных праздниках.

В городах и селениях Западной Сибири действует немало коллективов татарской художественной самодеятельности. Многие из них пользуются популярностью среди татарского населения. Так, в Томске долгие годы существовал народный татарский хор под руководством Э.Ш. Зинатова, который в своих концертах широко ис-

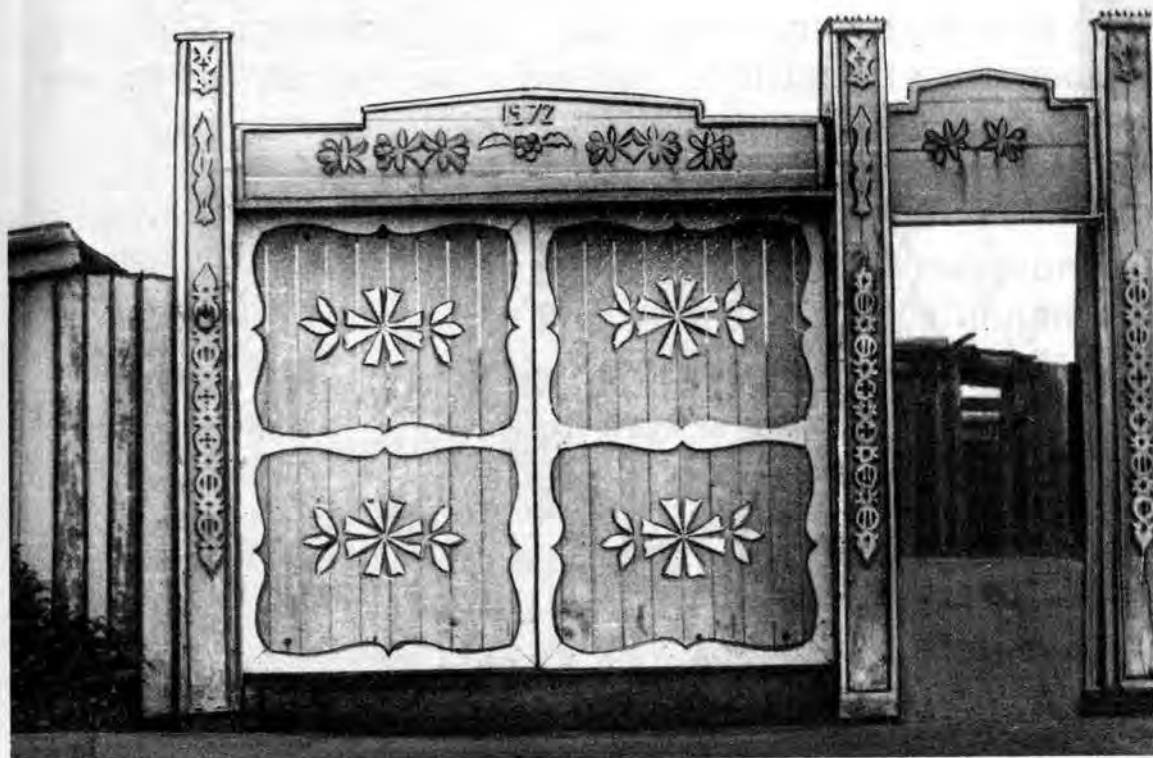

Хороводный танец в исполнении ансамбля «Кошкуль хозлары»
(аул Кошкуль Чановского района Новосибирской области).

пользовал песни и танцы сибирских татар. В Новосибирске имеется татарский драматический кружок. Коллективы татарской художественной самодеятельности действуют также в Омске, Тюмени и Тобольске. Большую популярность приобрел драматический кружок Тобольского педагогического училища. Нередко с концертными программами в Западную Сибирь приезжают артисты из Татарии, которых встречают здесь очень тепло.

В советский и постсоветский период самодельные изделия: одежда, обувь, головные уборы, деревянная и берестяная утварь — вытесняются покупными. В связи с этим почти прекратила свое существование и орнаментация этих изделий. В то же время продолжает развиваться искусство декора в украшениях домов, в вышивке салфеток, скатертей, изредка оно проявляется при украшении сделанных из латуни браслетов.

Если в прошлом не все сибирские татары украшали дома орнаментами, то теперь более половины всех домов томских татар украшены резьбой по дереву. Такого рода орнаментация меньше распространена по сравнению с другими группами сибирских татар у барабинцев.

Украшение ворот у томских татар.

Помимо выпильной и выемчатой резьбы они используют и метод накладного узора. Сам орнамент подвергся изменениям, но сохранил в себе много и традиционного. Мотивы, связанные с современной действительностью, включают в себя фигуры пятиконечных звезд, птиц с распростертыми крыльями (мотив «буревестника») и др. В традиционных орнаментах вместе с их более широким распространением наблюдается и некоторая упрощенность композиции (нередко орнамент состоит из нескольких прибитых полосок, ромбиков, прямоугольников — розеток), хотя по-прежнему встречаются сложные виды. Часто узоры покрывают красками различных цветов, а также и ставни.

Из других украшений домов распространились ошалежка и покраска углов домов.

Татарские женщины предпочитают вышивать сейчас гладью, хотя применяют и тамбурный свободный шов. В вышивке чаще всего используют растительные мотивы, новое в ней — изображение сюжетов с человеческими фигурами. Техника аппликации из кусков тканей также широко применяется, особенно при шитье ковров, по-

Тканое полотенце с кружевами тарских татар.

крывал, женских нагрудников. Фактически исчезло изготовление ковров из войлока с нанесенными яркой краской узорами, но сохранилось производство ковров из разноцветных шерстяных нитей. Для их украшения используют линейный мотив и растительный орнамент в виде сложной розетки.

В системе образования первые 30 лет советского периода во всех татарских деревнях Западной Сибири действовали школы, в которых обучали на татарском языке. Такие же школы были в Таре, Тобольске, Тюмени, Томске и др. Существовали и татарские педагогические училища (в Томске, Тюмени, Тобольске и др.). Некоторые сибирские татары получили педагогическое образование в Казани, Свердловске. В 1920-х гг. сфера литературного татарского языка расширилась с ликвидацией неграмотности среди взрослого населения. Делопроизводство было переведено на татарский язык. В Сибири в те годы выходили газеты на татарском языке, в городах и селениях открывались библиотеки, имевшие и литературу на татарском языке. Результатом всего этого было то, что и сибирские татары восприняли литературный татарский язык, хотя он отличается до сих пор от местных татарских диалектов и не стал для коренных татар общеразговорным. Все же благодаря языку казанских татар сибирские татары восприняли профессиональную духовную культуру поволжских татар.

В последующие десятилетия увеличение значения русского языка, реальная возможность путем его владения повысить уровень образования приводили к отказу сибирских татар от обучения детей на татарском языке. Этому, конечно же, способствовала и идеологическая политика того времени, направленная на нивелирование национальных особенностей и провозглашавшая всеобщее сближение народов СССР. Начиная с конца 1940-х гг. и на протяжении последующих десятилетий, обучение в большинстве школ татарских селений было переведено на русский язык. В первой половине 1980-х гг. резко уменьшилось число школ, где преподавался татарский язык в качестве предмета, даже в Омской и Тюменской областях. Совсем таких школ не стало в Новосибирской и Томской областях.

Перестройка советского общества, начавшаяся в середине 1980-х гг., обнажила значительную неудовлетворенность национально-языковых и национально-культурных потребностей населения нашей страны. Среди татар Западной Сибири растет национальное самосознание. Это приводит к необходимости пересмотра национально-языковой политики в системе образования и всей культуры татарского населения Сибирского региона. В томской группе татар в ряде сельских школ (деревни Черная Речка, Тохтамышево, Барабинка, Эушта, Ново-Исламбуль и др.) и в средней школе № 10 Томска ведется изучение татарского языка, а кое-где и отдельные предметы преподаются на этом языке. В Томском университете обучается группа студентов, изучающая татарский язык и татарскую литературу.

В Омской и Тюменской областях сейчас интенсивно проходит процесс возрождения изучения татарского языка в качестве родного (в ряде школ он изучался и до этого). В 1989 г. в двух областях насчитывалось уже более 100 таких школ. В некоторых школах Тюменской области в татарских селениях ряд учебных дисциплин преподается на татарском языке. Эта проблема актуальна также для Омской области, где пока таких школ нет. Сейчас около 80 % опрошенных татар Омского Прииртышья считают, что преподавать язык своей национальности в школах нужно (в 1976 г. так ответили 69,8 %). Многие считают, что в средних и старших классах необходимо изучать и татарскую литературу. В 1998 г. 44,5 % опрошенных пожелали, чтобы в начальных классах их дети учились на татарском языке. В 1976 г. так считали лишь 30 % мужчин и 13 % женщин.

Для конкретизации этноязыковой ситуации приведем некоторые данные более позднего опроса, проведенного сотрудниками Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, сотрудниками и студентами ОмГУ в 1991 г., среди татар Барабинской степи в Новосибирской области (690 чел.) и части тоболо-иртышских татар, проживающих в Тюменской области (1488 чел.).

В опросном листе группа вопросов затрагивала эту тему: «Какой язык считаете родным?», «В какой степени владеете языками народов СССР?», «Как Вы считаете, нужно ли преподавать детям в школе язык Вашей национальности?», «В какой школе Вы хотели бы учить своих детей?» (имеется в виду в русской или татарской), «Ваше образование и на каком языке Вы его получили?», «На каком языке Вы предпочитаете смотреть самодеятельные спектакли, концерты?», «Какие газеты и журналы на языке своей национальности Вы знаете и читаете?», «Как Вы используете языки народов СССР, которыми владеете?», «На каких языках народов СССР Вы обычно читаете?» (с вариантами изданий прессы и разных видов литературы).

Результаты нашего исследования в сельской местности свидетельствуют, что 99 % барабинских и 93,0 % тоболо-иртышских татар назвали родным языком татарский. В связи с этим можно с полной уверенностью говорить об очень высокой степени языковой самоидентификации татарского населения указанных регионов. В то же время свободно владеют (т.е. не только говорят, но читают и пишут) лишь 29,3 % барабинцев и 72,1 % татар Тюменской области. Значительная разница объясняется тем, что прекращение преподавания татарского языка в школах селений барабинских татар произошло намного раньше. Кроме того, необходимо отметить, что письменный и разговорный языки у сибирских татар имеют разное происхождение. Письменный язык — это официальный литературный язык поволжских татар. Собственно родной язык — это устная речь. Поэтому число свободно владеющих им можно увеличить за счет тех, кто хорошо говорит на нем. Общая численность таковых соответственно составит 59 % у барабинских и 79,8 % у тоболо-иртышских татар.

Русским же языком свободно владеют 90 % барабинцев (9,5 % говорят на нем) и 85,4 % татар Тюменской области (4,8 % говорят на нем, но не читают и не пишут). Сопоставив количество участников опроса, считающих татарский язык родным, и общую сумму свободно им владеющих, и сравнив эти цифры с данными о

количестве свободно владеющих русским языком, можно отметить, что в сфере взаимодействия русского и татарского языков в реальной речевой практике значение имеет первый.

Для народов и национальных групп, существующих столь длительное время в инонациональной среде, неизбежно проникновение чужого языка, элементов культуры и быта других народов в сферу их жизнедеятельности. Сибирские татары испытали на себе такое влияние со стороны русских. Особенно четко иллюстрируют этот тезис данные об использовании языков народов нашей страны, которыми владеют опрошенные нами татары (табл. 6.1 и 6.2).

Приведенные данные показывают, что русский язык очень мало используется во внутрисемейном и значительно больше во внесемейном общении. В то же время степень употребления татарского языка в устном внутри- и внесемейном общении достаточно высока. Исключение составляет лишь переписка с родными в группе барабинских татар, где русскому языку отдано бесспорное первенство.

Анализируя использование русского и татарского (литературного казанского) языков при чтении литературы различных направлений, можно констатировать, что русскому языку принадлежат здесь также главные позиции. Так, 78,8 % опрошенных барабинцев и 88,8 % тоболо-иртышских татар читают газеты и журналы на рус-

Таблица 6.1

Использование русского и татарского языков барабинскими и тоболо-иртышскими татарами в различных сферах жизнедеятельности, % от 690 опрошенных в барабинской и от 1488 — в тоболо-иртышской группах

Язык	Общение					Переписка с родными
	С родителями	С супругом(ой)	С детьми	На производстве	С друзьями	
<i>Барабинские татары</i>						
Русский	11,7	10,0	17,1	55,6	52,5	51,0
Татарский	73,2	63,0	62,3	55,9	61,5	19,6
<i>Татары Тюменской области</i>						
Русский	8,8	9,5	12,0	42,7	39,5	20,8
Татарский	83,3	79,9	81,2	71,0	88,1	66,4

**Знание и использование татарского и русского языков
томскими татарами по данным опроса*, %**

Владение языком	1969—1970 гг.	1979 г.	1989 г.
Свободно владеют			
татарским	64,4	44,9	41,8
русским	77,3	81,1	81,1
Свободно говорят, но не читают и не пишут			
на татарском	34,4	51,7	54,6
на русском	13,0	13,4	12,6
Понимают и могут объясняться			
на татарском	1,2	3,4	3,2
на русском	9,7	4,9	5,5
Не владеют совсем			
татарским	—	—	0,4
русским	—	0,6	0,8
Говорят с родителями			
на татарском	68,6	69,8	51,8
на русском	6,9	9,4	6,3
Говорят с женой (мужем)			
на татарском	66,1	66,2	65,0
на русском	9,3	13,1	19,1
Говорят с детьми			
на татарском	66,3	68,2	70,7
на русском	14,5	24,6	29,7
Говорят на производстве			
на татарском	49,1	49,1	55,2
на русском	53,8	71,9	69,8
Говорят с друзьями			
на татарском	84,4	85,7	86,5
на русском	51,6	68,7	60,0
Переписываются с родными			
на татарском	33,5	23,8	24,1
на русском	45,6	69,2	64,5

* Здесь и далее в табл. 6.3, 6.5—6.8 процент взят от количества обследованных в 1969—1970 гг. 1479 чел., в 1979 г. — 1486, в 1989 г. — 1297 чел.

ском языке (соответственно 18,7 и 50,4 % — на татарском языке), учебную и научно-популярную литературу на русском языке читают 11 и 24,4 % (соответственно 0,4 и 2,6 % — на татарском языке), художественную литературу на русском языке — 53,8 и 70,3 % (соответственно 7,7 и 32,3 % — на татарском языке).

При просмотре (прослушивании) спектаклей и концертов художественной самодеятельности на русском язы-

ке их воспринимают 37,7 % опрошенных барабинцев и 45,9 % татар Тюменской области, на татарском языке — соответственно 72,8 и 65,4 % опрошенных. Здесь четко видно первенство татарского языка в устной речевой практике сибирских татар. В то же время фиксируется и важное место русского языка в духовной жизни татар указанных групп.

Некоторые моменты реальной речевой деятельности и языковых предпочтений можно оценить, лишь познакомившись с данными об языке, на котором получено образование, и об его уровне, а также с установками на язык образования. Полное среднее школьное образование (включая учебу и в профессионально-технических училищах) с обучением на татарском языке получили 0,4 % опрошенных барабинских и 2,8 % тоболо-иртышских татар, среднеспециальное — соответственно 0,6 и 0,4 %, незаконченное высшее и высшее образование — никто у барабинцев и 0,2 % у тоболо-иртышских татар. Тогда как на русском языке эти же уровни образования имеют следующие показатели: 28,6 и 25,8 %; 21,6 и 18,4 %; 4,2 и 7,0 %. Интересно, что в группе тоболо-иртышских татар Тюменской области у людей, имеющих только начальное и неполное среднее образование (а это в большинстве своем люди старших возрастов), получили его на татарском языке 25,1 % и на русском лишь 12,4 % опрошенных.

На вопрос нужно ли преподавать язык своей национальности в школе, т.е. татарский язык (здесь мы не разделяли казанско-татарский и сибирско-татарский языки), положительно ответили 93,2 % барабинцев и 93,1 % тоболо-иртышских татар. При делении обучения на начальное и среднее образование мнения опрошенных уже не так единодушны. 16,2 % барабинцев и 21,9 % тоболо-иртышских татар хотели бы дать своим детям начальное образование на русском языке и соответственно 31,2 и 58,2 % — на татарском языке. 52,9 % барабинских и 39,7 % тоболо-иртышских татар предпочитают, чтобы среднее образование их дети получили на русском языке и соответственно 44,2 и 56,7 % опрошенных в этих группах высказались за обучение в татарской национальной школе.

В этой части опроса выделяется мнение пожилых людей (60 лет и более). Например, в тоболо-иртышской группе свыше 70 % из них считают необходимым обучение в средней школе на татарском языке. В целом, невзирая на весьма значительную долю опрошенных, получивших и получающих образование на русском языке, сибирские татары не отрицают обучение детей на татарском языке, причем половина опрошенных считают необходимым получать на родном языке и среднее школьное образование.

В этом случае мы сталкиваемся с проблемой обучения детей в школах однонациональных поселений. Дети говорить по-русски до школы почти совсем не умеют. В этой ситуации не помогает и «нулевой» класс. Получается, что обучение татар в начальных классах во многих таких селениях проводится на языке, которого они не знают. Отсюда плохое усвоение знаний почти по всем предметам. По мнению ученых, в таких ситуациях обучение хотя бы в начальной школе нужно вести на татарском языке.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что литературный язык у сибирских татар не сложился и они пользуются литературным языком поволжских (казанских) татар, который в известной степени для них является также новым языком. Поэтому для его освоения в начальной школе татарских селений желательно отводить большее количество часов.

В целях подготовки учителей для татарских национальных школ планируется создание в Тобольском педучилище группы студентов по профилю «учитель начальных классов», в Тобольском пединституте — факультета национальных языков с отделением «учитель татарского языка». В Омской области предполагается открыть специализацию по татарскому языку в Тарском педучилище, восстановить Тарское культпросветучилище.

Высказаны и предложения по разработке письменности сибирских татар и подготовке преподавателей сибирско-татарского языка. Но проблема эта сложна тем, что диалектные различия между тоболо-иртышскими, барабинскими и томскими татарами также значительны.

Нельзя игнорировать и тот факт, что многие сибирские татары восприняли литературный язык поволжских татар, их профессиональный и отчасти народный слой культуры. Нужно ли разрушать эти связи и способствовать дифференциации сибирских и поволжских татар?

Все дети сибирско-татарских селений получают школьное образование. Значительное число юношей и девушек татарской национальности продолжают обучение в училищах, техникумах и вузах. В просвещении сибирско-татарского населения немалую роль играют различные культурно-просветительные учреждения (клубы, библиотеки и т.д.), татарские центры культуры, татарская пресса. Появилась первая газета на татарском языке «Янарыш» в Тюменской области, в Омской и Тюменской областях ведутся передачи областного радиовещания на татарском языке. Часто материалы о сибирских татарах печатаются в журналах и газетах Татарстана.

Сибирские татары на современном этапе активно контактируют с поволжско-приуральскими татарами, русскими, казахами и лицами многих других национальностей, проживающих в Западной Сибири. При изучении современных этнических процессов у татар Сибири этнографами Томского университета в 1969—1971 гг. были охвачены социологическим опросом все группы сибирских татар¹¹. Повторные обследования были проведены этнографами Омского университета в 1976 и 1988 гг. среди курдакско-саргатских и тарских (Омская область) татар, в 1979 и 1989 гг. томских татар и в 1991 г. барабинских и тоболо-иртышских татар Тюменской области¹². Часть материалов по динамике современных этнических процессов у томских татар за 20 лет (1969—1989) мы приводим в табл. 6.3—6.8.

Полученные данные свидетельствуют, что индексы интернациональных установок у сибирских татар достаточно высоки. Подавляющее большинство общаются с людьми разных национальностей на работе, в домашних условиях как соседи и во время общероссийских (общесоветских), народных или семейных праздников. Так, среди татар Омской области, по данным обследования 1988 г., с русскими отмечают общесоветские праздники

58 %, народные праздники — 35, свадьбы — 50 и дни рождения 54 % опрошенных.

Положительно к совместной работе с людьми других национальностей в 1969—1971 гг. относились 86 % из 4967

Таблица 6.3

Этнические самоназвания томских татар по данным опроса

Самоназвание	1969—1970 гг.	1979 г.	1989 г.
<i>Сибирские татары</i>			
Сибирские	66,7	59,4	68,8
Томские	3,2	7,5	4,2
Эуштинцы	6,4	6,0	0,5
Чаты	0,1	0,8	—
Тобольские	1,0	—	—
Тюменские	0,2	0,1	—
Бухарцы	0,1	—	0,1
Ясашные	0,6	—	—
Калмаки (телеуты)	—	0,4	0,1
Барабинские	—	—	0,5
Итого...	78,3	74,2	74,2
<i>Пришлые татары</i>			
Казанские	9,9	11,1	16,6
Башкирские (уфимские)	1,7	1,3	1,2
Мишари	0,4	2,0	0,5
Кряшены	0,1	—	—
Тептяри	—	0,2	—
Крымские	—	—	0,3
Итого...	12,1	14,6	18,6
Татары	9,6	11,2	7,2
Всего...	100,0	100,0	100,0

Таблица 6.4

Количество и состав браков томских татар в 1951—1988 гг.

Годы	Всего браков	Смешанные браки					
		Всего		Браки с русскими		Прочие	
		Количество	% от всех браков	Количество	% от смешанных браков	Количество	% от смешанных браков
1951—1960	351	25	7,1	20	80,0	5	20,0
1970	100	16	16,0	14	87,5	2	12,5
1971—1979	612	352	57,5	312	88,6	40	11,4
1980—1988	801	509	63,5	445	87,4	64	12,6

Таблица 6.5

Национальные установки томских татар по данным опроса

Варианты ответов	1969—1970 гг.	1979 г.	1989 г.
Предпочитают брак с людьми своей национальности	26,2	30,7	40,2
Положительно относятся к национально-смешанным бракам	66,0	61,6	58,9
Считают, что в разнонациональном коллективе работать сложнее	5,5	1,5	7,1
Положительно относятся к работе в разнонациональном коллективе	80,8	92,5	90,1

Таблица 6.6

Ответы по вопросу об отличиях томских татар от других народов и близости к сибирским татарам по данным опроса

Отличие и близость	1969—1970 гг.	1979 г.	1989 г.
Видят свое главное отличие			
в языке	67,0	90,6	70,4
одежде	7,0	0,3	4,8
жилище	4,1	—	4,0
пище	14,4	1,5	22,9
обрядах, обычаях	28,9	29,5	54,1
религии	—*	23,3	55,6
особенностях поведения	8,7	7,7	31,3
Видят близость в основном			
в языке	73,7	88,4	71,9
одежде	8,1	0,8	6,6
жилище	6,9	0,5	5,2
пище	17,8	3,5	21,9
обрядах	22,2	34,2	50,4
общности происхождения	18,3	43,3	51,5

* В опросные листы, заполнявшиеся в 1969—1970 гг., вопрос о религии не был включен.

Таблица 6.7

Культура томских татар по данным опроса

Показатель	1969—1970 гг.	1979 г.	1989 г.
1	2	3	4
Обычно читают газеты и журналы			
на татарском языке	26,8	26,3	31,9
на русском языке	69,2	81,8	79,6
Обычно читают художественную литературу			
на татарском языке	12,0	5,9	6,6
на русском языке	50,4	59,6	56,9

1	2	3	4
Обычно читают общественно-политическую литературу			
на татарском языке	1,8	0,4	0,7
на русском языке	20,6	16,8	24,8
Обычно читают учебную и научно-популярную литературу			
на татарском языке	1,0	0,2	0,5
на русском языке	15,6	15,4	20,4
Предпочитают смотреть самодеятельные спектакли и концерты			
на татарском языке	71,1	67,2	87,7
на русском языке	61,1	48,5	13,0
Любят петь и слушать			
старинные татарские песни	68,6	—*	76,0
современные татарские песни	48,5	—	23,1
русские песни и романсы	31,2	—	7,8
эстрадные и любительские песни	30,6	—	30,0

* В опросные листы, заполнявшиеся в 1979 г., вопросы о песнях не были включены.

Таблица 6.8

**Национальные черты в материальной культуре томских татар
по данным опроса**

Показатель	1969—1970 гг.	1979 г.	1989 г.
<i>Жилище</i>			
Национальные черты сохранились:			
в планировке дома	6,2	1,3	5,6
расположении и устройстве печи	—	1,5	0,7
украшении	5,4	5,0	9,7
во внешней отделке	3,5	2,3	2,7
Национальные черты не сохранились	91,2	95,8	82,0
<i>Пища</i>			
Не знают национальных блюд	1,8	1,5	4,3
Знают один-три национальных блюда	36,0	34,5	27,6
Знают более трех национальных блюд	62,2	64,1	68,1
<i>Одежда</i>			
Национальные черты сохранились:			
в одежде (включая головные уборы и обувь)	17,0	16,5	27,0
украшениях	2,5	1,9	3,1

опрошенных татар Западной Сибири. И такая установка оказалась достаточно прочной — она сохранилась на этом уровне в 1980-е гг. у курдакско-саргатских и тарских татар и возросла у томских татар с 80,8 % в 1969 г. до 90,1 % в 1989 г. Тем не менее часть татар отмечают сложности в работе в разнонациональном коллективе, а у татар Омской области, например, этот показатель даже возрос с 4 % в 1976 г. до 11 % в 1988 г. К этому приводят процессы роста этнического самосознания татарского населения в Сибири, также играет роль и то, что сельские татары по сравнению с группами людей других национальностей, кроме русских, наиболее сосредоточены в однонациональных селениях. Около 80 % опрошенных в конце 1980-х гг. ответили, что предпочитают иметь друзей любой национальности.

Важен в изучении межнациональных отношений вопрос о национально-смешанных браках. Отношение к ним сибирских татар на протяжении конца 1960—1980-х гг. претерпело некоторые изменения. В 1969—1971 гг. 62 % опрошенных татар Западной Сибири положительно относились к межэтническим бракам и 32 % предпочитали брак с людьми своей национальности. На примере татар томской группы видно, что постепенно уменьшалось положительное отношение к национально-смешанным бракам — в 1969 г. такие установки были зафиксированы у 66 %, в 1979 г. — у 61,6 и в 1989 г. — у 58,9 % опрошенных. И наоборот, возросла предпочтительность к бракам с людьми своей национальности — с 26,6 % в 1969 г. до 30,7 % в 1979 г. и до 40,2 % опрошенных в 1989 г. татар.

Данные опросов с 20-летним промежутком показали, что у томских татар наблюдались явления стабилизации этнокультурного уклада, замедление процессов ослабления этнической специфики в культуре и быте (см. табл. 6.7, 6.8), возрастание интереса к некоторым традиционным сюжетам народного быта, усиление этноцентристских позиций в мировоззрении (см. табл. 6.6). Гораздо большее количество татар томской группы стали видеть свое главное отличие от других народов в языке и обрядах, существенно снизилась только роль

индексов материальной культуры. Представляется, что такие изменения носят естественный характер и свидетельствуют об усилении интереса людей к истории и культуре своего народа, некоторой стабилизации этнического самосознания, достижении высоких пределов в уровне интернационализации мировоззрения, в степени сближения с другими народами нашей страны, прочности системы этнических компонентов сибирских татар как устойчивого образования в составе метаэтнической общности всех татар нашей страны.

Следует подчеркнуть, что сибирские татары сохраняют миролюбивое и во многом дружественное отношение к окружающим их народам. Среди наиболее близких к себе этносов они называют башкир, казахов, узбеков, русских. У них фиксируется четкая тенденция и к росту межэтнических браков. Если в 1927—1940 гг. такие браки составляли 3,3 % от всех браков сельских татар, то в первой половине 1960-х гг. их доля возросла до 8,4 %. В некоторых группах сибирских татар в сельской местности рост национально-смешанных браков опережает средние цифры. Так, у курдакско-саргатских и тарских татар в 1950-х гг. такие браки составляли 15 %, а в первой половине 1980-х гг. — уже 32, в томской группе к середине 1970-х гг. они достигли 58,9 % от всех браков. Еще выше показатели межэтнических браков в городах. У городских татар Томской области (Томска, Колпашево, городских поселков) к середине 1930-х гг. он немного превышал 20 %, к середине 1960-х гг. достиг 65,6 %, а к середине 1980-х гг. приблизился к 80 %. У татар Омска доля таких браков выросла с 1950-х до середины 1980-х гг. с 55 до 74 %. Среди межэтнических браков велика доля брачных союзов с русскими — в разных группах татар Западной Сибири она составляет 85 % и более.

Такие высокие показатели национально-смешанных браков вызвали новые этнические процессы, вторгнувшиеся во внутреннюю жизнь семей и в семейный быт татар в целом. Отсюда и боязнь у части татар потерять свою национальность и увеличение показателя предпочтительности браков с людьми своей национальности. Тем не менее доля межэтнических браков растет, а благода-

ря им через родственные связи увеличивается и объем постоянных контактов лиц разных национальностей. Так, у сельских татар Омской области доля таких браков составляет немногим более 30 %. Но на вопрос: «Есть ли в Вашей семье или семьях Ваших близких родственников люди других национальностей?» положительно ответили 56 %. Более всего в семьях этих татар оказалось русских, казахов, украинцев, башкир и немцев.

Изучение этнических процессов в русско-татарских семьях национально-смешанных селений было предпринято недавно в Омской области¹³. Оно показало, что, судя по ответам опрошенных супругов, в основе заключения браков лежали любовь и положительное отношение к межнациональным бракам. В русско-татарских семьях родители определяют детей чаще русскими, хотя нередок и выбор татарской национальности. При получении паспорта более трех четвертей самих подростков из этих семей принимают русскую национальность. Общение в таких семьях происходит, как правило, на русском языке (в однонациональных татарских селениях чаще на татарском и русском языках), но детей учат и татарскому языку, поэтому они двуязычны. Фамилии им дают по отцу, т.е. встречаются и русские, и татарские.

Говоря об основных направлениях развития этнических процессов у сибирских татар в советский период и перспективах их этнического развития на современном этапе, следует еще раз сказать, что они по-прежнему состоят из нескольких разрозненных этнических групп — томских, барабинских и тоболо-иртышских татар. Их консолидация в единый этнос окончательно все же не завершилась. Они представляют собой, скорее всего, не вполне сформировавшийся этнос, возможно близкий народности. Процессы сближения и частичного смешения сибирских татар с поволжско-приуральскими, особенно интенсивно развивавшиеся в 1920—1940-е гг., способствовали тому, что в наши дни сибирские татары по-прежнему входят в татарскую метаэтническую общность. И все же в большинстве этнических компонентов сибирские татары сохраняют и сегодня значительное своеобразие по сравнению с поволжскими татарами, пред-

ставляя собой относительно самостоятельную стабильную этническую общность.

На современном этапе продолжают развиваться процессы сближения сибирских татар с русским населением. За советский период смешались с русскими группы туринских и обских татар, значительная часть калмаков с сибирскими татарами в районах их расселения — пришлые поволжско-приуральские татары и их потомки. Большая часть детей из таких смешанных семей считают себя коренными сибирскими татарами. Но в целом у поволжско-приуральских и сибирских татар Западной Сибири укрепилось обозначение себя «просто татарами», что свидетельствует о тенденциях трансформации их метаэтнической общности в общетатарский этнос. Сибирские бухарцы окончательно слились с сибирскими татарами в послевоенный период.

Значительные изменения, как мы отмечали выше, произошли в культуре сибирских татар в советский период. Наряду с утратой части национальных явлений все же заметно и развитие их, особенно в сфере духовной культуры — в устном народном творчестве, народном декоративном искусстве, народной музыке, хореографии, народных знаниях, в некоторых сферах профессиональной культуры. Культурное взаимообогащение особенно заметно развивается у сибирских татар с казахами и поволжско-приуральскими татарами. Отдельные заимствованные у поволжских татар черты культуры многие из сибирских татар считают своими национальными и полагают, что эти черты — местные по происхождению и издавна существуют в их культуре. Общие черты в культуре и быте татар Западной Сибири распространяются также благодаря процессам культурного влияния и взаимообогащения между ними и русскими. Среди поволжских и сибирских татар имеют место и процессы частичной этнической аккультурации с русскими, а также наблюдается распространение общих интегрированных черт европейской культуры, модернизация этнокультурного облика татар. В районах южной и средней полосы Западной Сибири по-прежнему проходят более общие процессы развития региональных традиционно-

культурных общностей, в том числе южно-западносибирской региональной историко-этнографической общности тюркских народов и групп. Но в современных условиях преобладает общая интегрирующая тенденция в развитии культуры, охватывающая все национальности районов расселения сибирских татар.

Нелегко и неоднозначно в разных местах решаются вопросы национального и культурного возрождения и развития сибирских татар. Но условия реформ и обновление российского общества позволяют надеяться, что национально-политические, национально-социальные и национально-культурные запросы сибирских татар будут удовлетворяться в более полной мере по ходу развития процессов общего национального возрождения народов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. I. — 607 с.; *Татищев В.Н.* Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. — Л., 1979. — С. 153—360; *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. — СПб., 1799. — Ч. 2. — 178 с.; *Катанов Н.Ф.* Этнографический обзор турецко-татарских племен // Ученые записки Казанского университета. — Казань, 1894. — Кн. 3. — С. 186—206 и др.; *Костров Н.А.* Каинская бараба // Томские губернские ведомости. — 1874. — № 25, 34, 37, 38, 44; и др.; *Потанин Г.Н.* Бараба // Живописная Россия. — СПб.; М., 1884. — Т. 11: Западная Сибирь. — С. 97—106; и др.; *Юшков И.* Сибирские татары // Тобольские губернские ведомости. — 1861. — № 33—45; *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. — СПб., 1891. — 308 с.; *Чугунов С.М.* Древнее кладбище близ Томска «Тоянов городок». — Томск, 1901; и др.; *Радлов В.В.* Образцы народной литературы тюркских племен. — СПб., 1872. — Т. 4: Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. — 456 с.; и др.

² *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Исторические записки. — 1937. — Т. 1. — С. 55—80; и др.; *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Том. ун-та. — Томск, 1950. — Т. 112. — С. 24—210; и др.; *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия, повинности). — Томск: Изд-во ТГУ, 1980. — 252 с.; и др.; *Зияев Х.З.* Узбеки в Сибири (XVII—XIX вв.). — Ташкент, 1968. — 75 с.; *Титова З.Д.* Барабинские татары // Из истории

Сибири. — Томск, 1976. — Вып. 19. — С. 108—147; и др.; *Шушков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — 432 с.; и др.

³ *Богомолов В.Б.* Орнамент барабинских татар // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 123—135; и др.; *Валеев Ф.Т.* Западносибирские татары во второй половине XIX — начале XX в. — Казань. — Тат. кн. изд-во, 1980. — 232 с.; и др.; *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М.: Наука, 1960. — 622 с.; *Корусенко С.Н.* Опыт реконструкции этнической истории курдакско-саргатских татар конца XVIII — XX вв. // Антропология и историческая этнография Сибири. — Омск, 1990. — С. 121—130; и др.; *Сатлыкова Р.К.* Современное расселение татар Среднего Прииртышья // Современные этнические процессы у народов Западной и Южной Сибири. — Томск, 1981. — С. 61—73; и др.; *Селезнев А.Г.* Южносибирские черты в охотничье-рыболовческом облике барабинских татар // Антропология и историческая этнография Сибири. — Омск, 1990. — С. 107—121; *Симченко Ю.Б.* Тамги народов Сибири XVII века. — М.: Наука, 1965. — 227 с.; *Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX вв. — Томск: Изд-во ТГУ, 1981. — 276 с.; *Он же.* Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. — Томск: Изд-во ТГУ, 1983. — 216 с.; *Томилов Н.А., Кузнецова Н.В.* Опыт изучения этнического состава барабинских татар // История, археология и этнография Сибири. — Томск, 1979. — С. 96—103; и др.; *Храмова В.В.* Западносибирские татары // Народы России. — М.; Л., 1956. — С. 473—491; и др.

⁴ *Басандайка.* — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1947. — 220 с.; *Коников Б.А.* К этносоциальной характеристике культур таежного Прииртышья VI—XII вв. н.э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. — Томск, 1981. — С. 66—70; и др.; *Могильников В.А.* Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. — 1965. — № 1. — С. 275—282; и др.; *Молодин В.И.* Бараба в тюркское время. — Новосибирск: Наука, 1988. — 176 с.; и др.; *Соболев В.И.* Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978. — С. 179—190; и др.; *Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И.* Археологическая карта Новосибирской области. — Новосибирск, 1980. — 184 с.; и др.

⁵ *Багашев А.Н.* Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. — Новосибирск, 1988. — С. 22—54; и др.; *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. — М.; Л.: Наука, 1948. — 392 с.; *Дремов В.А.* Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья // Антропология и историческая этнография Сибири. — Омск, 1990. — С. 52—72; *Ефимова С.В., Томи-*

лов Н.А. Материалы по этнической одонтологии тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины // Антропология и историческая этнография Сибири. — Омск, 1990. — С. 35—52; Розов Н.С. Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // Вопросы антропологии. — 1961. — Вып. 6. — С. 71—91; Трофимова Т.А. Тобольские и барабинские татары: Антропологический очерк // Труды Института этнографии. — М.; Л., 1947. — Т. 1. — С. 194—215; Халдеева Н.И. Распределение одонтологических признаков среди татарских групп и телеутов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. — Омск, 1984. — С. 30—32; Хитъ Г.Л. Антропологический состав и генетические связи сибирских татар по данным дерматоглифики // Антропология и историческая этнография Сибири. — Омск, 1990. — С. 14—34; и др.

⁶ Абдрахманов М.А. Особенности развития словарного состава при диалектно-языковом смещении (на материале некоторых групп лексики тюркского говора д. Эушта Томского района) // Ученые записки ТГПИ. — Томск, 1959. — Т. 18. — С. 195—220; и др.; Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. — Уфа, 1963. — 195 с.; и др.; Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. — Л.: Наука, 1981. — 225 с.; и др.; Дульзон А.П. Диалекты татар-аборигенов Томи // Ученые записки ТГПИ. — Томск, 1956. — Т. 15. — С. 297—379; Исхакова С.М. Узбекский элемент в языке сибирских татар // Ученые записки Казан. ГПИ. — Казань, 1970. — Вып. 74. — С. 140—150; и др.; Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. — 293 с.; и др.

⁷ Подробно см. об этом: Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. — 271 с.; Он же. Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). — Томск: Изд-во ТГУ, 1993. — 222 с.

⁸ О метаэтнических общностях подробнее см.: Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общества // Расы и народы. — М., 1976. — Вып. 6. — С. 15—41.

⁹ Нигмедзянов М. Народные песни волжских татар. — М.: Сов. композитор, 1982. — С. 120.

¹⁰ Маношкина Н.А. Традиционные танцы барабинских татар аула Бергуль Куйбышевского района Новосибирской области // Прошлое Прииртышья. — Омск, 1990. — С. 35—36; Она же. Традиционная хореография барабинских татар // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. — Омск, 1990. — Кн. 2. — С. 98—100; Левочкина Н.А. Отражение этнокультурных связей в хореографическом искусстве барабинских и тарских татар // Этническая история и культура народов Советской страны. — Омск, 1991. — С. 127—129; и др.

¹¹ Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. — Томск: Изд-во ТГУ, 1978. — 208 с.

¹² Корусенко М.А. Некоторые аспекты влияния русской культуры на тюркоязычное население Западной Сибири (подступы к проблеме) // *Духовное возрождение России*. — Омск, 1993. — Вып. 3. — С. 129—131; *Он же*. Некоторые особенности современных этнических процессов у тюркоязычного населения Тоболо-Иртышского междуречья // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий* (по данным этнографии и языкознания). — Омск, 1992. — С. 31—33; *Он же*. Об изучении современных процессов у тюркоязычного населения Тоболо-Иртышского междуречья // *Проблемы культурогенеза и культурное наследие*. — СПб., 1993. — Ч. 3. — С. 52—55; *Он же*. Этнологические процессы у татар Барабинской степи // *Региональные проблемы межнациональных отношений в России*. — Омск, 1993. — С. 152—155; *Он же*. Этнологические процессы у татар Тюменской области по данным опроса 1991 г. // *Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий* (по данным этнографии и языкознания). — Омск, 1993. — С. 33—36; *Он же*. Этнологические процессы у татарского населения Тоболо-Иртышского междуречья (по данным полевых исследований 1991—1992 гг.) // *Народы Сибири и сопредельных территорий*. — Томск, 1995. — С. 140—145; *Томилов Н.А.* Современные этнические проблемы у сибирских татар в конце 1960—1970-х годов (по материалам томских татар) // *Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера*. — М., 1985. — С. 40—54; *Томилов Н.А., Коровушкин Д.Г., Реммлер В.В.* Изучение динамики этнических процессов у народов и национальных групп России (по материалам Западной Сибири) // *Межнациональные отношения и национальная политика в СССР*. — Омск, 1990. — С. 6—13; и др.

¹³ Подробнее см.: *Томилов Н.А.* Опыт изучения национально-смешанных семей (по материалам Западной Сибири) // *Источники и методы исследования социальных и культурных процессов*. — Омск, 1989. — С. 103—108.

7. ЧУВАШИ

В последние годы все большее внимание ученых, занимающихся проблемами этнического развития чувашского народа, привлекают группы, по тем или иным причинам оказавшиеся вне территории Чувашии. Так, в Сибири численность чувашей уже к 1970 г. составляла свыше 123 тыс. чел.

Объект нашего исследования — сельское чувашское население, проживающее в Новосибирской, Омской и Тюменской областях Западной Сибири. По данным пе-

реписи населения 1989 г., численность чувашей здесь составила свыше 40 тыс. чел. — 6085 чел. в Новосибирской области, 5708 — в Омской и 31 988 чел. в Тюменской области. Около 60 % чувашей проживают в сельской местности.

Предмет изучения — этническое развитие чувашского этноса — исследуется на основе анализа состояния важнейших этнических признаков (территории, самосознания, языка, материальной и духовной культуры, уровня эндогамности и др.), истории формирования и специфики развития чувашской диаспоры.

В связи с неизученностью объекта нашего исследования был привлечен значительный круг архивных и полевых источников. В ходе работ Сибирской историко-этнографической экспедицией ОмГУ в 1980—1983 гг. под руководством Н.А. Томилова и в 1987—1989 гг. под руководством автора было обследовано чувашское население Колыванского, Кыштовского и Северного районов Новосибирской области, Знаменского, Крутинского, Любинского, Муромцевского, Тарского и Усть-Ишимского районов Омской области, Нижне-Тавдинского и Ярковского районов Тюменской области. Экспедиции были маршрутными, что диктовалось особенностями расселения сибирских чувашей и задачами исследования.

Были собраны данные как по традиционной культуре и быту чувашей Западной Сибири, так и по их современным этническим процессам. Все полевые материалы хранятся в МАЭ ОмГУ.

Значение материальной культуры для этноса как самовоспроизводящейся системы обусловлено той ролью, которую она играет в обеспечении его жизненных (витальных) потребностей. Не менее важно и то, что наиболее значимые элементы материальной культуры, такие как жилище или пища, при всех прочих условиях относительно более устойчивы к внешним воздействиям и изменениям социально-экономических условий, нежели некоторые другие элементы материальной (одежда, средства передвижения) и особенно духовной культуры.

Для нашего исследования изменения в материальной культуре чувашей Западной Сибири представляют

особый интерес постольку, поскольку с модернизацией культурно-бытовых структур многие из них исчезают, тогда как отдельные элементы материальной культуры берут на себя функцию этнических определителей. Это особенно присуще развитию этноса или его части в многонациональной среде¹.

Основу хозяйства чувашей традиционно составляло земледелие², базировавшееся на трехпольном севообороте³. Оно же осталось и у чувашских переселенцев в Западной Сибири благодаря тому, что климатические и природные условия в полосе расселения немногим отличались от привычных им. Однако, несмотря на перенос в Сибирь применявшихся в Поволжье приемов и способов возделывания сельскохозяйственных культур, сразу же наметились и различия. В связи с необходимостью расчистки площадей под посевы возродились элементы давно исчезнувшей подсечно-огневой системы. Это одновременно обеспечивало переселенцев строевым лесом и дровами, а также материалом для ограждения покотин и огородов. Зачастую для обработки земли объединялись вместе две-три семьи⁴, совместно владевшие тягловым скотом и сельскохозяйственными орудиями. Это наиболее характерно для переселенческой волны начала 1920-х гг.

Другой особенностью хозяйства сибирских чувашей был отличный по составу и, главное, по структуре набор возделывавшихся культур. Основной зерновой культурой в чувашских хозяйствах Западной Сибири в первой трети XX в. являлась не рожь, как это было принято среди чувашей Поволжья⁵, а пшеница. Обусловлено это было тем, что более долгая и холодная зима при относительном малоснежье не позволяла обеспечить сколько-нибудь стабильные урожаи озимой ржи, в то время как имелись уже достаточно устойчивые сорта пшеницы сибирской селекции, рекомендовавшиеся агрономами Переселенческого управления.

Помимо пшеницы, занимавшей большую часть зернового клина, в сопоставимых с ней масштабах возделывались овес и ячмень. Роль овса для чувашей-сибиряков была тем более значимой, что скот большую часть

года находился на стойловом содержании, а одной пшеничной соломы было недостаточно для его прокорма. Ячмень шел на приготовление пищи. В весьма незначительных количествах высевались просо, гречиха и горох, возделывание которых в этой климатической зоне представляло в то время определенную трудность.

Чуваши Западной Сибири растили лен и коноплю. Практически повсеместно преобладал лен, его выращивали не только для собственных нужд, но и для продажи. Конопля возделывалась как бы «походя», поскольку по всему лесостепному поясу Западной Сибири условия благоприятствуют ее хорошему росту и без специального ухода.

Помимо указанных традиционных культур огромное значение для сибирских чувашей имел картофель, дававший стабильные урожаи на супесчаных почвах северной лесостепи. Выращивали его на огородах, обильно удобрявшихся органикой. Сочетание сухих почв и удобрения их навозом позволяло получать высокие урожаи здорового, пригодного к хранению картофеля.

Основные сельскохозяйственные орудия сибирских чувашей в конце XIX — первой трети XX в. — деревянный плуг (с начала 1920-х гг. появились однолемешные металлические плуги фабричного либо кустарного производства), деревянная (реже железная) борона, коса-литовка, серп, цеп, иногда для обмолота применялись катки. Во многих хозяйствах имелись самодельные льномялки, в то же время механические молотилки были чрезвычайно редки.

Помимо земледелия у сибирских чувашей в различной степени были развиты животноводство и рыболовство. Охота же, несмотря на обилие дичи в местах их проживания, существовала лишь на любительском уровне.

Рыболовство у чувашей-сибиряков не было распространено, занимались им в основном дети или же взрослые для удовлетворения внутрисемейной потребности. Следует отметить, что рыба не пользовалась особым успехом у хозяек-чувашек.

Животноводство у чувашей Западной Сибири развивалось в двух основных направлениях: разведение круп-

ного рогатого скота и свиноводство. По рассказам наших информаторов, в 1920-е гг. даже считавшиеся бедными хозяйства имели корову, но при этом редко какая семья могла содержать более трех-четырех голов крупного рогатого скота — сказывался дефицит кормов, так как переселенческие участки нарезались большей частью в лесной местности, луга были уже поделены ранее между местными старожилами. Свиноводство имело значительно более благоприятные условия для своего развития, поскольку немалая часть картофеля, выращиваемого в крестьянских хозяйствах, шла на корм свиньям.

Определяющее значение в системе традиционных домашних занятий сибирских чувашей имела обработка льна. После уборки лен вымачивали, трепали трепалами, чесали щетями и пряли. Спряденное волокно перематывали на вьюшки, а с них на цевки, ткали на ткацком станке, холсты отбеливались на снегу. Помимо холстов ткали пестряди из ниток домашней окраски и шабурные ткани, которые изготавливали из конопляной пряжи. В основном же конопля шла на выделку кулей и рогож.

Лаптеплетение как вид домашнего промысла было распространено очень широко — едва ли не в каждой чувашской семье плели лыковые или черемуховые лапти⁶.

Наиболее широко распространенным средством передвижения чувашей Западной Сибири была четырехколесная повозка с плетеным из лозы кузовом⁷. Мастерства в тележном производстве сибирские чуваша так и не достигли, поскольку с середины 1930-х гг. разнообразные телеги и повозки покупались у местного русского населения. Участие чувашских крестьян в извозном промысле в итоге и предопределило замену традиционных чувашских повозок на русские. В это же время в быт чувашей вошли и лыжи, пользовались которыми в основном охотники.

В зимнее время основным средством передвижения служили одноконные сани-розвальни, иногда изготовлявшиеся самими чувашскими крестьянами, но нередко покупные.

Особенности проживания чувашей в Сибири сказались и на их поселениях и жилище. Несмотря на то, что в одних поселках селились переселенцы из различных районов Чувашии и других регионов Поволжья, практически все деревни чувашей-сибиряков относятся к типу поселения чувашей-*анатри*. Они были расположены линейно, чаще всего вдоль небольших речек, что объясняется их поздним (относительно северо-западных районов Чувашии) возникновением⁸. Если же улиц было больше одной, то вторая располагалась под прямым углом к первой, чтобы не сокращать площадь огородов.

Жилые дома и хозяйственные постройки чувашей в Сибири традиционно возводили из красного леса. Чаще всего на эти цели использовали сосну. Ель, а тем более лиственницу, применяли в строительстве гораздо реже. Сруб дома, как правило, состоял из двух частей, с последовательным расположением комнат⁹. Нами были зафиксированы также и однокамерные жилища, однако необходимо отметить, что таких больше в малолесной зоне (деревни Выборненовка, Салоревка Омской области). Бревна соединяли рубкой «в угол» или «в крюк». Сени строили отдельно от сруба и затем либо «прирубали» к нему, либо притягивали железными скобами. Располагались они обычно с торца дома дверьми на улицу. Но уже в конце 1930-х гг. появились дома, сени которых прирубались к задней стене сруба.

Жилище сибирских чувашей имело (и имеет до сих пор) двускатную крышу стропильной конструкции. Различия в покрытии крыш зависели от того, какой материал был более доступен в той местности, где возводился дом. Чаще всего крыли тесом, реже дранью, еще реже железом. Соломенные крыши чувашей Западной Сибири, в отличие от чувашей европейской части России¹⁰, делали чрезвычайно редко, но нами зафиксированы покрытия домов берестяными тисками.

Фронтоны крыш зашивали тесом и раскрашивали обычно «в елочку». Чаще всего фронтон, особенно если он выходил на улицу, делали с углубленной центральной частью и округло зашитыми углами.

Окна повсеместно косячатые, с обязательными наличниками на них, украшенными пропильной резьбой. В начале 1920-х гг. изредка применялась резьба с выбранным фоном или трехгранновыемчатая. Позднее доминирующее положение заняла пропильная резьба с полихромной раскраской. Ставни на окнах — редкость и сегодня, даже в смешанных русско-чувашских деревнях.

Снаружи избу обшивали тесом и иногда окрашивали масляной краской. Если же тес оказывался слишком дорог для хозяев, то красили лишь внешнюю поверхность бревен. В то же время в Чувашии, как правило, отделку наружных стен не производили¹¹. Внутренние поверхности стен жилищ сибирские чуваша обмазывали глиной и белили.

Избы постройки начала XX в. ставили обычно прямо на землю, пол в этом случае был глинобитный либо земляной. Но в последующем стали стелить дощатые полы, что было обусловлено в первую очередь достаточно суровым климатом. Пол устраивали на высоте двух-четырех венцов на поперечных балках.

Непременным элементом жилища сибирских чувашей была печь (*хамата*), сочетавшая в себе элементы русской печи и традиционного чувашского очага. Топились печи в жилых помещениях только «по-белому»¹². Печь сибирских чувашей отличалась от ставшей в Чувашии традиционной «белой» несколько большими размерами и нередко встраиваемыми в нее трубами — «воздухами», ведущими в заднюю комнату.

До середины 1960-х гг. непременной принадлежностью чувашской избы в Сибири были нары, встречающиеся и в наши дни. Размещались они у стены, противоположной двери. Жилые и хозяйственные постройки чувашей-сибиряков располагались в Г-образном или замкнутом П-образном дворе с глухими воротами вплотную к дому. Хозяйственные постройки (амбар, конюшню, коровник, свинарник, стайку) ставили под одну крышу, крытую, так же как и дом, тесом или дранью. Иногда в одном ряду с ними была баня, но чаще всего она располагалась поодаль от хозяйственных построек.

Баню в отличие от других построек чаще рубили из осины. Топили ее, за редкими исключениями, «по-черному», причем многие чувашки и сегодня предпочитают этот вариант ее устройства.

Двор огораживали глухим дощатым или тесовым забором, для ограждения огородов чаще всего устраивали прясло, плетни же ставили лишь со стороны улицы. Сами улицы обносили поскотинами.

Подобного рода изменения, характеризующиеся смешением черт, присущих группам *вирьял* и *анатри*, не обошли и одежду сибирских чувашек.

Основным видом женской плечевой одежды чувашек Западной Сибири в конце XIX — первой трети XX в. была глухая полотняная рубаха-платье (*кебе*) прямого туникообразного покроя с расставленным клиньями подолом, сшитая, как правило, из беленого льняного холста. Рукав платья делался обычно цельнокроенным с втачной ластовицей, иногда с манжетой. Обшлаг рукава обшивали цветной тесьмой или украшали вышивкой красными или черными нитками. Тесьму нередко вшивали в швы рукавов, ею же обшивали ворот — открытый или «стойку».

Вышивка покрывала часть полочки, примыкающей к рукаву, иногда плечевую часть рукава. Наиболее богато украшали подол платья, к которому часто пришивали кружево домашней вязки. Орнамент вышивки имел традиционные геометрические формы, но в конце 1920-х — начале 1930-х гг. их дополнили реалистично выполненные растительные.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что наиболее ярко смешение традиций в женском платье сибирских чувашек прослеживается в сочетании его покроя (принятого у *анатри*) и системы украшения, присущей верховым чувашам (*вирьял*).

Поверх *кебе* надевали отрезной фартук, сшитый из яркой (красной, розовой, зеленой) ткани. Грудку фартука присборивали, по краям обшивали тесьмой. Низ фартука украшали вышивкой, кружевом или оборкой. Подпоясывали фартук и *кебе* тонким поясом или резе тканой опояской.

На ноги надевали вязаные чулки или толстые шерстяные носки, лапти использовали до начала 1950-х гг. и лишь в праздники заменяли сапогами.

Праздничную женскую одежду чувашей Западной Сибири дополнял шарф, укрепленный на спине с помощью наспинного украшения из серебряных монет (*пуцхоц*). Грудь женщины украшали мониста. На голове чувашки-сибирячки носили повязку, вышитую и нередко обшитую бисером. Распространенные в Чувашии головные уборы *тухья* и *хушпу* сибирским чувашам были известны, но использовались редко.

Зимой женщины носили отрезные теплые платья из пестряди, поверх которых надевали верхнее распашное платье (*сукман*). В более холодную погоду и женщины, и мужчины использовали отрезные меховые распашные шубы мехом внутрь.

Мужской костюм чувашей, проживающих в Западно-Сибирском регионе, был достаточно традиционен и состоял из короткой полотняной рубахи, штанов из пестряди, онучей и лаптей. Рубаха прямого покроя с втачными рукавами без ластовиц носилась навыпуск. Подпоясывали ее тонким поясом с небольшими кистями на концах. Воротник, рукава и низ рубахи, как правило, украшали вышивкой. Вариант отделки зависел от назначения одежды. Зимой этот комплекс дополнялся шубой и теплыми рукавицами.

Летним головным убором служила суконная шапка или картуз, зимним — меховой треух, заимствованный у местных русских, или шапка типа папахи.

В целом традиционный комплекс одежды у сибирских чувашей бытовал до конца 1940-х гг. Затем постепенно из обихода исчезли ткани домашней выделки, традиционная обувь и мужские рубахи. В быт прочно вошли валенки, фабричные рубашки и платья, шерстяные платки.

Что же касается традиционной модели питания чувашей Западной Сибири, то в ней прослеживаются незначительные отличия от соответствующего элемента системы жизнеобеспечения чувашей европейской части России. Этот факт подтверждает известный тезис, что пи-

ща — это наиболее устойчивый элемент культуры этноса.

Основой пищевого рациона сибирских чувашей в конце XIX — первой трети XX в. являлись крупяные и молочные продукты, а также картофель, который с каждым годом все глубже входил в крестьянский чувашский быт. Пища носила ярко выраженный сезонный характер. Летом готовили в основном молочные блюда, крупяные каши и супы, а также употребляли зелень, лук, огурцы.

Из блюд летней чувашской кухни следует отметить крупяной суп (*кербе яшки*), летний суп (*самла шурпи*) из картофеля, палочек теста и зелени, суп с пресными лепешками (*юсман яшки*), из молочных блюд — запеканку из муки, пахты и яиц (*шутене*), вареное молоко с молозивом (*нерри*).

Осенью часто готовили тыквенные оладьи (*кавын игерчи*) и луковое пюре (*сухан жимри*). Из напитков предпочитали слабое, практически безалкогольное пиво (*сара*), пахту, хлебный квас.

Зимой пищевой рацион сибирских чувашей отличался от летне-осеннего и по набору продуктов, и по составу блюд. Его основа — изделия из теста и мясо в различных видах.

Блюда из пресного теста были ежедневно на чувашском столе. Наиболее употребительные — пирог из свинины и картофеля (*хуплу*), вареники и печеные пирожки с различными начинками — творогом, луком, картофелем (*хуран кукли*, *ума кукли*), мясом (*аж кукли*).

Следующее по значению место в зимнем рационе чувашей занимали мясные блюда. Готовили томлено-сушеное мясо, набитое в бараний желудок (*шартан*), мясные супы. Достаточно часто на столах появлялись запеченая сырная масса (*чокот*) и жареный картофель (*шарик*). В 1950-х гг. в кухню чувашей-сибиряков прочно входит копченое свиное сало, для приготовления которого свиней кормили то скудно, то обильно так, чтобы в сале образовались мясные прослойки.

Праздничный пищевой комплекс сибирских чувашей отличался значительно большей калорийностью и

разнообразием. В его состав в больших количествах входили животное масло, свежее мясо (говядина, свинина, баранина), куриные яйца. В праздничное меню чувашей обязательно включали ягоды и ягодные блюда — сушеную малину и моченую бруснику, консервированную жиром смородину. Атрибутом праздничного стола были также алкогольные напитки — крепкое пиво и ячменная водка (*рэкэ*).

Таким образом, традиционная материальная культура сибирских чувашей является феноменом, который определяют следующие признаки:

а) смешение черт, характерных как для *вирьял*, так и для *анатри*;

б) приспособление материальной культуры как жизнеобеспечивающей системы к местным природным условиям;

в) заимствование некоторых элементов материальной культуры окружающего русского населения;

г) сокращение числа и утеря отдельных этнически маркирующих элементов (особенно в одежде).

В таком относительно неизменном виде традиционная материальная культура чувашей Западной Сибири просуществовала до конца 1950-х гг. Начавшееся в тот период укрупнение совхозов и колхозов привело к утере экономической, а стало быть и культурной самостоятельности сибирско-чувашских деревень. Многие из них стали отделениями укрупненных хозяйств.

Сельскохозяйственное производство соответственно начало развиваться в едином комплексе, в том же направлении, что и в окружающих их населенных пунктах. Все они теперь, без исключения, специализируются на мясомолочном производстве и полеводстве. Основу стада составляют крупный рогатый скот и свиньи. Производство мясомолочной продукции и зерновых осуществляется на высоком для Сибири уровне. Помимо зерновых в чувашских хозяйствах возделывают картофель и кормовые культуры.

В подсобных хозяйствах сибирских чувашей сохраняется этническая специфика. Каждая семья в среднем имеет одну-две коровы, телку или бычка, откармливает

двух-трех свиней, домашнюю птицу — кур, гусей, нередко уток. Скот содержат в стойлах зимой, с весны его переводят на подножный корм. Для его прокорма заготавливают сено, в основном вручную, но нередко и механическими косилками на конной, а в последние годы и на механической тяге.

Весьма развито у сибирских чувашей огородничество. Основная культура — картофель сортов местной селекции. Выращивают чувашаи репчатый лук, свеклу, огурцы и помидоры. Товарное значение имеют картофель и молоко, которое отправляют на молокоприемные пункты. Картофель продают на городских рынках или сдают в фонды хозяйств. Мясо после забоя скота также идет не только на внутрисемейные нужды, но и на продажу — сдается заготовителям либо продается на рынках городов.

Немаловажное значение в домашнем хозяйстве чувашей Западной Сибири имеет сбор лесных ягод — в основном земляники. В районах, расположенных в зоне южной тайги, чувашаи нередко собирают клюкву, но, как правило, лишь для удовлетворения своих потребностей.

Практически полностью исчезли домашняя выделка льняных полотен, домашнее ткачество, хотя в некоторых семьях сохранились в рабочем состоянии ткацкие станки. Забыты приемы лаптеплетения. Из всех домашних ремесел осталось лишь вязание из шерсти носков, теплых чулок, варежек.

В послевоенные годы окончательно определился тип застройки селений чувашей Западной Сибири. Все они имеют уличную планировку. В центре их обычно находится сельсовет или контора отделения, клуб, магазин, почта, почти всегда школа. На окраине или за огородами параллельно улице располагаются машинный двор, склады и хранилища, поодаль от них скотный двор и молокоприемный пункт.

За последние 10—15 лет в немалой степени обновился жилой фонд чувашских поселений. Не менее половины, а местами и более домов возведены в 1960—1980-е гг. Дома располагаются, как и раньше, фасадом на улицу. Существует два варианта расположения сеней:

1) с торца дома, вход в них с улицы через дверь; 2) на противоположной фасаду стороне с входом с торца. Какой-либо зависимости устройства сеней от этнической (групповой) принадлежности хозяев дома не прослеживается. Оба варианта существуют равноправно.

Все возведенные в последние десятилетия дома являются пятистенками или же, достаточно часто, крестовиками.

Планировка усадьбы практически не изменилась, по сути, она наиболее оптимальна для Западной Сибири. Пожалуй, единственной новацией стало включение в комплекс хозяйственных построек гаража.

В 1980-е гг. строительство жилья чаще всего велось за счет совхозов и колхозов, но в основном с использованием традиционной строительной техники. Дома, построенные из кирпича или бетона, не пользуются заметным спросом, большинство предпочитают рубленые.

Снаружи современное жилище сибирских чувашей, как правило, ярко украшено — резной или расписной орнамент на наличниках окон, калитке, воротах, палисаде, окрашенный в «елочку» фронто́н дома. Орнамент на чувашских жилищах в Западной Сибири сочетает в себе мотивы как традиционно чувашские, так и перенятые от окружающего русского населения. В то же время выделить исконно национальные формы становится все труднее, одной из причин чего, на наш взгляд, является географическая и культурная оторванность от населения Чувашии.

Интерьеры современных домов претерпели весьма значительные изменения. Практически полностью исчезла из обихода стационарная мебель: нары, лавки, полати. Повсеместно в быт чувашей Западной Сибири вошла передвижная мебель — стулья, столы, кровати, шкафы фабричного производства. В последнее десятилетие многие сельские чувашские семьи, особенно молодые, приобретают наборы корпусной мебели, обладание которыми стало элементом престижа.

Все дома чувашей радиофицированы, практически каждая семья имеет телевизор, иногда два, а также другую радиоэлектронную технику. Широко распростране-

ны электробытовые приборы — холодильники, стиральные и швейные машины, пылесосы и т.д. Во внутренней отделке жилища наряду с традиционной для сибирских чувашей побелкой все чаще используется оклейка обоями. Традиционная утварь исчезает из обихода, подавляющее большинство наших информаторов (85,6 %) не имеет ни одного такого предмета.

Следует отметить следующий, на наш взгляд, интересный момент. Несмотря на то, что этнически маркирующие элементы в той или иной мере сохраняются примерно в $\frac{2}{3}$ домов в чувашско-сибирских деревнях, отметили их наличие в своем жилище менее 13 % наших информаторов: в планировке дома — 2,7 %, в положении печи — 5,6, в украшении жилища — 2,5, в его отделке — 3,2 %. Считают, что не сохранилось ничего, 87,3 % опрошенных.

Весьма значительно изменилась за последние 20—30 лет одежда чувашей Западной Сибири. Преобладающим типом ее стала общеупотребительная современная одежда. 98,6 % наших информаторов не видят в своих костюмах каких-либо отличий от одежды окружающего русского населения.

Процесс нивелировки национально окрашенных черт в одежде и ее унификации с одеждой общемирового стандарта у чувашей Западной Сибири был стремителен. Подтверждением этому служит факт, что еще в начале 1970-х гг. во многих семьях имелись традиционные народные костюмы, использовавшиеся на праздниках и свадебных торжествах. Сейчас лишь 3,3 % опрошенных нами имеют предметы национальной одежды или обуви. Этому в немалой степени способствует возможность приобрести одежду промышленного производства, в связи с чем, естественно, уменьшается потребность в самостоятельном ее изготовлении. Так, лишь 23,2 % наших информаторов самостоятельно изготавливают белье, 39,1 % — легкое платье, 12,6 % — верхнюю одежду. Необходимо учесть при этом то, что значительное место здесь занимает одежда для детей. Достаточно интересен, на наш взгляд, тот факт, что домашнее изготовление этих видов одежды практикуется в семьях опрошенных,

принадлежащих ко всем возрастным группам, и их показатели находятся примерно на одном уровне.

Процесс утрачивания национально-специфических черт в одежде не обошел стороной и такой ее вид, как обрядовая одежда. В наше время обрядовый костюм как таковой не существует, его функции в зависимости от обстоятельств выполняет повседневная одежда с теми или иными отличиями. К таковым мы относим темные тона в одежде, темные головные женские платки на похоронах и поминках либо обязательное наличие каких-либо светлых, ярких элементов в праздничном костюме на свадьбах, юбилеях и т.п. Интересно здесь то, что в данном случае срабатывает механизм переноса знаковых функций с одного этнически окрашенного семиотического комплекса (традиционная одежда + традиционные украшения / состав одежды + орнамент + наличие украшений) на другой, интерэтнический (повседневная одежда + украшения / состав одежды + цвет + наличие украшений).

Необходимо заметить также, что традиционные народные украшения у чувашей Западной Сибири прекратили свое активное бытование либо исчезли вовсе, будучи замененными ювелирными изделиями массового производства.

Изменения в пище чувашей Западной Сибири как компоненты культуры этноса представляют для нас особый интерес. Он обусловлен, во-первых, наиболее относительной устойчивостью системы питания в материальной культуре в целом и, во-вторых, тем, что пища имеет этномаркирующее значение и, таким образом, напрямую связана с этническим самосознанием этнофоров.

Современная кухня чувашей Западной Сибири сохранила в своей основе веками складывающуюся систему питания, базирующуюся на сочетании продуктов полевого земледелия, огородничества и домашнего животноводства. При этом употребление некоторых видов пищи, ранее имевшее выраженный сезонный характер (мясо, молоко), стало круглогодичным. Произошло это за счет того, что в зимнее время колхозники и рабочие совхозов имеют возможность получить с молочно-то-

варных ферм молоко и молокопродукты. Что же касается мяса, то за послевоенные десятилетия сибирскими чувашами были успешно освоены ранее не применявшиеся или редко использовавшиеся способы его консервирования. Таковыми являются замораживание на ледниках и в морозильных камерах, вяление, высушивание томлением в печи, копчение мяса и сала, консервирование тушеного мяса стерилизацией в герметически закупоренных емкостях.

Прежде чем охарактеризовать состав и структуру современной кухни чувашей Западной Сибири, рассмотрим их предпочтения в употреблении различных видов мяса. Наибольшей популярностью у сибирских чувашей пользуется свинина (ее предпочитает 93,5 % опрошенных), следующая — говядина (80,6 %), затем мясо птицы (74,2 %) и баранина (66,5 %), конина употребляется только 13,0 % наших информаторов, причем чаще всего за неимением другого мяса.

Среди чувашей Западной Сибири значительно сузился набор блюд национальной кухни. Нами отмечено современное бытование следующих кушаний: *хуран-кукли*, *хуплу*, *пуремэч*, лепешки из кислого и пресного теста, оладьи, *чокот*, творог с яйцом, овсяная, пшенная и тыквенная каши, гороховый суп, крупяные супы, простокваша с луком и с яйцом, галушки (или закрутка), *шартан*, *шаркку*, копченое сало, жареный картофель с мясом, из напитков — пиво, простокваша, овсяный кисель.

Такой достаточно скудный набор блюд национальной кухни у чувашей Западной Сибири прямо коррелирует с уровнем знания ими национальных блюд. При опросе 40,9 % наших информаторов не назвали ни одного блюда, идентифицированного ими как чувашского, одно—три кушанья смогли назвать только 26,9 % опрошенных, а четыре и более — 32,2 %. Причем эти показатели являются практически средними для всех возрастных групп.

Пища чувашей Западной Сибири испытывает огромное воздействие русской культурной традиции, сложившейся в этом регионе. Посредством его в рацион сибирских чувашей вошли крепкие мясные бульоны, на ос-

нове которых готовятся супы из картофеля и капусты, других овощей (типа русских щей, борща), новые мясные блюда — пельмени, мясные пироги (подобные русскому курнику), холодец, жареное и тушеное мясо, сметана. В напитках главным нововведением стал чай, он употребляется ежедневно, особенно среди младших возрастных групп.

Итак, исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующие выводы.

1. Хозяйство чувашей Западной Сибири на современном этапе представляет собой достаточно развитое сельскохозяйственное производство на основе полеводства и мясомолочного животноводства. Некоторые традиционные черты прослеживаются в домашнем хозяйстве, но домашние ремесла и связанные с ними трудовые навыки практически исчезли.

2. Основной тенденцией в развитии этнокультурных процессов в этой сфере является нивелировка этнически значимых черт в материальной культуре и развитие процесса унификации ее с вненациональными формами культуры. Сохранение традиционных национальных черт фиксируется более всего в жилище и пище.

3. В современной, так же как и в традиционной, материальной культуре чувашей Западной Сибири продолжает отчетливо наблюдаться этнолокальная специфика, сложившаяся к 1920—1930-м гг. в результате смешения выходцев из различных районов Чувашии и других областей Поволжья, а также активности культурообмена с местным русским и татарским населением. Это проявляется в формировании единого комплекса различных черт культуры чувашских этнических групп — *вирьял* и *анатри*, в многочисленных культурных заимствованиях, отраженных в общих, интегрированных чертах в жилище и системе питания.

Исследование духовной культуры сибирских чувашей построено нами на рассмотрении их национально-культурных ориентаций: на выявлении уровня культурно-досуговой активности чувашей-сибиряков и ее воздействия на систему их ценностных ориентаций и на характеристике системы обрядов и обычаев и ее роли в транс-

миссии этнической культуры в исследуемом нами массиве.

При ответе на вопрос «Каких поэтов и писателей своего народа Вы знаете?» 92,7 % наших информаторов не смогли назвать ни одного имени, при этом выяснилось, что одного-трех писателей знают 7 % опрошенных и лишь 0,3 % вспомнили четыре имени и более. Примечательно, что процент тех, кто ответил на вопрос отрицательно, находится на одном примерно уровне (с отклонением в 5 %) во всех половозрастных группах, за единственным исключением — группы женщин 30—34 лет (80 % опрошенных). При анализе по социально-профессиональному признаку ситуация была аналогичной. Еще более разительные результаты получены при выяснении уровня знания опрашиваемыми легенд, преданий и сказок чувашского народа. В половине из 12 половозрастных групп число, не назвавших ни одного произведения, было абсолютным (100 %), в остальных группах положение было лишь немногим лучше.

Весьма показательны в этом плане также национальные предпочтения сибирских чувашей в сфере музыки и танцев. Музыкальные интересы наших информаторов оказались достаточно широкими и своеобразными. Русские народные песни предпочитает слушать и петь большее число респондентов (60,9 %), нежели чувашские народные песни (48,9 % опрошенных). Это же положение характерно и для ответов о предпочтении танцев — русским народным было отдано 56,8 %, а народным чувашским — лишь 40,0 %.

В последние десятилетия у чувашей, проживающих в Западно-Сибирском регионе, основательно изменилась сама культурно-бытовая база досуга. Это, а также то, что благодаря все большему распространению в сельских чувашских семьях Западной Сибири предметов бытового назначения, способствующих сокращению затрат личного времени на работу по хозяйству, и создает условия для досуга, а также значительно большего разнообразия его форм. Существование такой культурно-материальной базы обеспечило достаточно широкий выбор культурно-досуговых занятий чувашами обследованных областей.

Основное место в структуре культурно-досуговых занятий занимает рукоделие, чтение и просмотр телепередач. Причем, если в первом случае мотивация носит во многом смыслообразующий характер («по необходимости», «это нужно»), то мотивы других занятий — «фаворитов» — являются побудительными («необходимо отдохнуть», «просто убить время»).

Наши информаторы читать (регулярно читают 21,7 % опрошенных) предпочитают в основном литературу, изданную на русском языке. Необходимо заметить, что, несмотря на то, что 45,2 % информаторов посещают клуб или Дворец культуры, роль этих учреждений в проведении досуга весьма невелика. Крайне незначителен удельный вес организованных форм досуговой деятельности художественной самодеятельности, кружковой работы. Очень небольшое место в досуге сельских чувашей Сибири занимают занятия, несущие в себе интеллектуально-утилитарное начало — ремонт техники, домашнее строительство и ремесло (исключая женские рукоделия). Охотой и рыболовством увлекается очень немного наших информаторов, что, видимо, объясняется непопулярностью этих видов деятельности.

Многие семьи сибирских чувашей имеют домашние библиотеки, объем которых у 9,7 % опрошенных превышает 100 томов.

Итак, в культурных ориентациях опрошенных нами сибирских чувашей наблюдается сильный сдвиг в сторону русской культуры, выбор которой совмещен с ориентацией молодежи на более широкое и глубокое потребление общественных форм, культуры, стремлением к улучшению производственных и культурно-бытовых условий жизни. Эта переориентация чувашей Западной Сибири с национальной культуры на русскую не только подтверждает общую тенденцию в этой сфере у других народов России, но и опережает ее по темпам.

Одна из существенно важных сфер духовной культуры этноса — обрядность, в первую очередь календарная и семейная. Эти виды обрядов были выбраны нами для характеристики состояния обрядности у чувашей Западной Сибири в связи с тем, что именно они несут основ-

ную этническую нагрузку. Кроме того, изучение обрядности помогает раскрыть механизм передачи этнической информации.

Наиболее определенным и значительным индикатором сохранения традиций и состояния семейной обрядности в целом является свадьба. С сожалением мы вынуждены констатировать, что традиционная свадьба у чувашей Западной Сибири не существует как феномен культуры — нам ни разу не удалось записать ни от одного информатора полного описания традиционного свадебного обряда. Вряд ли возможна также и полная реконструкция его на основе разрозненных сообщений и описаний. Под «народной» свадьбой в нашем опросе фигурирует обряд, включающий в себя, как правило, элементы, идентифицированные респондентами как национальные. В основном свадьба у сибирских чувашей представляет собой домашнее застолье, проходящее после торжественной регистрации в загсе или сельсовете (66,8 % опрошенных), второе место занимает такое же застолье, но включающее в себя традиционные (чаще все же русские) элементы свадебного обряда (30,1 %).

Необходимо заметить, что в свадьбе, как и в погребальном обряде чувашей-сибиряков, все чаще проявляются прямые заимствования из аналогичных обрядов окружающего русского населения, причем, как правило, в редуцированной форме. Этому, кстати, немало способствует и общая с русскими конфессиональная принадлежность.

Что же касается современных родинных обрядов, то предпочтения сибирских чувашей в проективной ситуации расположились следующим образом, %: торжественная регистрация в загсе — 59,2, домашнее торжество — 21,7, крещение — 24,7, не желают отмечать — 20,9.

Интересно, что четверть опрошенных предпочла крещение ребенка, что, на наш взгляд, связано с общим положительным отношением сибирских чувашей к этому обряду.

Поскольку прямой вопрос об отношении информатора к религии не задавался, мы считаем возможным

для выяснения места религии в духовной жизни чувашей использовать ответы на вопрос о религиозных праздниках в семьях респондентов. Обнаружилось, что такие празднуются в семьях 68 % опрошенных, причем церковные праздники заменили в сознании сибирских чувашей традиционные.

Таким образом, мы можем констатировать, что в связи со слабым проявлением иных этнических определителей в обрядовых структурах у сибирских чувашей этномаркирующие функции берет на себя религия, но не как таковая, а лишь ее внешняя форма. Последний тезис подтверждается, в частности, структурой наиболее известных респондентам церковных праздников — это Пасха, Троица и Рождество, имеющих привлекательное оформление. Остаточное религиозное сознание проявляется также и в формах проведения похоронного обряда чувашами-сибиряками. Несмотря на то, что похоронно-поминальные обряды — как правило, наиболее устойчивый элемент духовной культуры этноса, похоронный обряд у сибирских чувашей претерпел глубокую трансформацию, являя собой в некоторой степени измененный аналог бытующего у проживающих рядом русских погребального обряда. Фактически повсеместно современный гражданский обряд сопровождается следующими за погребением поминками на 9-й, 40-й день и через год. На могилу ставят металлическую тумбу или пирамиду, увенчанную пятиконечной звездой или православным крестом, реже большой деревянный надмогильный крест. Последний в данном случае выступит не только в качестве религиозного символа, но и как этнический определитель. Это становится более понятным, если учесть, что соседями сибирских чувашей нередко являются татары-мусульмане, от которых они себя отличают по религиозному признаку.

Основываясь на приведенных материалах, правомерны следующие выводы.

1. В духовной жизни чувашей Западной Сибири так же, как это происходит в материальной культуре, главным направлением развития является стирание в ней

этноспецифичных черт и замена традиционных элементов культуры на общероссийские эквиваленты.

2. У сибирских чувашей значительно нарушен и относительно слабо действует механизм трансмиссии этнической культуры и «вертикальных» (межпоколенных) связей. При этом средства массовой информации не могут заменить неформальное межличностное общение в связи с тем, что они не несут такую функцию вообще.

3. Традиционные формы национальной культуры занимают все менее заметное место в ориентациях чувашей Западной Сибири. Этнокультурные ориентации чувашей-сибиряков в целом развиты недостаточно, что усугубляется резким отставанием культурно-просветительных учреждений от уровня удовлетворения национальных потребностей сельских чувашей. Это, а также недостаточное развитие материально-культурной базы в селениях вызывает неудовлетворение части сибирских чувашей, особенно молодежи, как условиями досуга, так и работой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Материальная культура: Свод этнографических понятий и терминов.* — М., 1989. — Вып. 3. — С. 13.

² *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чувашей. — Чебоксары, 1928; *Чуваши.* — Чебоксары, 1956. — Т. 1. — С. 115—147; *Дмитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма. — Чебоксары, 1986. — С. 422—432; *Фокин П.П.* Земледелие и земледельческие орудия в северных и северо-восточных районах Чувашского края во второй половине XIX — начале XX вв. // *Бытовая культура чувашей.* — Чебоксары, 1985. — С. 3—29; *Он же.* Земледелие и земледельческие орудия крестьян южных и юго-восточных районов Чувашии во второй половине XIX — начале XX вв. // *Традиционное хозяйство и культура чувашей.* — Чебоксары, 1988. — С. 5—52.

³ *Фокин П.П.* Земледелие и земледельческие орудия... — С. 8; *Он же.* Земледелие и земледельческие орудия крестьян... — С. 37.

⁴ МЭЭ ОмГУ. — 1981. — Л. 1167—1169.

⁵ *Фокин П.П.* Земледелие и земледельческие орудия... — С. 8; *Он же.* Земледелие и земледельческие орудия крестьян... — С. 37.

⁶ МЭЭ ОмГУ. — 1981. — Л. 5; МЭЭ ОмГУ. — 1982. — Л. 249.

⁷ МЭЭ ОмГУ. — 1980. — Л. 8, 12.

⁸ *Дмитриев В.Д.* Чувашия... — С. 321.

⁹ МЭЭ ОмГУ. — 1980. — Л. 1, 46.

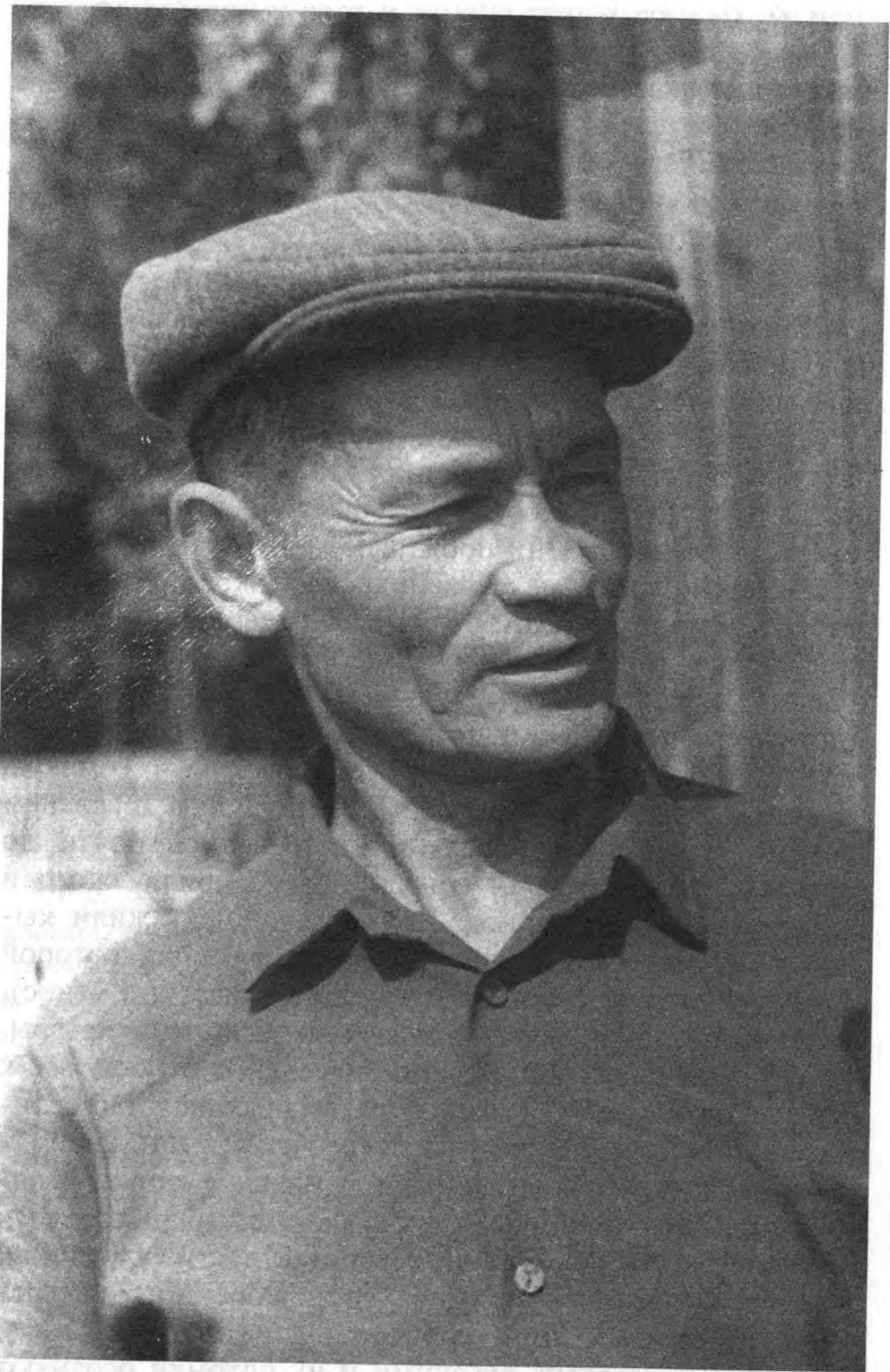
¹⁰ Матвеев Г.Б. Крестьянская строительная техника: (Северо-западные районы Чувашии) // Вопросы материальной культуры чувашского народа. — Чебоксары, 1986. — С. 39—42.

¹¹ Там же. — С. 43—44.

¹² МЭЭ ОмГУ. — 1980. — Л. 46; МЭЭ ОмГУ. — 1987. — Л. 75.

8. ЧУЛЫМСКИЕ ТЮРКИ

Живописный берег Чулыма, а вокруг бескрайняя заболоченная равнинная тайга — среда обитания современных чулымских тюрков. Их поселения располагаются по берегам полноводной реки, именуемой на языке местных жителей Июс. Современная этническая территория чулымцев в несколько раз меньше той, что была, скажем, сто лет назад. Они проживают в чулымской пойме, в Тюхтетском районе Красноярского края и Тегульдетском районе Томской области. До революции чулымские тюрки встречались и выше, и ниже по течению Чулыма, а если заглянуть дальше в глубь веков — то по многим его притокам и по другим рекам на обширной территории, входящей ныне в Кемеровскую и Томскую области и Красноярский край¹. К концу XIX в. в верхнем течении Чулыма их поселения встречались почти до Ачинска, на территории современных Бирилюсского и Большеулуйского районов. Ближе к Ачинску жили кызыльцы (этническая общность, основная часть которой обитала к югу от Ачинска и вошла в хакасский этнос), севернее находились так называемые мелетские татары, а в Томской губернии коренное население относилось к Тутальской волости². К западу от тутальских татар селились татары Аргунской, Кизылдеевской, Ячинской и других волостей³. Современные чулымские тюрки являются прямыми потомками тутальских татар (в пределах Тегульдетского района) и северной части мелетских (Тюхтетский район). Большая часть коренного населения за пределами этой территории еще в начале XX в. была ассимилирована русскими и их потомки осознают себя русскими. Ассимиляция началась там давно, на первые десятилетия советской власти приходится лишь заключительная часть этого долгого процесса.

Представитель чулымских тюрков Николай Иванович Байдашев
(с. Тегульдет Томской области).

Коренное население причулымья — тюркское. Язык чулымцев, обитающих в бассейне Верхнего Чулыма, тяготеет к хакасскому и может рассматриваться в качестве одного из его периферийных диалектов. У языка жителей бассейна Среднего Чулыма прослеживается связь с томско-татарскими и барабинскими говорами⁴.

По антропологическим признакам чулымские тюрки относятся к уральскому типу, т.е. представляют собой один из вариантов монголоидно-европеоидных смешанных типов при явном преобладании монголоидных черт.

До революции чулымцы, как и многие другие тюркоязычные народы нашей страны, именовались татарами с добавлением названия административного рода или волости — мелетские, тутальские и т.п. В ходу был термин «исашные» (искаженное «ясачные», т.е. платящие *ясак* — налог пушниной). Единого, четкого самосознания у этой этнической общности, видимо, не сформировалось, что создало определенные трудности в период национального строительства. В 1920-е гг. было решено коренное население Чулыма записать хакасами, так как это наиболее близкий по языку и культуре народ. До сих

Женщины — представительницы чулымских тюрков.

пор чулымские тюрки именуются официально (по документам, в паспортах) хакасами. Это создает трудности в выяснении их общей численности по стране.

Численность чулымских тюрков до революции известна из нескольких источников. Тутальских татар в 1858 г. оказалось 893 чел., а чулымцев Енисейской губернии в 1859 г. — 1039 чел.⁵ Если территория тутальских татар целиком вошла в современные этнические границы чулымцев, то современные этнические границы заняли лишь часть территории мелетских татар. По данным переписи 1897 г.⁶, чулымцев, проживающих к северу от Ачинска в пределах Енисейской губернии, оказалось 1371 чел., но из них только 270 находились на территории, занятой сейчас их потомками, остальные попали в зону ассимиляции, поэтому предками современных чулымцев не являются. Кстати, по данным этой переписи, разница в этнической судьбе двух частей мелетских татар заметна: все, проживавшие в пределах современной этнической территории, говорили в 1897 г. на родном языке, а все, кто жил выше по течению Чулыма, — на русском. Таким образом, современные чулымцы являются прямыми потомками тутальских татар и населения северо-западной части Мелецкой волости.

По материалам переписи населения и похозяйственных книг сельсоветов в Тегульдетском районе в 1957 г. было 876 хакасов⁷, в 1979 г. — 569⁸, а в 1986 г. — 505 чел.⁹ В Красноярском крае в Тюхтетском и Бирилюсском районах их было по переписи 1970 г. 232, в 1979 г. — 192¹⁰, в 1986 г. (данные экспедиции) — 134 чел. Таким образом, сейчас на основной территории обитания живет 639 чел.

В конце XIX в. и середине XX в. численность чулымцев, несомненно, подвергалась колебаниям, но существенно не изменилась, а затем началось неуклонное и довольно быстрое снижение.

Основными занятиями чулымских тюрков до революции были охота и рыболовство¹¹. Но более прогрессивные виды хозяйственной деятельности — земледелие и скотоводство — постепенно продвигались из лесостепи на север, в тайгу. Земледелие в более или менее замет-

ных масштабах распространилось уже в советское время, скотоводство появилось несколько раньше.

Этнические контакты чулымских тюрков к началу XX в. ограничились в основном русскими, которые стали соседями чулымцев с запада, юга, востока. Далеко на севере отделенные массивом непроходимой тайги проживали селькупы, но лишь охотники, уходившие в промысловый сезон за сотни километров от дома, эпизодически встречались с ними. В более отдаленных от нас временах можно обнаружить интенсивные контакты с селькупами, кетами, некоторыми группами сибирских татар¹², но это не входит в задачи данной работы.

Сравнительно невысокий уровень социально-экономического развития и небольшая численность чулымцев препятствовали формированию особого этноса с четким самосознанием, а отдаленность от Хакасии исключила их консолидацию с другими тюрками юга Енисейской губернии в единую хакасскую народность, как произошло, например, с кызыльцами верховьев Чулыма, жившими в непосредственном соседстве с другими тюркскими этническими группами, составившими хакасскую народность.

У чулымцев сложилась относительная этническая однородность, чему способствовала большая подвижность коренного населения. Они часто переселялись вверх и вниз по Чулыму в пределах своей этнической территории, вследствие этого языковые, культурные особенности отдельных территориальных групп сглаживались. Четко выраженных этнических границ между территориальными группами чулымцев сейчас нет, осталось лишь представление о «верхних» (т.е. живущих выше по течению Чулыма) и «нижних», при этом часто сами информаторы относят себя к «средним». Четкого разграничения между чулымцами Томской области и Красноярского края тоже незаметно, видимо, административная граница не явилась препятствием для контактов потомков тутальских и мелетских татар. Да и сами термины «тутальские», «мелетские» почти исчезли. В Тегульдетском районе несколько стариков в 1986 г. еще помнили слово «тутальские», а вот знающих термин «мелетские» мне найти не удалось. Исследователь Э.Л. Львова в недале-

ком прошлом еще застала помнящих этот термин¹³, видимо, он исчез совсем недавно.

Этнографических различий в разных территориальных группах чулымцев сейчас явно недостаточно, чтобы выделить среди них особые этнические группы, можно говорить о высоком уровне единства всей группы. Различия в говорах сохраняются, но они не четки и не имеют определенных границ — существует явление лингвистической непрерывности.

Наиболее характерные этнические процессы в советский период — межэтническая интеграция до 1950-х гг., сближение с русскими, которое позже переросло в ассимиляцию. Это относится к современной территории расселения чулымцев, а в местностях выше и ниже по течению Чулыма в советский период ассимиляция уже завершилась.

Одним из факторов, ускорившим процесс ассимиляции чулымцев, стало изменение этнодемографической ситуации. С 1930-х гг. в бассейн Чулыма хлынул поток вольных и невольных переселенцев, и к 1950-м гг. пришлое население многократно превысило число коренных жителей. Например, в 1957 г. общее население Тегульдетского района составило 18,6 тыс. чел., из которых лишь 4,7 % значились хакасами¹⁴. То же происходило и в местах расселения чулымцев в Красноярском крае, и это не могло не сказаться на этнических процессах. Правда, надо отметить, что до 1950-х гг. наблюдался отдельный характер расселения коренного и пришлого населения. В селах Тарлаганы, Пуштаково, Тюзюны, ст. Шумилово, Куяны, Амачеево, Костино, Кольчеково, Тюляпсы, Кульбень и др. чулымцы составляли высокий процент или даже большинство населения. В то время этническая специфика чулымцев сохранялась и передавалась следующим поколениям, дети еще понимали родной язык.

В 1960—1970-х гг. в период укрупнения сел исчезли десятки мелких населенных пунктов, причем в «неперспективные» попали почти все поселки коренного населения. За последние 30 лет подавляющее большинство чулымцев переселено из мелких сравнительно однород-

ных по национальному составу сел в крупные с преобладающим пришлым населением. Сейчас лишь 19,7 % взрослых чулымцев живут там, где родились. Это связано с единичными переездами, но главное в массовых переселениях из «неперспективных» сел. Для Тегульдетского района заметно стягивание коренного населения с окраин к центру. За 30 лет в восточной части района коренное население сократилось на 71 %, в западной — на 67, а в центре возросло на 27 %. Особенно большое число переселенцев в районном центре (с. Тегульдет). В нем сейчас проживает более половины всего коренного населения района — 58,3 %, а в 1956 г. здесь жило только 20,3 % чулымцев¹⁵.

В Красноярском крае исчезли практически все села с коренным населением, чулымцы сосредоточены только в с. Пасечном, которое в прошлом было русским. Сейчас чулымцы составляют в нем более половины населения: 106 из 206 чел. Еще 17 чулымцев проживают в соседнем большом с. Чиндат — центральной усадьбе колхоза, к которому относится и Пасечное. Из всех поселений чулымцев жизнь пока теплится только в с. Амачеево, где проживает супружеская чета преклонного возраста¹⁶. Рассредоточенность чулымцев в Тегульдетском районе больше, чем в Тюхтетском, — они расселены по многим селам, причем в селах с резким преобладанием пришлого населения (свыше 90 %) живет 67,5 % чулымцев, а в смешанных селах, т.е. таких, где чулымцы составляют от четверти до половины населения, — 32,5 %.

Наблюдается взаимное переселение между двумя районами, причем преобладающее направление миграции — вниз по реке, из Красноярского края в Томскую область. В Тегульдетском районе, по данным опроса, 54 чулымца (или 14,2 %) оказались уроженцами Красноярского края (по отношению к чулымцам Красноярского края это составляет 35,5 %). Обратное движение невелико, в Тюхтетском районе обнаружилось лишь семь уроженцев Тегульдетского района.

Внутри русских сел расселение чулымцев имеет дисперсный характер, концентрации их по отдельным улицам, кварталам, «концам» не наблюдается. Некоторые

наши информаторы показали, что в недалеком прошлом концентрация коренного населения бытовала. Например, в Тегульдете нам называли две-три улицы с якобы традиционно высокой концентрацией жителей коренной национальности. Но изучение похозяйственных книг показало, что в наши дни чулымцы рассредоточены по всему селу. Такое сильное территориальное смешение с численно преобладающим пришлым населением послужило одним из важных факторов ассимиляции.

Большинство чулымцев вследствие такого характера расселения работают в разнонациональных коллективах. При опросе 54,4 % чулымцев сообщили, что работают в коллективах с резким преобладанием иных национальностей, 40,6 — в смешанных и лишь 5,0 % — в однонациональных. Однако 78,2 % опрошенных считают, что национальный состав коллектива не имеет значения, 9,3 % даже предпочитают работать в разнонациональном коллективе и лишь 3,8 % ответили, что предпочли бы однонациональный коллектив.

Смешение в расселении привело к установлению тесных соседских, дружеских и родственных связей с пришлым населением: 76,2 % опрошенных чулымцев имеют друзей иной национальности, а 82,5 % — и родственников.

Одним из проявлений процесса ассимиляции (а также его условием) стали национально-смешанные браки. Число их в течение XX в. постоянно нарастало по мере изменения этнодемографической ситуации, а также вследствие преодоления культурного, социального, языкового барьеров. Уже в 1956—1963 гг. в такие браки вступили 40,6 % чулымцев (в однонациональные браки — 96, в смешанные — 63 чел.). А к настоящему времени в такие браки вступает более половины чулымцев — 55,0 % (1971—1984 гг.: в однонациональные вступили 72, в национально-смешанные — 88 чел.)¹⁷. Чулымцы образуют, по данным этнографической экспедиции 1986 г., 65 однонациональных и 149 национально-смешанных супружеских пар, т.е. в однонациональных браках состоит 130 чел. — менее половины из всех состоящих в браках. Брачными партнерами чулымцев оказались представите-

ли 12 национальностей (табл. 8.1).

В национально-смешанных браках сейчас состоит 58,1 % женщин и 47,6 % мужчин, а в 1950-е гг. было наоборот (табл. 8.2).

Такой высокий уровень национально-смешанной брачности достигается при отсутствии предубеждений к ним. При опросе 25,4 % чулымцев отнеслись к ним положительно, 55,4 % — нейтрально, т.е., по их мнению, национальность при вступлении в брак не имеет значения, и лишь 7,3 % ответили, что предпочитают однонациональный брак.

Такое большое количество национально-смешанных браков ведет к появлению значительного числа метисов. В 1978—1984 гг. 67,6 % новорожденных появлялись на свет в национально-смешанных семьях (всего за эти годы родилось 170 детей, у 115 из них один из родителей был иной национальности, в основном русской). Запись генеалогий чулымцев показала, что ту или иную долю инонациональной примеси имеет 42 % современных чулымцев. Причем если среди пожилых людей доля лиц смешанного происхождения составляет четвертую часть,

Таблица 8.1

Супружеские пары
чулымских тюрков в 1986 г.

Национальность	Чулымские тюрки	
	мужчины	женщины
Чулымские тюрки	65	65
Русские	50	70
Чуваши	4	1
Белорусы	2	3
Мордва	1	3
Украинцы	1	4
Коми	1	—
Молдаване	—	1
Узбеки	—	2
Буряты	—	1
Грузины	—	1
Татары	—	2
Латыши	—	2

Таблица 8.2

Браки чулымских тюрков Тегульдетского района

Год	Пол	Однонациональные браки	Национально-смешанные браки	% национально-смешанных браков
1957	Мужчины	95	52	35,4
	Женщины	95	34	26,3
1986	Мужчины	52	51	49,5
	Женщины	52	75	59,1

то среди детей до 10 лет — 63,9 %. Из 42 % метисов 28,8 % имеют лишь небольшую примесь европеоидности, у них русским был отдаленный предок, у 11,3 % — один из родителей русский, у 1,9 % — иной (кроме русской) национальности. Судя по большому количеству национально-смешанных браков, можно было бы ожидать еще большей степени метисации, и это, несомненно, произошло, если бы все метисы считали себя чулымцами. Но оказалось, что большинство метисов зарегистрировано русскими и лишь 18,2 % из них — хакасами (подсчитано по похозяйственным книгам). Возможно эта цифра еще меньше, так как нам встречались метисы, записанные хакасами, но относящие себя к русским.

Такое предпочтение в национальной ориентации лиц смешанного происхождения указывает на общий ход этнических процессов в этом регионе — ассимиляцию чулымских тюрков русскими, кроме того, это сильно влияет на демографические процессы в сторону уменьшения численности чулымцев. Численные потери вследствие смешанных браков и национального самоопределения подростков на определенном этапе превысили естественный прирост, и численность чулымцев стала падать. Нам удалось реконструировать по статистическим данным развертывание этого процесса с учетом как собственно демографических показателей, так и этнических процессов. Получен следующий результат по Тегульдетскому району: в 1957—1959 гг. общий коэффициент рождаемости составил 3,1 %, смертности — 1,1, прирост — 2,0 %, соответственно в 1979—1981 гг. 1,5 и 1,7 %, убыль — 0,2 %, в 1982—1984 гг. 1,6 и 2,3 %, убыль — 0,7 %.

В 1957 г. дети до 15 лет составили в общей численности чулымцев 31,2 %, сейчас — 17,2 %, а пожилых людей старше 60 лет было 9,9 %, стало 14,7 %, т.е. наблюдается прогрессирующее старение населения. Наиболее многочисленная возрастная группа 20—29 лет (122 чел.), а далее идет убывание: 10—19 лет (91 чел.), 0—9 лет (83 чел.).

На первый взгляд может показаться, что уменьшение численности происходит под влиянием роста смерт-

ности. Но это не так. На это влияет процесс перехода детей-метисов на русское самосознание, что ведет к падению общей доли детей и к автоматическому росту доли пожилых людей и стариков и повышает общий коэффициент смертности (но не смертность!).

Однако, как оказалось, ассимиляция — не единственная причина падения числа чулымцев. Вычисления показали, что в Тегульдетском районе коренное население, составляющее в 1957 г. 876 чел., должно было бы возрасти к 1970 г. до 1000—1050, а затем вследствие ассимиляции сократиться до 850—900 чел. А оказалось, что их лишь 505 чел. Где же остальные 350—400? Здесь свою роль сыграли уже иные процессы — миграционные. В течение последних 30 лет нарастает процесс выезда чулымцев в города. А так как в этой части Чулыма городов нет, то коренное население покидает свою этническую территорию. Урбанизация обусловлена многими причинами, в том числе общими и для других народов СССР. Миграция чулымцев в города облегчена тем, что за последние десятилетия полностью преодолен языковой, культурный барьер, а характер расселения национальностей в бассейне Чулыма позволил освоиться им в жизни среди инонационального населения. Так как по статистике чулымцы не выделяются среди хакасов, нельзя узнать число чулымцев за пределами своей этнической территории, но косвенные сведения мы получили при опросе. Оказалось, что 57,6 % чулымцев имеют родственников в городах, еще 9,9 % — в сельской местности вне бассейна Чулыма. По приблизительным подсчетам сейчас в городах живет треть чулымцев.

Выезд населения коренной национальности идет вместе с еще более интенсивным оттоком остального населения, в результате общая численность в районе упала с 18,6 тыс. в 1956 г. до 9,1 тыс. в 1986 г.¹⁸ Причин массового оттока населения несколько. В 1950-е гг. выехали тысячи ссыльнопереселенцев. Позже одной из причин миграций оказалось поражение тайги тутовым шелкопрядом, следствием чего было закрытие леспромхозов. Сейчас основная причина миграций — невысокий уровень бытового обслуживания, отставание социально-

культурной базы района, перебои в транспортных связях с административными центрами и др. Район находится в трудных в климатическом и природном плане условиях, долгое время здесь отсутствовали льготы, снятые в годы войны по просьбе населения (отказ от льгот в годы войны был вызван патриотическим порывом). Определить направление миграций чулымцев довольно затруднительно, складывается впечатление, что они разъезжаются по всей стране. Опрошенные называли более сотни городов, но из них в какой-то мере выделяется лишь Томск. В нем по переписи значится 190 хакасов¹⁹, но, как мы установили по данным загса, около двух третей из них — не чулымцы, а выходцы из Хакаской автономной области. Из других городов, в которых живут родственники опрошенных, сравнительно часто называли Ташкент, Москву, Алма-Ату, Новосибирск, Читту, Кемерово и т.д. Часть уехавших со временем по разным причинам возвращается, среди опрошенных 23,1 % когда-то выезжали в города. Миграции продолжаются и сейчас, среди опрошенных оказалось 23,0 %, которых не устраивает настоящее место жительства, они хотели бы его сменить, в том числе 9,3 % планируют покинуть бассейн Чулыма. Цифра не такая уж большая, но если вычленим возрастную группу молодежи, то здесь «масштабы» иные — хотели бы сменить населенный пункт 35,2 % юношей и 40,0 % девушек, значительная часть которых настроена на переезд в город.

Вне поймы Чулыма, в городах ассимиляционные процессы резко убыстряются, почти все горожане, по словам опрошенных нами родственников, состоят в национально-смешанных браках, и дети их к чулымцам себя уже не относят, т.е. ассимиляция в городах завершается уже во втором поколении.

Миграции и ассимиляционные процессы по масштабам значительно превышают естественный прирост чулымцев, и если эти тенденции сохранятся, то уже в начале третьего тысячелетия численность их упадет вдвое и составит около 300 чел.

Сложен и неоднозначен вопрос об этническом самоопределении чулымцев, об их этническом самосознании

и самоназваниях. Отсутствие автономии, письменности, каких-либо учреждений по национальному развитию не способствует росту национального самосознания. Это отразилось и в самоназваниях — их бытует сразу несколько: и на русском, и на родном языке, а если учесть и сочетания этих самоназваний, то их набирается чуть ли не два десятка. Обычно каждый из информаторов приводит по несколько самоназваний, используемых в различных сочетаниях. Среди этнонимов можно встретить на русском языке: хакасы, исашные, чулымцы, инородцы, причулымцы, татары и сочетания: чулымские хакасы, причулымские хакасы, причулымские татары, чулымские хакасы и т.д. На родном языке говорят: *пестен кижилер* (наши люди), *июс кижилер* (чулымские люди), *июс чоным* (чулымский народ), *татарлар* (татары) и т.д. Степень распространенности этих этнонимов неодинакова: этноним хакасы назвали 75,1 % опрошенных, исашные — 34,0, татары (*татарлар*, *татар кижилер*) — 13,7, чулымцы, причулымцы, *июс чоным* и т.п. — 12,7, *пестын кижилер* — 7,0 %, остальные гораздо реже. По возрастным группам различия в использовании этих этнонимов значительны. Все названия на родном языке, а также этнонимы *исашные*, *татары* употребляются в основном пожилыми людьми, в средних возрастах распространен этноним *хакасы*, но встречается и *чулымцы*, у молодежи бытует только один этноним — *хакасы*. Живущие по соседству русские чаще всего используют термин *исашные*, а *хакасы* — только в официальной речи, в документах. К этнониму *исашные* отношение неоднозначное — пожилые люди воспринимают его вполне нормально, а вот молодежь считает его обидным прозвищем.

Вытеснение этнонимом *хакасы* всех остальных по мере смены поколений очевидно, но складывается мнение, что употребление его, скорее, вынужденное, за неимением другого. Чужеродность этого этнонима подмечали и другие исследователи²⁰. Даже молодежь, не использующая других этнонимов, применяет его в довольно оригинальной форме: не «мы хакасы», «я хакас», а «нас записали хакасами», «я по паспорту пишуся хакасом».

Связано это с таким вопросом, как определение местным населением самих себя по отношению к хакасам Хакасской автономной области. При массовом опросе взрослого населения оказалось, что 10,0 % считают себя одним с ними народом, 54,6 — особым, отдельным от хакасов народом, 35,4 % не смогли ответить на вопрос, ссылаясь, что никогда не встречались с хакасами из Хакасии. Большинство тех, кто общался с хакасами, дали отрицательный ответ, так как «язык не сходится». Те, кто объединяет себя с хакасами в один народ, обычно ссылаются на формальный признак: «потому что одинаково называемся». Как видно из данного опроса, большинство чулымцев себя от хакасов отделяет, считает особым народом, и это аргумент в пользу тех исследователей, которые выделяют чулымцев в отдельный этнос. Несомненно, в прошлом чулымцы участвовали в формировании хакасской национальности, но со временем пути разошлись, сказались и географическая удаленность и прекращение связей с Хакасией. Это, видимо, и объясняет тот факт, почему этноним «хакасы» утверждается с трудом. Кроме того, значительная часть местной молодежи настроена на ассимиляцию. Порой некоторые молодые люди как бы стесняются своей национальности, неохотно разговаривают на эти темы, даже болезненно воспринимают принадлежность к иной, чем окружающее население, национальности. Метисы обычно стараются подчеркнуть русское происхождение. Сказалось, видимо, то, что национальному развитию местного населения не уделялось должного внимания, не предпринималось каких-либо попыток по развитию национальной культуры, отсутствует преподавание родного языка в школе, нет своей письменности (хакасская здесь не подходит). Все это не способствовало росту национального самосознания, утверждению национальной гордости и самоуважения.

Интересно мнение чулымцев о степени их родства с другими национальностями. Считают хакасов самым близким, родственным народом 9,4 % опрошенных, если сюда прибавить и тех, кто считает себя с хакасами одним народом, то общая сумма ответов составила 19,4 %

опрошенных. По этому показателю на первом месте оказались казанские татары — 23,4 %, а на втором — хакасы. Далее следуют в порядке убывания казахи — 11,9 %, узбеки — 5,6, киргизы — 4,3 %, остальные гораздо реже. Когда опрошенным предлагалось определить себя внутри самой чулымской общности, т.е. отнести себя к той или иной группе внутри чулымцев, то смогли ответить на вопрос только четверть взрослых, из них 59 чел. назвали себя верхними, 40 — средними, 18 — нижними, причем эти деления были весьма неопределенными и не имели четких границ. Различия, по мнению опрошенных, заключаются в особенностях говора. Мы провели эксперимент — включали записи песен, сделанные в разных селах, и информатор, знающий родной язык, легко определял, где сделана запись, основываясь на особенностях произношения.

Ассимиляционные процессы четко прослеживаются в языке. В настоящее время русский язык распространен среди чулымцев шире, чем родной, общаются на нем чаще не только вне дома, но и в семье (табл. 8.3). Выше и степень владения русским языком (табл. 8.4). Очень велико межпоколенное различие в знании и использовании языков. Назвали родным язык своей национальности 89,4 % чулымцев в возрасте 50 лет и старше, в группе 20—49 лет этот показатель снизился до 41,2 %, а среди молодежи и детей до 20 лет — до 9,8 %. В возрасте до 10 лет лишь 1—2 % в какой-то степени понимают эту

Таблица 8.3

**Общение чулымских татар на русском языке
и языке своей национальности по данным опроса, %**

Язык общения	Количество респондентов	Русский язык	Оба языка	Язык своей национальности
С родителями	609	58,1	11,0	30,9
С супругами	376	67,8	11,2	21,0
С братьями, сестрами	542	74,3	7,2	18,5
С детьми	361	87,2	5,3	7,5
С друзьями	565	70,8	24,2	5,0
На производстве	468	79,3	17,5	3,2
Русский язык	623	53,6	2,1	44,3
Основной разговорный	623	87,9	7,1	5,0

Владение чулымскими тюрками русским языком и языком своей национальности по данным опроса, %

Язык общения	Степень владения				
	свободно	с некоторыми затруднениями	со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
Русский язык	92,4	5,2	2,4	0,0	0,0
Язык своей национальности	31,6	5,1	6,6	23,5	33,2

речь, а свободно не владеет практически ни один. Как к этому явлению отхода от родного языка относятся взрослые? Опрос дал следующий результат: 12,2 % считает, что этот язык нужно преподавать в школе, 52,4 % ответили, что в этом нет необходимости, что делать это «бесполезно», «уже поздно», «надо было раньше». Остальные опрошенные не ответили на этот вопрос, сославшись на то, что никогда над этим не задумывались.

Существуют определенные различия в степени использования языка своей национальности в населенных пунктах в зависимости от их национального состава. В селах, где чулымцы составляют незначительный процент, считают этот язык родным 44,8 % чулымцев, а в селах с более высокой долей коренного населения (от трети до половины) — 50 %. Его основным разговорным назвали 10,1 % опрошенных в первой группе сел и 15,8 % — во второй. Но эти же цифры говорят о том, что разница не слишком велика, а значит характер языковых процессов одинаков на всей территории обитания чулымцев.

Сужение сферы использования родного языка сказалось во всех областях духовной культуры, связанных с языком. Тем не менее 6,3 % опрошенных ответили, что поют песни на родном языке, знают слова хотя бы нескольких песен 11,4 %, в том числе 1,6 % — свыше пяти песен. Нам удалось встретиться с несколькими последними знатоками фольклора, все они пожилые люди. Репертуар их весьма невелик, основную часть его составляют короткие шуточные песни типа частушек, на-

поминающие русские частушки и по содержанию, и по мелодии. Через 10—20 лет, возможно, петь песни на родном языке будет уже некому. Сходная ситуация и в таком виде устного народного творчества, как сказки. Слышали их на родном языке в детстве 30,2 % опрошенных, но помнят хотя бы одну сказку всего 2,5 %. Сейчас сказки детям не рассказывают, так как они не понимают родного языка. Концерты и спектакли на родном языке в репертуаре сельских клубов и домов культуры отсутствуют. Вряд ли можно считать нормальным, что местные русские даже не подозревают о национальном искусстве чулымцев (песни, фольклор), но еще более поражает, что и многие чулымцы при опросе говорили, что они никогда в жизни не слышали песен на родном языке. Вопрос о том, хотели бы они посмотреть концерт, спектакль на родном языке, многих ставил в тупик: «А разве это возможно?» Большинству чулымцев такая возможность даже не приходила в голову. Тем не менее некоторые из опрошенных выразили желание посмотреть концерт — 31,8 %, спектакль — 28,7 %, это в основном те, кто в какой-то степени владеет родным языком, т.е. старшее поколение.

Национальные обряды и обычаи почти ушли из жизни современных чулымцев. Лишь кое-кто из стариков сохранил воспоминания об отдельных элементах свадебных, похоронных, родильных обрядов, но в реальной жизни встретить их практически невозможно. Никаких национальных праздников не сохранилось, коренное население отмечает те же праздники, что и пришлое. О масштабах знания старинных национальных обрядов и обычаев говорят данные опроса: вспомнили хотя бы некоторые элементы погребального обряда 7,1 %, свадебного — 7,6, родильного — 0,9 %, при этом подчеркивалось, что информаторы наблюдали их очень давно, в начале XX в., до революции.

Все виды духовной культуры, связанные с письменностью, обслуживаются целиком русским языком, на этом языке чулымцы читают газеты, художественную литературу и т.д. Обучение в школах всегда было только на русском языке. По словам информаторов, 30—40 лет

назад это затрудняло обучение детей — тогда не все свободно владели русским языком. Сейчас этой проблемы нет — русский язык для детей чулымцев за советский период стал родным. Несмотря на трудности, безграмотность среди чулымцев за советский период ликвидирована. В возрасте 16—59 лет лишь 4,7 % остались неграмотными и 8,9 % — малограмотными. Из остальных начальное образование имеет 20,2 %, неполное среднее — 40,6, полное среднее — 16,2, среднее специальное — 9,4 %. Людей с высшим образованием мы не встретили. Это не значит, что их совсем нет, но они после окончания вуза остаются в городах. Поэтому национальная интеллигенция у чулымцев на основной территории расселения практически отсутствует.

Основные занятия и социальный состав чулымцев изменились за последние десятилетия весьма существенно. Основные традиционные занятия — охота и рыболовство — в последние десятилетия стали любительскими увлечениями. Чулымцы работают в тех же совхозах, колхозах, что и основное население, среди них встречаются механизаторы, трактористы, скотники, доярки и т.д. Руководители и специалисты разных звеньев составляют среди чулымцев 4,3 %, служащие — 3,9, квалифицированные рабочие и механизаторы — 19,3 %. Основная часть населения — 72,5 % — рабочие неквалифицированного, в основном ручного труда. Если сравнить настоящее социальное положение с положением в начале трудовой деятельности, то прослеживается некоторый рост — квалифицированных рабочих стало больше на 3,9 %, служащих — на 2,2, руководителей и специалистов — на 0,7, в то время как неквалифицированных рабочих стало меньше на 6,8 %. Если сравнить социальные группы по поколениям, то прослеживается некоторый рост, но все же социальная структура чулымцев существенно отличается от структуры пришлого населения, среди которых выше доля специалистов, руководителей, служащих, квалифицированных рабочих. Явно завышенную долю среди чулымцев составляют занятия, не пользующиеся высокой престижностью и не требующие особой квалификации, среди мужчин — грузчики, кочегары, сторожа,

Способ ношения берестяного кузова (д. Шумилова Тегульдетского района Томской области).

среди женщин — уборщицы, посудомойки, горничные, няни и тоже сторожа. Низкая квалификация значительной части чулымцев требует принятия особых мер.

Значительные изменения произошли в разных областях материальной культуры чулымцев. Жилища их и окружающего населения сейчас ничем не различаются ни во внешнем оформлении, ни в интерьере. Одна часть коренного населения проживает в собственных домах, другая — в принадлежащих совхозам и т.д. Мебель повсеместно покупная, не имеет национальной специфики, все больше распространяются электроприборы, средства транспорта и т.д. Согласно опросу, автомобили имеют 2,7 % семей чулымцев, пылесосы — 9,5, фотоаппараты — 8,9, магнитофоны — 14,0, велосипеды — 21,5, мотоциклы — 33,8, холодильники — 37,9, приемники — 42,3, швейные машины — 44,7, стиральные машины — 66,2, телевизоры — 76 %. Причем в национально-смешанных семьях все эти показатели выше, чем в однонациональных.

Национальная одежда встретилась у 2,0 % опрошенных и представляет собой части мужского зимнего промышленного костюма — унты, рукавицы, шапки. Не обнаружилось праздничной, летней, женской одежды.

Из традиционной утвари, хозяйственных орудий, средств передвижения и т.п. отдельные предметы имеются у 10 % опрошенных. Чаще всего это долбленая из одного ствола дерева лодка, именуемая по-разному — *стружок*, *обласок*. Нередко встречается она и в русских старожильческих семьях, при этом русские говорили, что заказывали их делать чулымцам. Единичны традиционные предметы охотничьего и рыболовного промыслов. По всему Чулыму обнаружались одни ручные охотничьи нарты. Многие из обнаруженных нами предметов утвари и промыслов уже не используются, вышли из употребления, кроме *обласков* — это, пожалуй, единственный предмет материальной культуры, который не только сохранился, но и заимствован пришлым населением.

Если верить опросу, то национальная кухня среди чулымцев непопулярна — знают два-три блюда всего 12,3 % опрошенных, а готовят их лишь 2,6 % семей. Ос-

Акулина Исаевна Панова в costume с элементами национальной одежды (пос. Белый Яр Томской области).

Мужские сапоги-бродни (д. Шумилова Тегульдетского района
Томской области).

Семья чулымских тюрков у долбленной лодки и нарт.

тальные отвечают, что едят в их семьях то же, что и в русских. Но наши наблюдения показали, что эти сведения не совсем точны. Под национальными блюдами многие информаторы понимают такие, которые отличаются от русских. Но существуют и общие для чулымцев и русских блюда, особенно это касается рыбных. Они также распространены среди русских, поэтому чулымцы их своими национальными блюдами не считают. Но они были у чулымцев и задолго до того, как здесь появились русские, поэтому вполне могут быть отнесены к национальным. А рыбные блюда занимают в рационе чулымцев не такую уж маленькую долю. Из особенностей приготовления рыбы можно отметить большую склонность чулымцев по сравнению с русскими есть ее полусырой, лишь слегка подсолив.

Нельзя не упомянуть и о процессах, которые протекали на территории, где чулымцы жили в прошлом. В 1987 г. нам удалось побывать в Бирилюсском районе. Здесь в конце XIX в. проживало немало чулымцев в селах Щелево, Подкаменка, Усть-Кемчуг, Мелецк, Елань, Бирилюссы. В 1897 г., согласно переписи, они говорили

только по-русски. Фамилии их и тех, кто живет ниже по течению, различаются, это исключает вывод о их переезде на территорию современных чулымцев — там таких фамилий почти нет. Их постигла иная судьба — они были ассимилированы русскими. Было интересно узнать, нет ли среди местных русских фамилий коренного населения. Изучение документации — похозяйственных книг, материалов загса — позволило выявить около 200 чел., носящих фамилии мелетских татар. Живут они в тех же селах, где жили их предки — мелетские татары. Наиболее характерные фамилии для этих мест — Когодеевы, Кускаевы, Маягачевы, Арамачевы, Огрызковы, Сергияковы, Кучешевы, Коктенева и др. Больше всего русских с такими фамилиями сконцентрировано в д. Подкаменка. Проведенная нами запись генеалогий позволила выявить потомков чулымцев в 21 из 28 семей этой деревни, более 60 чел. здесь носили фамилия мелетских татар. Но по внешнему виду местных жителей очень трудно догадаться, что в их жилах течет кровь азиатского народа. Они уже не похожи не только на чистокровных чулымцев, но даже и на метисов. Видимо, смешение с русскими происходило в течение многих поколений и в связи с этим монголоидные черты постепенно исчезли.

Старшее поколение местного русского населения хорошо осведомлено о своем происхождении, предков они именуют только одним термином — *исашные*. Среднее и тем более младшее поколение уже хуже разбираются в своей родословной, а многие даже не знают, что их предки по мужской линии были нерусскими, и не задумывались, почему у них не совсем типичные для русских фамилии. Впрочем, такие фамилии здесь встречаются часто, поэтому носители воспринимают их как обычные русские. Даже местные старики говорили, что их деды «исашные» на своем языке уже не общались. Представления о «исашных», их культуре они получили не от своих обрусевших предков, а от общения с «исашными», живущими ниже по течению Чулыма, которые приезжали изредка по своим делам в их села. Кроме Подкаменки, чулымские фамилии встретились у 45 жителей в с. Полевое, у 19 — в с. Промбор, у 17 — в

с. Линево, у 12 — в с. Щелево и т.д. Но на самом деле потомков мелетских татар здесь гораздо больше, так как многие из них вследствие смешанных браков имеют русские фамилии и по документам их выделить невозможно.

В Полевом мы встретились с Егором Семеновичем Когодеевым, который считает, что он «исашный». Среди его ближайших предков нет ни одного русского. Сам он внешне на чулымца не похож, но это не опровергает его слов, ведь смешение могло произойти несколько поколений назад, о чем не сохранилось семейных преданий. По паспорту Егор Семенович записан русским, и он поведал нам, почему так произошло. В начале 1930-х гг. его призвали в армию и при оформлении документов спросили о национальности. «Исашный», — не задумываясь, ответил он, чем озадачил писарей — они не знали такой национальности и в справочниках не нашли. Поэтому и записали его русским, тем более, что никакого другого языка кроме русского он не знал, да и внешне от русских почти не отличался. Самой ближайшей из его предков, знающей родной язык, была, по его словам, бабушка по матери. Этот рассказ свидетельствует, что мы встретили последнего представителя коренной национальности на этой территории. Жена его также из «исашных», правда, мать ее была русской.

В материальной культуре коренных русских некоторые «следы» их происхождения от чулымцев сохранились — это камусные лыжи, рыболовные принадлежности, обласки. Старейший житель этих мест Г.Ф. Коктнев из с. Мелецк (тоже из «исашных» — самый старший по возрасту из всех коренных жителей района, связанных с происхождением с чулымцами) опроверг предположение, что умение делать обласки перешло по наследству от предков. По его словам, в годы его молодости их покупали у живущих ниже чистокровных чулымцев и только позже научились делать их сами. Если принять эту версию за основу, то получается, что сначала местные чулымцы, обрусев, утеряли какие-то элементы культуры, а потом потомки восстановили их, позаимствовав у соседних чулымцев. Сам Г.Ф. Коктнев считает себя русским, «исашными» у него были оба

деда, а русскими обе бабки. Никто из них по-исашному разговаривать не умел.

Таким образом, можно сделать вывод, что чулымские тюрки переживают трансформацию, ведущую к их ассимиляции русскими. Происходит переход на общение на русском языке, который в младших возрастах уже завершился, смена материальной и духовной культуры, прорыв эндогамии, который ведет к появлению массы метисов, вливающихся в русский этнос, численность населения коренной национальности быстро падает, что усугубляется выездом чулымцев в города, где процессы ассимиляции идут еще интенсивнее. Если темпы этих процессов не изменятся, то в первой четверти XXI в. процесс ассимиляции может полностью завершиться, как это произошло в начале XX в. с коренным населением выше и ниже по течению Чулыма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Львова Э.Л.* Чулымские тюрки (историко-этнографический очерк). — М., 1978; *Томилов Н.А.* Чулымские тюрки в конце XVI — первой четверти XIX вв. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. — Томск, 1987. — С. 145—148.

² *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающее племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). — СПб., 1911. — Т. 2; *Ярилов А.Л.* Мелетские инородцы. — Юрьев, 1899. — С. 23—29.

³ *Томилов Н.А.* Чулымские тюрки... — С. 148.

⁴ *Дульзон А.П.* Тюрки Чулыма и их отношения к хакасам // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. — 1959. — Вып. 7. — С. 101—102; *Он же.* Чулымские татары и их язык // Ученые записки ТГПИ. — Томск, 1952. — С. 76—211.

⁵ *Риттер К.* Земледелие Азии. — СПб., 1877. — С. 555—556.

⁶ *Патканов С.К.* Статистические данные...

⁷ Подсчитано по похозяйственным книгам сельсоветов. Архив Тегульдетского района.

⁸ Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. по Томской области. Архив Томского областного статуправления, форма 9-с.

⁹ Этнографическая экспедиция под руководством автора с участием студентов историков Томского и Кемеровского университетов работала на Чулыме в 1986 г. во всех населенных пунктах, где живут чулымцы. Составлено 623 опросных листа с охватом 97,4% населения коренной национальности. Кроме массового

опроса проводились сбор статистического материала, запись бесед с информаторами, наблюдения и т.д. В дальнейшем цифровые данные опроса приводятся без специальных ссылок.

¹⁰ Итоги Всесоюзных переписей населения 1970 и 1979 гг. по Красноярскому краю. Текущий архив Красноярского краевого статистического управления.

¹¹ *Львова Э.Л.* Чулымские тюрки... — С. 12.

¹² *Томилов Н.А.* Чулымские тюрки... — С. 149—158.

¹³ *Львова Э.Л.* Чулымские тюрки...

¹⁴ Подсчитано по похозяйственным книгам сельсоветов. Список населенных пунктов Тегульдетского района по состоянию на 1 января 1956 года. Архив Тегульдетского района, д. 38.

¹⁵ Подсчитано по похозяйственным книгам Тегульдетского района на 1956 и 1986 гг.

¹⁶ Подсчитано по похозяйственным книгам сельсоветов.

¹⁷ Здесь и далее подсчитано по материалам Тегульдетского и Тюхтетского районных загсов.

¹⁸ Список населенных пунктов Тегульдетского района на 1 января 1986 года. Текущий архив Томского областного статуправления.

¹⁹ Подсчитано по материалам Всесоюзной переписи населения 1979 г. Текущий архив Томского областного статуправления, форма 9-с.

²⁰ *Львова Э.Л.* Предварительный отчет по этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г. // Полевые работы 1969 г. — Томск, 1969. — С. 150.

9. ШОРЦЫ

Шорцы — этническая общность, проживающая в России и являющаяся коренным населением Кемеровской области, а также республик Алтай и Хакасия. В России в 1989 г. численность их составила 15,7 тыс. чел.

Северные шорцы по антропологическим параметрам тяготеют к южно-сибирскому типу, а южные — к уральской малой расе. Говорят они на шорском языке, относящемся к тюркской группе алтайской языковой семьи.

В научной литературе выделены 17 родов (*сеоков*): Кара-Шор, Сары-Шор, Ак-Шор, Таеш, Чорал, Кечин, Кызай, Кобый, Кый, Карга-Челей, Чедибер, Калар, Аба, Себи, Тарткын, Кереш.

В.М. Кимеев в работе «Шорцы. Кто они?», сравнив этнографические особенности представителей этих ро-

насильственная русификация. Так, мужчины, закончившие школу псаломщиков и т.п., могли жениться лишь на русских женщинах¹⁸.

С развитием товарно-денежных отношений на территории Кузнецкого уезда усилились экономические и культурные связи между шорскими локальными группами и родами. За предками современных шорцев закрепились определенная территория, стал складываться общий язык, общие элементы в материальной и духовной культуре шорских групп.

А.В. Анохину удалось описать места обитания кузнецких «инородцев» в начале XX в. Территорией их проживания является восточная часть Кузнецкой тайги, а это среднее и верхнее течение рек Кондомы (Мондым), Мрассы (Прасс) и среднее течение Томи, выше города Кузнецка. С востока она граничит с Енисейской губернией, с р. Матур (Матыр), с севера — с Мариинским уездом Томской губернии, с запада — с г. Кузнецком и с. Кондомским, с юга — с р. Лебедь, впадающей в р. Бию¹⁹.

Расселение шорцев в XIX в., по мнению Б.О. Долгих, в основном совпадало с расселением родов, и названия ясачных волостей соответствовали родовым названиям. Елейская волость — род Челей, Кургинская — Карга и т.д.²⁰

В 1990-е гг. представители родов Кереш, Себи, Тарткын и Аба, Челей, Таеш в основном проживали на родовых территориях²¹. В настоящее время 99,2 % шорцев расселены в России: в Кемеровской области, республиках Хакасия и Алтай. Незначительное число шорцев переселилось в Среднюю Азию и Казахстан, на Украину, в Грузию, Латвию и Литву и нередко ассимилируется преобладающим населением этих регионов.

Городское население сосредоточено в основном в городах Таштагол, Междуреченск, Мыски. В 1989 г. доля шорцев, живущих в городах, составила 73,8 % от общей численности.

В сельской местности шорцы проживают в Каларском, Коуринском, Кызыл-Шорском, Усть-Анзасском, Усть-Кабырзинском, Усть-Колзасском, Чилису-Анзас-

ском сельсоветах Таштагольского района, в Подобасском, Чувашинском сельсоветах Мысковского горсовета, Атамановском, Безруковском, Орловском и Костенковском сельсоветах Новокузнецкого района. По соседству с шорцами живут обычно русские и представители других этносов: телеуты, татары, хакасы, алтайцы, казахи, украинцы, белорусы, немцы и др. В Кемеровской области, по данным переписи 1989 г., в местах наиболее компактного расселения шорцев они составляют всего 0,4 % от всех национальностей, населяющих ее.

По данным нашего опроса, 74,3 % родились в Кемеровской области. Около 17 % опрошенных ответили, что живут в этих местах более 10 лет. Кроме процесса урбанизации, который не обошел и шорцев, отмечаются и внутренние миграции из одного населенного пункта в другой в поисках работы, из-за отсутствия школ в селе, а также по семейным обстоятельствам.

Материалы переписей свидетельствуют о том, что до 1970 г. (в сравнении с 1926 г.) происходил прирост численности шорцев с 12,4 до 14 тыс. чел. В 1979 г. был зафиксирован спад — как на территории Кемеровской области, так и в целом по СССР насчитывалось соответственно 12,8 тыс. и 16 тыс. чел. В 1989 г. отмечено дальнейшее уменьшение численности шорцев до 12,6 тыс. чел. в Кемеровской области и до 15,9 тыс. чел. в СССР.

Рассмотрим этнокультурные процессы, имевшие место у шорцев в XX в.

В 1920-е гг. после восстановления советской власти на юге Сибири был создан отдел по делам национальностей при Сибревкоме, впоследствии Томский губернский подотдел, и в его составе 18 января 1921 г. был образован Кузнецкий уездный подотдел с секцией «Татар-шорцев».

В 1921 г. по решению Нацотдела Сибревкома в места проживания шорцев на юг Томской губернии была направлена специальная экспедиция, которая обследовала условия их жизни. В результате ее деятельности шорцам, занимающимся охотничьим промыслом, возвратили изъятые ружья, стали снабжать их патронами, продуктами питания и промышленными товарами. В Горной

Шории были созданы первые промысловые и лесоповальные артели, за которыми были закреплены охотничьи угодья. Но уже в этот период были предусмотрены расширенные лесоразработки, что, естественно, привело к уменьшению количества промыслового зверя, поэтому население занималось скотоводством, земледелием, сплавом леса, извозом, добычей золота. Функционировали и традиционные промыслы: сбор кедрового ореха, заготовка хмеля и съедобных кореньев.

В период коллективизации в Горно-Шорском районе к 1936 г. уже насчитывалось 220 колхозов, 73 % колхозников составили шорцы. Колхозы создавались по территориальному принципу²².

В лесостепных районах стала развиваться новая отрасль хозяйства — пчеловодство. Для обработки земли применяли тракторы, сенокосилки. В южных районах колхозы оказались нерентабельными из-за небольшого количества земель, пригодных к обработке и невозможности использовать технику на склонах гор. Занимались же здесь в основном животноводством, пчеловодством и сбором кедрового ореха.

Шорцы издавна добывали мед диких пчел, но лишь под влиянием русских перешли к пчеловодству²³. В последние же годы в связи с увеличением вредных насекомых и почти полным прекращением борьбы с ними резко сократилось число пчелосемей.

Рыболовство и собирательство носят подсобный характер. Ловят рыбу сетью, с помощью «корчаги», удочками и т.п. Шорцы в основном занимаются заготовкой лечебных трав: мать-и-мачехи, ромашки, зверобоя, пижмы и др., которыми так богата тайга и склоны гор, собирают и съедобные дикорастущие: колбу (дикий чеснок), корни пиона и т.д. Кроме того, у 80 % семей есть приусадебные участки, где они выращивают овощи, ячмень, а в северной части Горной Шории плодовые деревья и ягоды. При обработке земли используют обычно вилы, грабли, мотыги и т.д. Многие держат крупный рогатый скот, лошадей, птицу.

Часть сельских шорцев работает в местных учреждениях — сельсовете, клубе, библиотеке, школе, магазине.

Основной же доход шорские семьи получают за счет сдачи государству или продажи на рынке орехов, пушнины, меда, лекарственных трав и ягод.

Промышленное освоение этого региона началось в 1930-е гг. Здесь стали развиваться горно-рудная, деревообрабатывающая и золотодобывающая промышленность, появились крупные поселки и города. Дальнейшее промышленное освоение привело в эти места большое количество людей различных национальностей, а многие из них были русские и вскоре шорцы оказались практически вкрапленными в массив пришлого населения. К 1939 г. в Горно-Шорском национальном районе шорцы составляли лишь 10 % его населения. Это было использовано как формальный повод для ликвидации района.

В 1960 г. были ликвидированы как нерентабельные колхозы Горной Шории. В южной части Шории были созданы лесхозы, леспромхозы. Ликвидация коллективных хозяйств сильно повлияла на дальнейшее экономическое и социально-культурное развитие района. Поскольку прекратилось выделение средств на строительство и ремонт объектов соцкультбыта, они постепенно стали приходить в негодность. В конце 1980-х гг. большинство из 13 клубов (на 85 населенных пунктов) находилось в аварийном состоянии. Но и действующие клубы не имеют достаточной материальной базы для работы кружков, спортивных секций, содержания нужного числа культурно-просветительских работников. Поэтому вполне понятно, что более половины опрошенных шорцев недовольны условиями культурного досуга.

Во многих поселках: Парлагале, Шор-Тайге, Узенголе, Нижнем Алзаке, Верхнем Алзаке, Кичи, Кезеке — нет энергоснабжения. В плохом состоянии находятся дороги, а потому и нет постоянного автомобильного сообщения некоторых окрестных сел с городами Таштагол, Шерегеш, Мыски. Немногие сельсоветы как на севере, так и на юге Шории имеют телефонную связь с городами Таштагол и Мыски. Кроме того, вызывают нарекание жителей плохое медицинское обслуживание, отсутствие столовых, детских яслей, парикмахерских, плохая работа или вообще отсутствие пунктов бытового

обслуживания. Очень острой для сельских шорцев стала проблема занятости. Это, естественно, вызывает отток населения из отдаленных сел. В поселках, расположенных в Северной Шории, не хватает питьевой воды. Если раньше люди пили воду из рек Мрассу, Томь и их притоков, то сейчас она не везде пригодна для употребления. В некоторые поселки воду вынуждены завозить. В связи с добычей угля на шахте Сибиргинской открытым способом в этих местах происходит выпадение кислотных дождей, которые вредно влияют на окружающую растительность, людей и животных.

В южной части Горной Шории десятилетиями хищнически истреблялся лес. При молевом сплаве часть его оседала на дно рек, что приводило к гибели рыбы.

Такая неблагоприятная обстановка, существующая в основных районах проживания шорцев, безусловно, влияла на жизненный уровень, культурные запросы и психологическое состояние населения.

Кроме того, за исследуемый нами период подверглись сильной нивелировке или почти исчезли элементы традиционного хозяйствования, многие орудия труда, жилища и другие элементы культуры²⁴.

В наши дни почти 90 % сельских шорцев живут в избах-пятистенках и крестовых деревянных домах. Крыши покрывают в основном современными материалами — железом, шифером, но сохраняются и дома, крытые тесом. Стены в домах обычно штукатурят и белят. Мебель покупают фабричную. Наши информаторы не смогли выделить какие-то национальные черты в отделке дома или интерьере жилища.

Как показывает опрос, 70 % сельских шорцев хотели бы иметь отдельный дом с приусадебным участком и лишь 27,8 % желали приобрести отдельную квартиру в многоквартирном доме (благоустроенном). В основном сельские шорцы хотели бы остаться в селе.

Шорцы покупают одежду в магазинах или заказывают в ателье. Население Горной Шории носит одежду городского типа, хотя еще в 1930-х гг. в Шории было распространено домашнее и ремесленное производство одежды и обуви.

Пища представляет одну из важных сторон материальной культуры. Она непосредственно связана с социально-экономическим положением народа. Сейчас шорцы в своем рационе имеют овощи, которые выращивают на приусадебных участках, фрукты, мясомолочные продукты. Кроме того, они в основном готовят блюда, заимствованные у русских и других народов. Сохраняются и традиционные шорские блюда, такие как *толкан* — ячменная мука с отрубями, смешанными с водой, медом и молоком, *урге* — суп с лапшой, *калаш* — хлеб, *тутпаш* — пресное пшеничное тесто, скатанное в жгуты и разрезанное на мелкие кусочки.

При сравнении данных опроса по степени знания национальных блюд можно отметить, что увеличилось число людей, знающих одно-три блюда. Значительно уменьшилась доля незнающих национальных блюд — с 31,3 до 12 %. Количество знающих четыре блюда и более уменьшилось с 11,3 до 4 %. Женщины лучше знают национальную кухню, чем мужчины. В основном национальные блюда знают люди пожилого возраста, но сейчас ими стали интересоваться среднее поколение и молодые люди.

В каждом доме в основном покупная мебель. По данным нашего опроса в 1986 г., более половины шорцев имеют телевизоры, радиоприемники, около 40 % швейные и стиральные машины, холодильники. Вероятно, число лиц, имеющих эти бытовые предметы, стало бы больше, если бы во всех поселках Горной Шории была электроэнергия.

Следует отметить, что довольно интенсивно протекает унификация транспортных средств. Наши данные показывают, что 34 % населения используют велосипеды, мотоциклы. Связь между городами и населенными пунктами осуществляется с помощью автобусов, вертолетов, поездов, электричек. Как средства передвижения изредка используются лодки-долбенки (*кебе*), дощатые лодки с подвесными моторами, шорцы ездят на лошади как верхом, так и в упряжках.

Итак, ведущими являются процессы, связанные с распространением общероссийских интегрированных

форм культуры, но тем не менее сохраняются еще традиционные черты в утвари, средствах передвижения, обуви, хозяйственных постройках, пище.

Говоря о духовной культуре шорцев, необходимо подчеркнуть, что в 1930-е гг. слой интеллигенции, сложившийся в годы существования национального района, был репрессирован. Во время Великой Отечественной войны часть шорской интеллигенции погибла, что оказало существенное влияние на дальнейшее культурное развитие народа.

До 1943 г. в начальных классах еще преподавали шорский язык, выпускали литературу на этом языке, сохраняли фольклорные коллективы, проводили слеты сказителей. Педагогический техникум выпускал учителей для национальных школ. Впоследствии техникум был закрыт, газета «Кызыл шор» прекратила свое существование, преподавание в школах стали вести только на русском языке.

Наши данные, полученные из похозяйственных книг Усть-Кабырзинского, Усть-Анзасского, Чилису-Анзасского, Усть-Колзасского, Николаевского сельсоветов, позволяют отметить, что за 1980—1990 гг. в уровне образования шорцев произошли изменения. Например, количество неграмотных уменьшилось почти на 4 %, имеющих неполное среднее образование — на 7,7 %. Зато количество получивших среднее образование увеличилось примерно на 10 %, специальное образование — на 3,5 %. Количество лиц с незаконченным высшим образованием сохраняется на том же уровне. Наши данные свидетельствуют о том, что шорцы после окончания школы поступают в основном в профессионально-технические училища, техникумы, реже в высшие учебные заведения.

В районах Горной Шории сложилось тяжелое положение с обучением детей. Из отдаленных сел многие шорцы, особенно молодежь, мигрируют в города. Все меньше детей остается в селах, местные власти считают, что ради пяти-десяти учеников не имеет смысла сохранять школу, поэтому детей устраивают в интернаты либо в городе, либо в центре сельсовета. Дети приез-

жают к родителям лишь на выходные дни и каникулы, поэтому они постепенно отвыкают от дома, от привычной обстановки, а родители фактически отстранены от воспитания детей. Безусловно, что в такой ситуации дети вырастают, не зная ни языка своего народа, ни его культурных традиций. Таким образом, происходит прерывание межпоколенных связей. Наши информаторы говорят, что зачастую дети потомственных охотников не умеют даже разжечь костер.

Со степенью владения родным языком и степенью начитанности связано знание своих народных легенд и сказок, а также национальных писателей и поэтов. По нашим данным, 86,3 % мужчин в возрасте 50—59 лет смогли назвать до трех национальных легенд и сказаний. Шорские легенды «Алтын-Аар», «Алтын-Поос» и т.д. упоминаются очень редко. Обычно информаторы говорят, что старики рассказывали о животных (лисе, медведе, бурундуке), о богатырях, о горах (о Мустаге) и т.д. Смогли назвать или изложить сюжет шорских сказаний или легенд 1,7 % опрошенных.

Специалисты высшего (около 23 %) и среднего звеньев (25 %), а также служащие (более 19 %) ответили, что знают одну легенду или сказание, или смогли рассказать, о чем идет в ней речь. Показатели трех групп квалифицированных работников физического труда, неквалифицированных и неработающего населения почти вдвое меньше, чем у интеллигенции и соответственно составили 12, 9,2 и 11,2 %. В наши дни в местной газете «Красная Шория» стали публиковать шорские рассказы, сказки, предания, легенды, статьи «Шорский фольклор»²⁵, «Чаштан и капчит»²⁶ и др.

Ученые, писатели, поэты собирали и продолжают сбор песен, преданий, сказок шорского народа. Поэт С. Торбоков смог записать на шорском языке десятки героических сказаний — *каев*. В 1975 г. был выпущен сборник героических сказаний — произведений горных шорцев «Волосяная струна»²⁷.

Народная память до сих пор хранит отголоски дохристианских воззрений, хотя шаманская практика исчезла почти полностью. Имена Ульгения и Эрлика — двух глав-

ных божеств — почти забыты²⁸. Вместе с этим у шорцев старшего поколения сохраняются космологические мифы, в которых участвуют божества — антагонисты Кудай и Айна²⁹, а также представления о трехслойности мира. Остаются и анимистические верования — почитание хозяев мест, представление о множестве душ как у людей, так и у животных.

Шорцы наделяли сверхъестественными силами хозяев гор (*таг-ээзи*). Обычно они якобы представлялись перед человеком как мужчиной, так и женщиной. Живут *таг-ээзи* внутри горы. Если хозяин горы обратился к человеку, а он ему ответил, то этот человек может сойти с ума, так как *таг-ээзи* «похищает» его душу (*кут*) и прячет ее. Чтобы вернуть душу, приглашали шамана (*кама*). В образе женщины хозяйка горы могла вступить в интимную связь с охотником и ему тогда сопутствовала удача на промысле.

Шорцы считали, что у каждой реки есть своя хозяйка. Хозяйка воды (*су-ээзи*) представлялась в виде обнаженной женщины с длинными волосами. Если случилось наводнение или тонул человек, то это означало, что гневается хозяйка реки. Существовало поверье, что если человек увидит хозяйку воды и она позовет его, а он пойдет за ней, то утонет. Наши респонденты рассказывали, что если человек гуляет по берегу реки, то нужно сказать заклинание и побрызгать водой, чтобы «хозяйка воды» не забрала человека.

Сохранялось у шорцев и почитание хозяйки огня (*от-иче, от-ине, от-ээзи*). В печку обычно бросали жертвенные кусочки пищи. Проявлением гнева хозяйки огня считали пожар. Для того чтобы была удачной охота, в костер бросали кусочки пищи. Кроме того, душу родившемуся ребенку дает хозяйка огня.

Считалось, что человек имеет несколько душ: жизненную силу (*кут*), дыхание (*тын*), тень (*сюрюн-ээзи*), душу после смерти (*узют*).

Душа-тень, по представлениям шорцев, за год до смерти человека предупреждает об этом с помощью шелкающих звуков, раздающихся в доме. До сих пор можно услышать рассказы об *уннерлер* — душах давно

умерших людей, которых нельзя увидеть, но чьи голоса можно услышать ночью в лесу, в заброшенных домах.

У шорцев телеутского происхождения, которые жили в нижнем течении Мрассы, духом, покровителем ребенка, его охранителем была *Май-ене* (мать Май). Если младенец улыбался, считалось, что он видит *Май-ичези*. Шорцы верили, что у медведя тоже есть душа (*кут*), которая располагается в сердце или носу. Нос убитого медведя отрезали и хранили в качестве оберега. Душа убитого медведя могла «задавить» человека. После охоты на него кости и мясо сразу домой не отвозили, потому что за ними следовала *узют*³⁰.

Своеобразный синкретический комплекс составляют остатки христианских и дохристианских верований. Наибольшее количество архаических черт сохраняется в погребальном обряде. В могиле строят настил из досок, помост на четырех столбах, куда и опускают долбленный гроб (*комду*). На поминках разводят костер, туда бросают говяжье мясо и кропят традиционным напитком (*абырткой*). Могильный холм посыпают зерном и вновь кропят *абырткой*.

Продолжают сохраняться лечебные камлания (*узют карлапертыр*)³¹.

Что касается праздников, то в результате нашего опроса выяснилось, что шорцы отмечали общесоветские праздники. Люди среднего и пожилого возраста называли и христианские: Пасху, Рождество, Крещение, Троицу, Ильин день и др.

С 1985 г. в первых числах июля, перед сенокосом, чтобы приобщить молодежь к прошлому своего народа, в Таштаголе стали проводить праздник Ольгудека — прародителя шорцев. Сначала он проходил на горе Мустаг, позже решено было проводить его в долине Кондомы, чтобы в нем могли участвовать и пожилые люди. На празднике проводятся самостоятельные представления, состязания по национальной борьбе и стрельбе из лука. Вечером у костра разыгрываются сценки из прошлого шорцев. Самое активное участие принимает в этом празднике ансамбль «Чылтыс», который не только исполняет шорские песни, но и занят в самом представлении.

В северной части Горной Шории в с. Чувашка с 1986 г. отмечают традиционный праздник «Пайрам», которым завершаются весенне-летние работы. На нем исполняют песни (*сарын*), героические сказания (*кай*), проводят состязания по народной борьбе, стрельбе из лука и конные скачки. А в 1920—1930-е гг. во времена существования Горно-Шорского национального района такие праздники были регулярными.

Свадьба у шорцев отмечалась, как правило, по общесоветским традициям, хотя, по свидетельству этнографа В.М. Кимеева, в последние годы в Усть-Анзасском сельсовете было предпринято несколько попыток проведения свадьбы с традиционными элементами свадебной обрядности.

В 1980-е гг. по сравнению с 1970-ми гг. возрастает интерес шорцев к культуре и истории своего народа. В Таштаголе, Мысках, Новокузнецке, Междуреченске были созданы шорские фольклорные ансамбли. Они выезжали в селения, где собирали песни, загадки, скороговорки. Выступления этих ансамблей ждут в самых отдаленных уголках сельской местности. В составе ансамблей не только молодежь, но и люди среднего возраста. Поэтому на вопрос: «Какие же песни больше всего нравятся?», как мужчины, так и женщины (55,6 %) ответили, что их интересуют старинные национальные песни.

В 1989 г. Таштагольским горсоветом и горисполкомом при участии специалистов различных профилей (лингвистов, медиков, историков, этнографов, географов) была разработана программа возрождения Горной Шории и ее коренных жителей, начались факультативные занятия по изучению шорского языка в Таштаголе, Мысках, пос. Спасске, а в 1990 г. — и в некоторых школах. В конце 1990 г. вышел в свет шорский букварь (*шорличик*), который подготовила шорка по национальности доктор педагогических наук Н.Н. Курпешко-Таннагашева.

Открылся Таштагольский краеведческий музей, куда была передана коллекция предметов культуры и быта шорцев, собранная в 1986 г. участниками историко-этнографической экспедиции ОмГУ. Создан экомузей «Таз-

гол» в пос. Усть-Анзас Таштагольского района. На страницах Кемеровской областной газеты «Кузбасс» стали появляться материалы по истории и культуре шорцев. Газета «Красная Шория» опубликовала 50 уроков шорского языка, которые вела кандидат филологических наук И. Шенцова. Кроме того, достаточно много места уделяется экологическим вопросам: созданию Государственного природного шорского национального парка, развитию туризма. На страницах газет широко обсуждались вопросы о предоставлении шорцам автономии.

Часть территории Горной Шории теперь является национальным парком, где проложены туристские маршруты. Местная власть предпринимает попытки спасти экологию региона, решить социально-экономические проблемы, тем самым способствовать культурному возрождению шорского народа.

Этноязыковые процессы также являются частью этнических процессов. Под этноязыковыми процессами прежде всего понимаются процессы функционального развития языков и взаимодействие их в реальном речевом ведении (в производственной, общественно-политической, культурно-бытовой и семейной жизни).

В этносоциологических и этнолингвистических исследованиях выделяют три важных аспекта двуязычия:

— структурный, выражающий изменения в лексике, фонетике, морфологии, синтаксисе и других единицах языка;

— функциональный, который понимается как развитие социальных функций языка, соотносящихся с различными сферами человеческого общения;

— поведенческий, состоящий в речевом поведении, которое включает в себя языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление его) и психологическую предрасположенность (отношение к языку).

В нашем исследовании основное внимание направлено на изучение функционального и поведенческого аспектов. Таким образом, мы можем определить реальное течение этноязыковых процессов у шорцев в середине 1970—1980-х гг.

Факторы численности и расселения шорцев существенно повлияли на языковую ситуацию. Необходимо учитывать продолжительность языковых контактов шорцев с окружающими их народами и социально-экономические условия развития данного региона.

Вопрос о языке стал включаться в переписи населения с 1897 г. По данным С.К. Патканова, во время переписи 1897 г. на шорском наречии говорили 12 037 чел., проживающих в Кузнецком округе, из них 6118 мужчин и 5919 женщин³².

Первая советская перепись населения 1926 г. отразила прежде всего итоги этноязыковых процессов, протекавших в дореволюционный период и в первые годы советской власти. Здесь учитывался основной разговорный язык «шорский», а графа «русский и другие языки» отсутствовала³³. На основании данных этой переписи можно заключить, что шорцы довольно слабо знали русский язык, а родным его назвали лишь 5 % жителей Кузнецкого округа, 94,6 % опрошенных считали своим родным языком шорский. Что касается соотношения данных по родному языку у городского и сельского населения, то доля шорцев, указавших русский язык родным, значительно различается. В сельской местности переход на русский язык был довольно редким явлением. Всего 5 % сельских шорцев назвали русский язык родным, в то время как в городе основная часть шорцев (78,6 %) считала родным языком русский и лишь 21,3 % — шорский. При этом следует учитывать, что основная масса шорцев проживала в то время в сельской местности и лишь 0,8 % — в городе. Результаты переписи показывают, что женщины оказались более консервативными. Так, 26 % городских женщин считали родным шорский язык, в то время как доля мужчин составила 17,8 %. В сельской местности этот показатель выше был у женщин, чем у мужчин.

Перепись населения 1959 г. дает сведения не только о родном языке, но и о русском и других, которыми владели шорцы³⁴. Материалы переписи указывают на резкий рост численности городского населения, четверть которого считала родным русский язык. В эти годы

также сохранилась тенденция более быстрого перехода мужского населения на русский язык.

Данные последующих переписей населения 1970, 1979 и 1989 гг.³⁵ подтверждают наметившуюся тенденцию к постепенному росту количества шорцев, считавших родным русский язык. Если в 1970 г. доля лиц, назвавших родным языком шорский, была равна 76,6 %, то в 1989 г. она составила уже 59,4 %. Соответственно доля считающих родным языком русский увеличивается от переписи к переписи. Если в 1970 г. она составляла 37,2 %, то в 1989 г. — 39,1 %. Что касается данных о языке в зависимости от половой принадлежности шорцев, то здесь наблюдается та же тенденция, которая была отмечена нами ранее.

Кроме того, последние переписи дают возможность проанализировать степень владения шорцами вторым языком. Сравнивая данные переписей 1970, 1979, 1989 гг., видим, что уменьшается доля лиц, владеющих русским языком как вторым (от 62,5 % в 1970 г. до 53,3 % в 1989 г.). Произошло и увеличение доли шорцев, у которых вторым языком стал шорский (с 4,7 % в 1970 г. до 5,9 % в 1989 г.). В 1970-е гг. наметился небольшой рост доли шорцев, не владеющих вторым языком, причем у женщин сначала отмечалось довольно значительное увеличение (от 33,4 % в 1970 г. до 41,2 % в 1979 г.), затем произошел резкий спад — до 28,7 % в 1989 г. Если сравнивать данные городского и сельского населения, то в городах количество владеющих русским языком как вторым меньше, чем в селах, и процент шорцев, знающих шорский язык, гораздо выше, чем в сельской местности.

Таким образом, данные переписи населения показывают, что у шорцев Кемеровской области идет довольно интенсивный процесс языковой ассимиляции. Результаты наших опросов 1976 и 1986 гг. не только подтверждают это, но и дают возможность более глубоко проникнуть в процесс языковой компетенции шорцев. Итак, за исследуемое десятилетие количество шорцев, свободно владеющих (т.е. говорящих, читающих и пишущих) русским языком, возросло с 72,8 до 77,1 %, в то время как число свободно владеющих шорским языком

ком снизилось с 20,1 до 3,3 %. Число шорцев, понимающих и объясняющихся по-русски, уменьшилось с 9,1 до 6,1 %. Почти на 7 % увеличилось число лиц, не владеющих шорским языком (с 0,2 до 7,1 %).

Данные наших исследований свидетельствуют о том, что, как и десятилетие назад, мужчины в 1986 г. знали русский язык лучше, чем женщины. Если в 1976 г. 78,8 % мужчин свободно владели русским языком, то в 1986 г. — 86,9 %. У женщин также отмечается увеличение процента свободно владеющих русским языком (с 67,1 до 76,1 %). Количество мужчин, свободно говорящих, но не пишущих и не читающих по-шорски, сократилось с 64,5 до 59,2 %, у женщин же отмечалось увеличение этого числа с 60,9 до 64,3 %. Что касается свободного владения шорским языком, то как у мужчин, так и у женщин произошло резкое уменьшение этого показателя.

В отношении знания шорцами родного и русского языков в зависимости от возрастного деления можно отметить, что почти вся молодежь хорошо владеет русским языком, а люди пожилого возраста знают его хуже. Если в 1976 и 1989 гг. почти вся молодежь свободно владела русским языком, то в группах пожилого возраста — в пределах 50 %. Среди свободно владеющих шорским языком в 1986 г. всего 3,3 % опрошенных пожилого возраста ответили, что учились один-два года в шорской школе. Все остальные опрошенные получили образование на русском языке. С этим, очевидно, связано и то, что за десятилетие увеличилось количество шорцев, слабо владеющих родным языком, особенно среди молодежи.

При рассмотрении зависимостей языковой ситуации от социального состояния населения следует отметить, что в целом уровень знания русского языка у работающих шорцев повысился, особенно у специалистов среднего звена (с 92,9 до 100 %) и квалифицированных рабочих. Одновременно снизился общий уровень знания шорского языка во всех социально-профессиональных группах. Тем не менее наиболее высокий процент знания шорского языка характерен для групп квалифицированных и неквалифицированных рабочих (75 и 73,6 %).

Таким образом, данные нашего исследования подчеркивают роль фактора социально-профессиональной принадлежности населения при овладении вторым (русским) языком. Отмеченная нами тенденция у шорцев была также выявлена этнографами в Удмуртии, Татарии, Молдавии, Чувашии.

Рассмотрим языковую активность шорского этноса, которая измеряется степенью использования шорского и русского языков в различных жизненных ситуациях. Русский язык широко распространился среди шорцев, а это способствует проникновению его и в семейно-бытовую сферу. Такая тенденция была выявлена результатами исследований 1986 г. Так, молодые мужчины и женщины разговаривали со своими супругами в 1976 г. преимущественно на русском языке, а пожилые — на шорском. Десятилетие же назад шорцы в разговорах с супругами реже использовали русский язык. Если в 1976 г. разговаривали по-шорски 54,5 % опрошенных супругов, а по-русски — 44 %, то в 1986 г. — соответственно 52,6 и 47,6 % опрошенных.

Русский язык по-прежнему выступает основным языком общения на производстве, в разговорах с друзьями и детьми. Сократился разрыв между употреблением шорского и русского языков в сфере общения с родителями. Если в 1970 г. на шорском языке с родителями общались 67,9 %, а на русском — 29,3 % опрошенных, то через 10 лет доля их составила соответственно 34,3 и 58,1 %.

Не менее важная роль в развитии этноязыковых процессов принадлежит этнопсихологическим установкам на язык. Нами было изучено мнение шорцев о предпочтении слушать концерты художественной самодеятельности на русском и шорском языках. Если в 1976 г. 75 % опрошенных предпочли бы смотреть и слушать концерты и спектакли на русском языке, а на шорском — лишь 14 %, то данные опроса 1986 г. показывают, что ситуация несколько изменилась: 55,6 % опрошенных предпочли бы слушать старинные национальные песни шорского народа, 15,5 % — современные национальные песни. У молодежи популярна современная советская и зарубежная эстрада.

Отвечая на вопрос о преподавании шорского языка в школе, в 1986 г. 55,6 % шорцев считали, что такая необходимость есть, так как дети через язык могут глубже постигнуть историю и культуру своего народа. Лишь 20,6 % опрошенных отнеслись к этому отрицательно, так как в школах, профессионально-технических училищах и вузах обучение ведется на русском языке, да и в повседневной жизни он постепенно вытесняет шорский.

Следует отметить, что основные сторонники обучения детей шорскому языку — молодые женщины (61,6 %). Мужчин, желающих обучать детей языку своей национальности, оказалось 50,3 %.

Основная масса шорцев считает лучшим обучать детей в русской, и в начальной, и в средней школах. Но все же в группах специалистов среднего звена и механизаторов желающих обучать детей в начальной шорской школе несколько больше, чем в других.

В наши дни у шорцев широко распространено двуязычие. Большинство из них в той или иной степени владеют русским, который стал для них не только языком межнационального, но и внутринационального общения. Кроме того, значительна языковая ассимиляция шорцев. В 1979 г. 37,2 % из них считали родным русский язык либо другие языки народов СССР, а в 1989 г. — 39,1 %.

Изменения произошли и в структуре языка. Шорцы широко используют в своей речи заимствованные из русского языка такие термины, как «колхоз», «леспромхоз», «клуб», «сельсовет», «школа» и т.п., — это явление характерно практически для многих народов нашей страны³⁶. Кроме того, можно отметить, что шорцы, говорящие на двух языках, иногда вводят в один из разговорных языков приемы другого, которым они владеют. Таким образом, нарушается структура того или иного языка, и это становится явлением языковой интерференции, которая появляется в произношении, в фонетических, синтаксических изменениях³⁷.

Примером такой интерференции могут служить гидронимические термины -суг (-зуг, -сунг, -су, -зу), произносящиеся по правилам шорского языка, в русской

же адаптации они звучат как -са, -за, -зы: Чилису из *Чылыксунг*, Кичи из *Кичисуг*, Кабырза из шорского *Көбюрзуг*³⁷. Эти названия используются не только русскими, которые по-своему воспринимают иноязычные названия, но и шорцами. Степень фонетических изменений зависит от различных обстоятельств, например от уровня знания как шорского, так и русского языка. Более того случаи такого переоформления учащаются. Это обусловлено сменой хозяйственных занятий шорцами³⁹, миграциями населения из мелких поселков в связи с поисками работы на новые прииски, рудники. Шорские поселки оказались вкрапленными в массив русских, поэтому многие названия известны современным шорцам в русской адаптированной форме. Примером языковой интерференции может служить и употребление уменьшительных суффиксов -чик, в шорском произношении -чак, -чах. При этом шорские названия уже воспринимаются как русские: *Таштагольчик*, *Карагольчик* и др.⁴⁰

Поскольку русские топонимы являются поздним пластом географических названий Горной Шории, существует и такое явление, как двойные топонимы. Например, р. Солдатка (*Чуктыг*), р. Крутая (*Ернеп*). Встречается также и калька с шорских названий: Березовая речка — *Казынгаш*, Черная речка — *Каразуг* и др.⁴¹, причем порусски эти названия часто можно услышать и от шорцев.

Этноязыковые процессы нашли свое отражение и в антропонимии. Национальные имена шорцев оказались забытыми. Сейчас они называют своих детей русскими или интернациональными именами, а ранее каждый представитель этого народа имел свое особое имя, одинаковые встречались чрезвычайно редко. По мнению исследователя Н.Н. Курпешко, у шорцев были имена, связанные с предметами быта, хозяйственной деятельностью человека: *Саба* — большой кожаный бурдюк. *Алтын Саба* — золотой бурдюк и т.п.; женские имена, связанные с одеждой, украшениями: *Торгу* — шелк, *Сарыг Торгу* — светлый шелк, *Ак Торгу* — белый шелк; имена, связанные с растительным и животным миром: мужские *Алтын Куш* — золотая птица; женские *Аар* — пчела, *Куу* — лебедь и др.; имена со значением орудий труда и утвари:

мужские *Темир* — железо, *Кок Молат* — голубая сталь. Кроме того, были имена, связанные с культом небесных светил, гор, рек: мужские *Улген* — доброе верховное божество, небо; женские *Чылтыс* — звезда, *Шолбен* — Венера; также имена, показывающие общественные отношения: мужские *Кан* — хан, *Ак-кан* — белый хан. Выделяются имена, которые отражают внешность, возраст, характер человека: *Ак-Сагал* — белая борода, *Ак-Паш* — белоголовый, *Посстанаш* — взрослый, *Санаан* — думающий. После крещения шорцев миссионерами Алтайской духовной миссии, а особенно после Октябрьской революции детей стали называть русскими именами⁴².

В настоящее время почти все шорцы владеют русским языком, который стал для них языком межнационального общения. В процессе существования двуязычия у шорцев можно выделить две тенденции: интенсивную и экстенсивную, т.е. распространение двуязычия как «вглубь», так и «вширь». Анализ наших материалов показал, что шорцы не ограничиваются в своем общении на русском языке только с иноэтническим населением Горной Шории. Русский язык превратился и в язык «домашнего общения», довольно быстро стал сдвигаться на передний план. В то же время шорский язык претерпевает и структурные изменения под влиянием иноэтнической среды, а также в связи с тем, что долгие годы отсутствовало школьное обучение шорскому языку, не было периодических изданий на этом языке. В целом этноязыковые процессы у шорцев имеют общие черты развития с рядом других относительно малочисленных народов Сибири.

Важным социальным, идеологическим и психологическим фактором развития общества является характер межнациональных отношений, которые складываются между людьми разных национальностей. А они — результат общих социальных условий и в значительной мере отражают решение национальных проблем в обществе.

Межнациональные отношения проявляются в поступках людей, их мировоззрении, нравственных устоях, нормах поведения. Это контакты людей разных национальностей в труде, быту, на досуге и т.д.

Под установками в психологической и социально-психологической литературе понимается «готовность к действию» по поводу той или другой конкретной ситуации. Установки являются результатом жизненного опыта, практики, выработанной под влиянием условий жизни и мировоззрения, которые определяют поведение людей, поэтому изучение национальных установок имеет не только научное, но и практическое значение для прогнозирования национальных отношений. Этнические (национальные) установки, определяющие поведение людей в тех или иных ситуациях межэтнических контактов, формируются в различных сферах жизнедеятельности. Это отношения людей к контактам, готовность к ним с лицами иной национальности на производстве, в быту, дружеском общении.

До развертывания конкретно-социологических исследований эта сфера национальных отношений изучалась обычно по поступкам людей, которые принимали участие в общественных стройках СССР, в Великой Отечественной войне и т.д. Кроме того, иногда использовались статьи и письма, полученные редакциями газет и журналов. Лишь этносоциологические опросы дали возможность изучать национальные взаимоотношения, отталкиваясь от реальных непосредственных контактов, этнического состава регионов, городских и сельских условий жизни. Фиксировалось отношение к межнациональному общению людей различных занятий, образования, возраста. Такой подход использовали ученые при исследовании межнациональных отношений в Узбекистане, Грузии, Киргизии⁴³.

Более системные исследования этого аспекта межнациональных отношений связаны с работой Института этнологии и антропологии РАН, сотрудники которого провели исследования по одной программе, обеспечивающей строгую сравнимость материалов. Кроме того, была предпринята попытка исследования факторов, воздействующих на эти отношения.

Анализ результатов опросов, касающихся отношения людей к межэтническим контактам в разных социальных сферах и в общении, дал основание для вы-

вода о существовании двух источников узконациональной ориентации. Один из них — национально-культурная ограниченность, обусловленная культурной замкнутостью, сохранением различных форм традиционной культуры. Она и может поддерживать национальные предрассудки у части людей, чаще у лиц, занятых малоквалифицированным трудом, с невысоким уровнем образования, а также у самого старшего поколения. Совершенно иные характер и причины узконациональных ориентаций могут быть у интеллигенции. Условно названный «интеллигентским» тип подобных ориентаций связывался с социально-профессиональным интересом. Это означало, что не следует искать «универсальных средств» регулирования межнациональных отношений во всех группах населения. Если на первую разновидность узконациональных ориентаций эффективно действует вся система культурно-просветительных средств, то вторая может быть регулируема совокупностью мер социально-экономического характера, в частности управлением процессами социальной мобильности. А для этого необходимо более глубокое изучение их среди непосредственных национальных контактов.

Анализируя данные наших исследований, можно выявить некоторые тенденции изменений, происходящих в отношении людей различных национальностей.

Большинство наших респондентов (72 %) в 1986 г. считали, что национальность людей не имеет значения в деловых отношениях. Этот показатель выше у возрастных групп, которые участвуют в трудовой деятельности и несколько ниже у опрашиваемых лиц пенсионного возраста. 19 % опрошенных считали, что в многонациональном коллективе работать лучше, интереснее, в то время как в 1976 г. их доля составляла всего 4 %.

Если учесть, что часть людей не имеет опыта работы в многонациональном коллективе, а иногда просто затрудняется точно определить свое отношение (6 %), то приведенные данные характеризуют благоприятные межэтнические отношения в трудовых коллективах. К тому же очень незначительна доля людей (4 %), настроенных лишь на внутреннее общение. Таким образом, лишь один

человек из 25 считает, что «в межнациональном коллективе работать сложнее».

За рассматриваемый период количество респондентов, имеющих такую точку зрения, уменьшилось с 8 до 4 %, т.е. в 2 раза. И вновь можно заметить, что этот показатель выше у людей старше 60 лет. Это, видимо, можно объяснить тем, что с возрастом люди более чувствительны к национальностям и, как правило, круг их общения более замкнут.

Благоприятно отношение шорцев и к более близкому межнациональному общению. Так, 80 % опрошенных выразили желание иметь друзей не только своей национальности. Кроме того, 65 % мужчин и 72 % женщин положительно отнеслись к национально-смешанным бракам. Тем не менее можно отметить усиление предпочтительности к бракам с людьми своей национальности у мужчин (в 3 раза) по сравнению с данными 1976 г. В 1986 г. каждый третий мужчина и каждая четвертая женщина, опрошенные нами, ответили, что предпочли бы брак с человеком своей национальности. Рассматривая данные опроса по возрастным группам, можно отметить увеличение предпочтительности в брачности у мужчин с женщинами своей национальности, а у женщин в возрастных группах от 25 до 59 лет мы наблюдаем некоторое уменьшение процента предпочтительности в выборе супруга своей национальности. Такие различия в установках, безусловно, сказались на соотношении мужчин и женщин, вступивших в национально-смешанные браки, что и подтверждают данные, полученные в архиве загса Кемеровской области.

Из опрошенных особо можно выделить поколение старше 60 лет. Как у мужчин, так и у женщин выяснилось, что они все-таки предпочли бы однонациональные браки.

Рассмотрим установки респондентов на межнациональное общение в зависимости от социально-профессиональной принадлежности. Личный опыт человека включает помимо семейного общения прежде всего опыт своей социально-профессиональной деятельности и того окружения, с которым он связан по роду этой деятельности.

Наиболее скептически к работе в национальном коллективе относятся руководители и специалисты высшего звена. Основная часть опрошенных считала, что в разнонациональном коллективе работать сложнее. Эта же тенденция была отмечена нами в опросе 1976 г. Такое положение, видимо, можно объяснить тем, что специалисты и руководители высшего звена имеют возможность наблюдать и оценивать более широко межнациональные отношения в коллективах.

Служащие и рабочие высшей квалификации выразили наиболее благоприятные отношения к работе в многонациональном коллективе. Каждый третий служащий и каждый пятый высококвалифицированный рабочий считает, что в многонациональном производственном коллективе работа идет успешнее.

Неработающее население также положительно относится к работе в разнонациональном коллективе, лишь 3,5 % ответили, что работать с людьми разных национальностей сложнее. Среди них пенсионеры, которые могут скептически оценить отношения людей в трудовых коллективах. Молодые люди, еще не имеющие трудового опыта, полагают, что работать в национально-смешанном трудовом коллективе вполне реально. Поэтому можно предположить, что молодежь, начав свою производственную деятельность, не принесет негативных изменений в жизнь трудовых коллективов.

Что касается отношения шорцев к дружеским контактам с людьми своей и других национальностей, то их мнения практически не зависят от социально-профессиональной структуры.

Несколько иная картина в отношении к национально-смешанным бракам. Наиболее высокий процент предпочтительности однонациональных браков у групп руководителей и специалистов высшего звена, служащих и механизаторов, причем в 1976—1986 гг. значительно увеличилась степень предпочтительности, т.е. у руководителей и специалистов высшего звена, служащих и рабочих высокой квалификации мы можем отметить некоторый сдвиг в сторону внутринационального общения на уров-

не брачных связей. В то же время у неквалифицированных рабочих самый низкий процент (22 %) предпочтительности внутринациональной брачности.

Рабочая среда самая многонациональная. Для представителей группы неквалифицированных рабочих характерны низкий уровень образования, слабое знание истории и культуры собственного народа. Тем не менее мы можем отметить увеличение за исследуемое десятилетие с 9 до 22 % (т.е. более чем в 2 раза) доли рабочих, которые предпочли бы брак с людьми своей национальности.

Таким образом, у шорцев в целом положительная реакция на межнациональные браки, на работу в разнонациональном коллективе, желание иметь друзей не только своей, но и других национальностей является отражением доброжелательного отношения к межнациональным коллективам. Свидетельством благоприятных отношений могут послужить данные ответов шорцев на вопрос о проведении праздников с людьми других национальностей. Почти половина опрошенных нами шорцев (45 %) ответили положительно на этот вопрос, причем в некоторых группах, например руководителей высшего и среднего звена, а также шорцев в возрасте от 25 до 59 лет, этот процент увеличился по сравнению с 1976 г. от 51 до 100 %.

Можно отметить определенное усиление этноцентристских позиций во взглядах шорцев. Это, видимо, естественный процесс, который свидетельствует о повышении интереса к истории и культуре своего народа, стабилизации этнического самосознания. Кроме того, сходные процессы были отмечены при изучении их динамики и у сибирских татар.

Национально-смешанные браки — достаточно четкий показатель интенсивности развития этнических процессов у того или иного народа.

Динамика частоты межэтнических браков характеризует комплекс взаимообусловленных явлений, которые происходят в какой-либо исторический отрезок времени. Кроме того, национально-смешанные семьи в струк-

туре этноса оказывают влияние на формирование культуры и быта того или иного региона. Как правило, межэтнические браки ускоряют этнические процессы: консолидацию, ассимиляцию или интеграцию, но появление или учащение таких браков в значительной степени зависит от направления и хода этнических процессов. Таким образом, они служат как фактором, действующим на ход этнических процессов, так и их результатом. В 1960—1980-е гг. возникли тенденции к увеличению межнациональных браков у различных народов СССР, что подтверждается результатами конкретных исследований этнографов и социологов, работавших в различных регионах нашей страны. Один из важнейших факторов, влияющий на процесс образования национально-смешанных браков, — характер расселения этносов. Следует отметить лишь, что в результате чересполосного расселения народов в Горной Шории, эти районы стали этноконтактной зоной, что в конечном счете способствовало распространению межнациональных браков.

Для исследования брачных союзов шорцев нами были выбраны Таштагольский, Кузедеевский, Мысковский районы Кемеровской области (впоследствии Кузедеевский вошел в состав Мысковского, а Мысковский — в состав Новокузнецкого районов). В этих районах шорцы проживают достаточно компактно.

Основными источниками для нашего исследования послужили выписки из материалов областного архива загса Кемеровской области, которые были сделаны в 1975, 1986, 1988, 1990 гг. участниками Западно-Сибирских историко-этнографических экспедиций ОмГУ, данные похозяйственных книг, полученные в 1976 и 1985 гг. по Таштагольскому и Новокузнецкому районам по Чувашинскому, Усть-Анзасскому, Усть-Кабырзинскому, Усть-Колзасскому, Кызыл-Шорскому, Николаевскому, Чилису-Анзасскому сельсоветам. Материалы в архиве загса собраны с 1931 по 1988 г. Период с 1962 по 1970 г. не вошел в наше исследование, так как в актах о заключении браков отсутствовала графа о национальной принадлежности вступающих в брак. Кроме того, данные за

1930—1940 гг., видимо, не точны, так как браков тогда фиксировалось меньше, чем можно было ожидать, судя по численности населения. В государственных органах регистрировались только межнациональные браки. Поэтому по этим периодам мы ограничимся общими цифрами.

При анализе материалов по брачным союзам шорцев мы разделили их на две части: первая — это период с 1931 по 1960 г., а вторая — с 1971 по 1988 г. Относительно первого периода мы отметим лишь общие тенденции, второй период будем рассматривать более подробно, так как он непосредственно входит в тематику нашей работы.

При анализе статистических данных нами использован метод определения частоты межнациональных браков (нахождение процента от общего числа заключающих брак). При исследовании браков по Кузедеевскому и Таштагольскому районам выяснилось, что с 1931 по 1950 г. доля национально-смешанных браков выросла с 23 до 40,5 %, а однонациональных, наоборот, уменьшилась с 77 до 59,5 %. Если с 1931 по 1935 г. нами зафиксировано 77 % однонациональных браков и 23 % национально-смешанных, то уже в следующее предвоенное пятилетие, когда шел процесс промышленного освоения Кузбасса, доля однонациональных браков снизилась до 72,4 %, а национально-смешанных, наоборот, увеличилась до 27,6 %. В период Великой Отечественной войны и в следующее пятилетие отмечается довольно резкое уменьшение доли однонациональных браков до 59,5 % и увеличение национально-смешанных до 40,5 %. Это объясняется тем, что Великая Отечественная война вызвала вынужденные миграции населения на восток, которые способствовали ускорению этнических процессов. В районах Горной Шории в военный период общее количество браков резко сократилось, зато число межнациональных браков возросло на 7,2 % по сравнению с предыдущим. В 50-е гг., когда миграционная волна в Кузбассе ослабла, резко увеличилась доля однонациональных браков, и в конце 1950-х гг. она достигла 83,5 %. Кроме того, увеличение числа однонациональных бра-

ков, видимо, связано и с процессом ликвидации коллективных хозяйств в районах Горной Шории, когда из этих мест в поисках работы стали уезжать представители других национальностей.

В начале 1970-х гг. происходил значительный рост доли межнациональных браков — более чем на 25 %. Это было, видимо, связано с тем, что началась новая миграционная волна — уже из села в город, в результате чего доля однонациональных браков снизилась до 58,1 % в 1971—1975 гг., а в 1986—1988 гг. составила 56,7 %. Число национально-смешанных браков соответственно увеличилось с 41,9 % в 1971—1975 гг. до 43,3 % в 1986—1988 гг.

С середины 1970-х до середины 1980-х гг. доля как однонациональных, так и межнациональных браков держится примерно на одном уровне. Наибольшее число браков приходится на 1981—1985 гг., когда были зарегистрированы 673 пары. Возможно, это связано с принятием правительственного указа в 1981 г. об увеличении отпуска матери по уходу за ребенком и выплате пособий на детей, так как в 1982 г. было заключено 156 браков по сравнению с 1981 г., когда их зарегистрировано 128.

Если же рассматривать браки шорцев в зависимости от района их проживания, то в Новокузнецком районе, близко расположенном к автомобильным, железнодорожным магистралям, включающим в себя несколько городов, национально-смешанные браки в 1973 г. достигли 53,1 %. В последующие годы доля национально-смешанных браков была здесь выше, чем однонациональных.

В Таштагольском районе, где шорцы расселены довольно компактно, а определенная часть их до сих пор живет относительно изолированно, доля однонациональных браков выше, чем межэтнических. Таким образом, фактор расселения играл важную роль в этнических процессах.

Если говорить об этнической структуре межнациональных браков, то самая большая доля национально-смешанных браков шорцев с русскими (70,8 %), что является следствием традиционного чересполосного расселения в большинстве мест проживания народов.

В 1931—1935 гг. русско-шорские браки составили 3,5 %, а шорско-русские — 15,2 % от всех браков, в 1956—1960 гг. происходит выравнивание брачных союзов, т.е. браки, где муж — русский, а жена — шорка, составили 6,1 %, а те, где муж — шорец, а жена — русская, — 4,7 %. В последующее пятилетие наблюдался рост числа шорско-русских браков, но особенно резко увеличилась доля русско-шорских браков — до 18 %, а в 1981—1985 гг. — до 22,1 %. Наблюдается своеобразный рост престижа шорских женщин у русских мужчин. Следует отметить, что если с 1931 по 1960 г. встречались единичные браки с украинцами, мордвой, белорусами, узбеками, немцами, татарами, удмуртами и другими национальностями, то с 1971 по 1988 г. были зарегистрированы 31 пара с украинцами, шесть с белорусами, пять с мордвой и т.д.

Немаловажными факторами, способствующими заключению браков шорцев с хакасами и алтайцами, являются объединяющая их историческая среда формирования, языковая, культурная общность, а также сходные антропологические черты. В 1971—1975 гг. доля шорцев, вступивших в брак с алтайцами и хакасами, увеличилась до 4,6 %, а затем она составила 3,2 %.

С 1971 г. становятся более периодичными браки с другими тюркоязычными народами: казахами и татарами. Их доля в браках с шорцами составила соответственно 3,5 и 2,5 %.

Наши данные за 1971—1988 гг. позволяют рассмотреть соотношение мужчин и женщин, вступающих в национально-смешанные браки. При исследовании этого вопроса четко прослеживается тенденция к уменьшению доли мужчин-шорцев в межнациональных браках (с 51,8 по 21,7 %) и усиление предпочтения к бракам с людьми своей национальности, особенно у мужчин (в 3 раза). У женщин, наоборот, увеличилось участие в национально-смешанных браках (с 48,2 до 78,3 %).

Как уже отмечалось, наибольшее число межнациональных браков заключается с русскими — доля их как у мужчин, так и у женщин составила около 70 %. Ос-

тальные же браки были зарегистрированы с представителями других национальностей: шорцы вступали в брак с женщинами 15 разных национальностей, а шорки заключали браки с мужчинами 30 национальностей.

Для выявления закономерностей в межэтнических брачных контактах в научной литературе существует ряд математических методов. А.В. Козенко отмечает, что «...в этнографическом исследовании предпочтительнее пользоваться методикой Ю.И. Першица. Сравнительный анализ такой системы позволяет оценить степень эндогамности контактирующих групп и тем самым наиболее точным образом отразить ...смешанные в национальном отношении браки»⁴⁴.

Методика Ю.И. Першица заключается в сопоставлении показателей однонациональной и смешанной брачности при помощи коэффициента предпочтительного заключения однонациональных браков, сопоставлении их фактической частоты и теоретической вероятности⁴⁵.

По материалам похозяйственных книг мы получили данные о браках шорцев с русскими. Мы рассматриваем только эти браки, так как они составляют большинство национально-смешанных браков.

Далее находим фактическую частоту однонациональных и смешанных браков, например русских мужчин и женщин шорской национальности: $0,4732 \times 0,5463 = 0,2585$ (25,85 %, или 53 брака). Аналогично находим теоретическую вероятность остальных брачных пар. Систематизируя данные, мы можем сравнить частоту зарегистрированных браков и их теоретическую вероятность, которая могла быть, если бы национальность при выборе супругов не играла никакой роли.

Далее остановимся на данных, характеризующих состав и структуру шорской семьи. В результате подсчетов данных похозяйственных книг, сделанных в середине 1970—1980 гг., была выявлена структура шорских семей. Если в 1970-х гг. семьи, включившие одну брачную пару, составляли 81,5 % всех однонациональных браков, то в 1980-е гг. — 88,5 %. По-прежнему, типичными были однонациональные семьи, состоявшие из одной брачной пары

с детьми или без детей и с одним из родителей супругов, из матери (отца) с детьми и одним из родителей.

Приведенные данные показывают, что фактически частота однонациональных браков намного превышает их теоретическую вероятность, в то время как фактическая частота межнациональных браков ниже их теоретической вероятности. Эта закономерность является конкретным проявлением принципа этнической эндогамии — склонности к вступлению в брак в пределах своего этноса.

Из общего массива национально-смешанной брачности шорцев были выявлены данные для трех поселков, которые имеют характерный национальный состав. Это Ключевой Кызыл-Шорского сельсовета, где доля русского населения составила 47,5 %, а шорского населения — 49,5 %; Тайлеп Кузедеевского сельсовета с преобладающим русским населением, которое составило 84,5 %, а шорское — 11,4 %; Усть-Кабырза Усть-Кабырзинского сельсовета, где преобладало шорское население — 93 %, а русские составили 4,1 %.

Достаточно четко прослеживается тенденция приближения теоретической вероятности к фактической частоте однонациональных браков в поселениях с преобладающим этнически однородным населением, т.е. в Тайлепе и Усть-Кабырзе, и остается существенная разница в Ключевом.

Следовательно, наибольшая вероятность национально-смешанных браков возникает в том случае, если этнос в численном отношении уступает этносу, с которым контактирует.

В целом можно отметить, что этническое окружение является важным фактором, влияющим на процесс формирования национально-смешанных семей. Оценивая приведенные данные, следует иметь в виду, что доля межнациональных браков еще не определяет отношение народа к заключению однонациональных и национально-смешанных браков. Важно сопоставить коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков шорцев и русских, которые вычислены нами по

методике Ю.И. Першица. Коэффициент предпочтительного заключения однонациональных браков шорцев по сравнению с их смешанными браками с русскими женщинами составил: шорцы — 7,3; шорки — 5,8; русские мужчины — 6,6; русские женщины — 8,3. Сравнивая эти результаты, мы получаем подтверждение нашим выводам по статистическим данным архива загса: шорки чаще вступают в брак с русскими, чем шорцы с русскими женщинами. Известны случаи, когда мужчины вступают в национально-смешанные браки чаще, чем женщины, например у казахов Сибири и татар Поволжья, а у сибирских татар доли национально-смешанных браков у мужчин и женщин выравниваются.

Выявляется тенденция к отделению взрослых женатых детей от родителей. Особенно характерны национально-смешанные семьи, которые в подавляющем большинстве состоят из супругов с детьми и, как правило, не включают родителей супругов. Такие семьи составляли в 1970-е гг. 97,2 %, а в 1980-е гг. — 98 % всех национально-смешанных семей шорцев. Данные похозяйственных книг Таштагольского и Мысковского районов свидетельствуют, что на долю национально-смешанных семей в Таштагольском районе приходилось 7,8 %, в Мысковском районе — 9 % всех семей шорцев. Анализ данных похозяйственных книг показал, что в 1980-е гг. на долю национально-смешанных семей в Таштагольском районе падало 10 %, а в Новокузнецком — 15,2 %.

Для выяснения полной картины, связанной с национально-смешанными браками, нами были проанализированы данные паспортного стола Таштагольского района 1975 г., которые свидетельствуют о том, что 68,6 % из 89 подростков из национально-смешанных семей были выходцами из русско-шорских семей, 27 % — выходцами из алтайско-шорских семей; 82,1 % подростков из русско-шорских семей выбрали русскую национальность, а 55,6 % выходцев из шорско-алтайских семей приняли алтайскую национальность.

К сожалению, данные паспортного стола мы не можем проанализировать в динамике, так как впоследствии

был выпущен новый тип бланка, где национальность родителей при выдаче паспорта подростку не учитывалась.

Итак, процесс увеличения национально-смешанных браков у шорцев проходил довольно интенсивно. Изменялось соотношение мужчин и женщин, вступающих в национально-смешанные браки, при этом фактическая частота однонациональных браков шорцев заметно выше их теоретической вероятности, межнациональные браки заключаются реже их теоретической вероятности.

Выяснилось, что этнические процессы ускоряют факторы миграции населения из других районов страны в Кузбасс, а также из села в город; степень приближенности к городам, к средствам коммуникации; сложившееся у шорцев положительное отношение к межнациональным бракам, работа в межнациональном коллективе, друзья другой национальности; численное соотношение проживающих совместно представителей различных национальностей; степень престижности называться представителем того или иного народа.

Разрушение традиционных видов хозяйства в советский период привело к тому, что были практически устранены различия между этническими группами в хозяйственной деятельности. На всей территории проживания шорцев стали бытовать общие типы жилищ, орудий труда, средств передвижения, утвари, пищи. Едина и национальная кухня.

В духовной культуре следы различий сохранялись сильнее. Наиболее полно они выражены в языке, продолжают существовать два диалекта шорского языка — кондомский и мрасский.

Среди шорцев развернулись процессы межэтнической интеграции и ассимиляции русскими и другими народами. Изменения в их традиционной культуре и быте привели к тому, что шорцы постепенно сближаются, а частично и ассимилируются русскими и окружающими их тюркскими народами. Русские, составляющие большинство населения Горной Шории, живут и работают вместе с шорцами. Благодаря усиливающемуся процессу урбанизации происходит все большее смешение населения.

Индустриализация Кемеровской области способствовала разделению шорского этноса на социально-профессиональные группы. Появились среди них люди, имеющие высшее, среднеспециальное и среднее образование. Это также способствовало сближению шорцев с окружающими их народами.

Интеграция представляла собой двоякий процесс: с одной стороны — это заимствование элементов русской культуры, а с другой — распространение среди шорцев и русских элементов складывавшейся общероссийской или урбанизированной культуры. Например, в языковой сфере широко распространилось двуязычие. Материалы переписи населения наглядно иллюстрируют этот процесс. Отмечается постоянно развивающийся процесс языковой ассимиляции со стороны русского языка. Ситуация, которая сложилась в Горной Шории, является следствием политики вытеснения национального языка из общественной культурной жизни. Поэтому, хотя мы отмечаем развитие двуязычия у шорцев, но это не полноправное двуязычие, так как шорский язык до 1990 г. сохранялся только как «домашний» — разговорный язык.

Кроме того, в результате исследования нами были выявлены факторы, повлиявшие на ход этнических процессов. Прежде всего это характер расселения народа (шорцы живут относительно компактно на территории Кемеровской области), изменившийся в советский период в основном за счет миграции сельских жителей в города. Сегодня численное соотношение с другими этносами явно не в пользу шорцев, ни в одном районе или городе Кемеровской области этот народ не является преобладающим. Далее отметим степень приближенности к городам и средствам коммуникации. Наиболее отдаленные — г. Таштагол и Таштагольский район, а города Мыски и Междуреченск расположены вблизи крупного центра — Новокузнецка.

Безусловно, важную роль в этих процессах сыграла и политика нашего государства, направленная на слияние всех наций и народностей в единый советский народ:

это насаждение общесоветских форм культуры и хозяйствования, русского языка. Существенное влияние на ход этнических процессов оказывают половозрастная и социально-профессиональная структуры шорцев, так как люди различных возрастов и социальных групп по-разному относятся к истории и развитию своего этноса.

Важную роль играют экономический, социально-культурный и экологический факторы. Разрушения, происходящие в отношениях между этносом и природой, социальной и культурной средой, вызывают различные негативные явления в сознании и культуре народа. Индустриализация этого района круто изменила хозяйственные занятия шорцев. Их традиционные охота и рыболовство постепенно исчезают из-за экологического дисбаланса и непрестижности этой деятельности. Происходит постепенное прерывание культурных межпоколенных традиций.

Таким образом, на начальном этапе советского периода у шорцев завершился процесс этнической консолидации локальных групп в единый этнос. Параллельно с этим протекали процессы межэтнического взаимодействия. У части шорцев нами отмечены процессы этнической ассимиляции шорцев со стороны русских, хакасов, алтайцев, телеутов и представителей других национальностей.

На наш взгляд, результаты данного исследования показывают, что для возрождения и нормального функционирования шорского этноса необходимо комплексное решение вопросов социально-экономического характера одновременно с национальными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кимеев В.М.* Шорцы. Кто они? — Кемерово: Кн. изд-во, 1989. — С. 82.

² *Потапов Л.П.* Шорцы // Народы Сибири. — М.; Л., 1956. — С. 492; *Кимеев В.М.* Этнический состав шорцев // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. — Кемерово, 1986. — С. 17.

³ *Дыренкова Н.П., Потапов Л.П.* Озуп и абыл — хозяйственные орудия шорцев Кузнецкой тайги // Культура и письменность Востока. — Баку, 1928. — Кн. 3. — С. 26—42.

- ⁴ *Потапов Л.П.* Опыт изучения социалистической культуры и быта алтайцев // СЭ. — 1948. — № 1. — С. 117.
- ⁵ *Потапов Л.П.* Очерки по истории Шории. — М.; Л., 1936. — С. 110.
- ⁶ *Соколова З.П.* Шорцы // Вопр. истории. — 1972. — № 12. — С. 210.
- ⁷ *Потапов Л.П.* Очерки... — С. 110.
- ⁸ *Адрианов А.В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, предпринятое в 1881 году по поручению Русского географического общества // Зап. РГО по общей географии. — СПб., 1888. — Т. 11. — С. 110.
- ⁹ Там же. — С. 301.
- ¹⁰ *Потапов Л.П.* Очерки... — С. 110.
- ¹¹ *Сагалаев А.М.* Христианизация алтайцев в конце XIX — начале XX вв. (Методы и результаты) // Этнография народов Сибири. — Новосибирск, 1984. — С. 123—124; *Ерошов В.В., Кимеев В.М.* Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. — Кемерово, 1995. — С. 7.
- ¹² *Потапов Л.П.* Шорцы. — С. 514.
- ¹³ *Адрианов А.В.* Путешествие на Алтай... — С. 292—293.
- ¹⁴ *Ядринцев Н.М.* Об алтайцах и черневых татарах // Изв. РГО. — СПб., 1881. — Вып. 4. — С. 3.
- ¹⁵ *Сатлаев Ф.А.* Колонизация предгорного Алтая в первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск, 1973. — С. 375—388.
- ¹⁶ *Ядринцев Н.М.* Об алтайцах... — С. 3.
- ¹⁷ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом и историческом отношении. — СПб., 1892. — С. 44—45.
- ¹⁸ *Сагалаев А.М.* Христианизация... — С. 124.
- ¹⁹ *Анахин А.В.* Кузнецкие инородцы Томской губернии // Школа и жизнь Сибири. — 1918. — № 2. — С. 23—33.
- ²⁰ *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIII в. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 104—118.
- ²¹ *Кимеев В.М.* Шорцы... — С. 161—171.
- ²² Там же. — С. 131.
- ²³ *Трубачев Н.С.* С цветочных полей // Красная Шория. — 1976. — 20 июля.
- ²⁴ *Патрушева Г.М.* Новации и традиции в культуре шорцев на современном этапе // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии. — Иркутск, 1980. — С. 34.
- ²⁵ *Токмашев Ю., Акчелова-Шихалева Н.* Шорский фольклор // Красная Шория. — 1985. — 25 дек.
- ²⁶ *Шорская сказка «Чаштан и капчит»* // Красная Шория. — 1986. — 17 мая.
- ²⁷ *Волосяная струна.* — М., 1975. — 136 с.
- ²⁸ *Потапов Л.П.* Алтайский шаманизм. — Свердловск, 1991. — С. 37—39, 294—298.

²⁹ *Ахметова Ш.К., Патрушева Г.М.* Казахи и шорцы: Взаимодействие культур // Ислам, общество, культура. — Омск, 1994. — С. 14.

³⁰ МАЭ ОмГУ. — 1985. — Инв. № 43-3. — Л. 3.

³¹ *Янборисов В.Р.* Пережитки дохристианских верований у шорцев // Социально-культурные процессы в Советской Сибири. — Омск, 1985. — С. 107—108.

³² *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). — СПб., 1911. — Т. 2. — С. 274—275.

³³ *Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года.* — М., 1928. — С. 42—43, 48—49.

³⁴ *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года.* РСФСР. — М., 1963. — С. 412—413.

³⁵ *Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.* — М., 1973. — Т. 4. — С. 93, 41—60; *Всесоюзная перепись населения 1979 года.* — М., 1989. — С. 33, 39, 45, 51, 57, 63, 68, 73, 77, 83, 90, 96, 102, 108, 111, 119, 124, 128; *Итоги Всесоюзной переписи населения по Кемеровской области 1989 года.* — С. 14, 21, 26, 30, 42, 60.

³⁶ *Анжиганова О.П.* Роль русского языка в образовании хакасской лингвистической терминологии // Социально-культурные процессы в Советской Сибири. — Омск, 1985. — С. 21—23; *Валеев Б.Ф.* Интернационализм в языке сибирских татар на современном этапе // Там же. — С. 15—19; *Галстян А.П.* Некоторые аспекты армяно-русского двуязычия (по материалам этносоциологического исследования населения Еревана) // СЭ. — 1987. — № 6. — С. 81—91; *Морев Ю.А.* Языковая ситуация у селькупов на современном этапе // Социально-культурные процессы... — С. 12—15; *Тумашева Д.Г., Гилязиева А.Р.* Влияние русского языка на диалекты сибирских татар // Там же. — С. 19—21; *Цыдыпова З.П.* Бурятско-русское двуязычие и роль школы // Там же. — С. 17—19.

³⁷ *Михайлов М.М.* О некоторых принципах изучения двуязычия на материале русской речи чувашей // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР. — Уфа, 1970. — Вып. 2. — С. 306; *Розинцевейг В.Ю.* Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. — М., 1972. — Вып. 4. — С. 5—22; *Гордеева О.И.* Об одной стороне освоения шорцами русского языка: Произношение согласных в речи шорцев на русском языке // Ученые записки ТГУ. — 1971.

³⁸ *Абдрахманов Н.А.* Топонимия Горной Шории // Некоторые вопросы географии, экономики и культуры Кузбасса. — Новокузнецк, 1966. — С. 17.

³⁹ *Числяков Э.Ф.* Отражение хозяйственного уклада шорцев в языке // Экономика и культура Кузбасса. — Новокузнецк, 1966. — С. 123.

⁴⁰ *Абдрахманов Н.А.* Топонимия... — С. 17.

⁴¹ *Бонюхов А.А.* О топонимии Горной Шории // Некоторые вопросы географии, экономики и культуры Кузбасса. — Новокузнецк, 1966. — С. 120.

⁴² *Курпешко Н.Н.* Шорские имена // Литературный Кузбасс. — 1990. — № 4. — С. 33—34.

⁴³ *Арутюнян Ю.В.* Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // Вопр. философии. — 1969. — № 12. — С. 135—136.

⁴⁴ *Козенко А.В.* О стандартизации методик изучения национально-смешанной брачности // СЭ. — 1978. — № 1. — С. 76.

⁴⁵ *Першиц Ю.И.* О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности // СЭ. — 1967. — № 4. — С. 129—136; *Патрушева Г.М.* Шорцы сегодня: современные этнические процессы. — Новосибирск, 1986. — С. 70—80.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы в связи с глобальными политическими и экономическими преобразованиями в нашей стране, возросшими миграциями больших групп населения произошли изменения в современных этнических процессах. Весьма актуальным представляется исследование специфики этнического развития как крупных, так и малых этнических групп, оказавшихся в иноэтническом окружении, а также факторов, определяющих это развитие.

Основная тенденция в развитии этнических процессов в сфере материальной культуры у народов и национальных групп Западной Сибири — нивелировка этнически значимых черт наряду с сохранением отдельных традиционных элементов в жилище, одежде, орудиях труда, предметах быта и в большей степени в пище.

В духовной культуре населения Западной Сибири определяющей является тенденция к размыванию этнически значимых черт в обрядовой культуре и замене их соответствующими элементами русской народной культуры, за исключением, вероятно, похоронного обряда и некоторых народных календарных праздников.

У сибирских народов и этнических групп значительно нарушен и относительно слабо действует механизм трансмиссии этнической культуры и «вертикальных» (межпоколенных) связей. При этом средства массовой информации не могут заменить неформальное межличностное общение.

Наряду с утратой традиционных черт в материальной и духовной культуре все большее значение приобретает приобщение сибирских народов к общесоветским

формам культуры и общероссийским явлениям. Решающую роль в этом процессе играет молодежь, мужчины, более социально активные, чем женщины, и специалисты высшей и средней квалификации, удельный вес которых в сибирских деревнях постоянно увеличивается. Поэтому эта тенденция, вероятно, станет доминирующей у данных этносов и этнических групп.

В то же время в 1990-е гг. у населения Западной Сибири возрос интерес к традиционно-бытовым явлениям культуры своего народа, в целом к истории и культуре своего этноса, этнической или национальной группы. Порой происходят процессы возрождения утраченных народных культурных ценностей, особенно в духовной и соционормативной культуре. Но эти процессы и явления, развивающиеся в постперестроечной России, следует еще изучить. А поскольку в Западно-Сибирском регионе проводились панельные исследования современных этнических процессов, о чем говорится в данной монографии, то, видимо, есть научный смысл в организации продолжения их изучения в начале XXI в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЗСО РГО	— Западно-Сибирский отдел Русского географического общества
РГО	— Русское географическое общество
К.	— Карточка
МАЭ ОмГУ	— Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
МЭЭ ОмГУ	— Материалы этнографической экспедиции Омского государственного университета
ОмГПУ	— Омский государственный педагогический университет
П. о.	— Полевая опись
СА	— Советская археология
СЭ	— Советская этнография
ТГПИ	— Томский государственный педагогический институт
ТГУ	— Томский государственный университет
ХакНИИЯЛИ	— Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

SUMMARY

The work represents the six volume plannet to the edition of a multivolume series "Culture of the Peoples of Russia". The series is issued under the decision of Scientific Council of the Russian State research program "The Peoples of Russia: Revival and Development" (head establishments of the program — St.-Petersbourg University). Besides scientific council, the establishments also issuing the given series are determined Omsk State University (head division establishment of a Direction of the program of research of culture of the peoples of Russia), Omsk division of Joint Institute of Culturology.

The six volume includes the collective monography "The Peoples of the Western and Middle Siberia: culture and ethnical processes" written by the Siberian scientists Sholpan Akhmetova, Dmitry Korovushkin, Ilya Lotkin, Galina Patrusheva, Marina Zhigunova, Tatiana Smirnova, Nikolay Tomilov and Leonid Shargorodsky. In the foreword to the book its authors specify that main attention should be paid to the contemporary ethnical processes in Siberia. The monography includes the paragraphs devoted to the Russians, Kazakhs, Siberian Tartars, Germans, Letts, Estonians, Shors, Chuvashs and Selkups. Main sources of research are the materials of the ethnological expedition of Omsk State University. They were collected mainly in 1970—1980-th years in places of modern residing of these peoples and ethnical groups. On the basis of these materials the traditional culture and ethnical processes of the Siberian peoples are considered.

I.V. Lotkin

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (<i>Н.А. Томилов</i>)	5
Проблемы изучения современных этнических процессов у народов Западной и Средней Сибири учеными омского этнографического направления (<i>Н.А. Томилов</i>)	6
Культура и этнические процессы народов Западной и Средней Сибири	27
1. Казахи (<i>Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова</i>)	27
2. Латыши и эстонцы (<i>И.В. Лоткин</i>)	60
3. Немцы (<i>Т.Б. Смирнова</i>)	83
4. Русские (<i>М.А. Жигунова</i>)	113
5. Селькупы (<i>Л.Т. Шаргородский</i>)	155
6. Сибирские татары (<i>Н.А. Томилов</i>)	174
7. Чуваши (<i>Д.Г. Коровушкин</i>)	229
8. Чулымские тюрки (<i>В.П. Кривоногов</i>)	251
9. Шорцы (<i>Г.М. Патрушева</i>)	277
Заключение (<i>И.В. Лоткин</i>)	319
Список сокращений	321
Summary	322

CONTENS

Preface (<i>N.A. Tomilov</i>)	5
Studying of the contemporary ethnical processes of the peoples of the Western and Middle Siberia by the scientists of Omsk ethnographical direction (<i>N.A. Tomilov</i>)	6
Culture and Ethnic Processes Peoples of West and Middle Siberia	27
1. The Kazakhs (<i>S.K. Akhmetova, O.M. Bronnikova</i>)	27
2. The Letts and Estonians (<i>I.V. Lotkin</i>)	60
3. The Germans (<i>T.B. Smirnova</i>)	83
4. The Russians (<i>M.A. Zhigunova</i>)	113
5. The Selkups (<i>L.T. Shargorodsky</i>)	155
6. The Siberian Tartars (<i>N.A. Tomilov</i>)	174
7. The Chuvashs (<i>D.G. Korovushkin</i>)	229
8. The Chulym Turks (<i>V.P. Krivonogov</i>)	251
9. The Shors (<i>G.M. Patrusheva</i>)	277
Conclusion (<i>I.V. Lotkin</i>)	319
List of abbreviations	321
Summary	322

Научное издание

**НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ И СРЕДНЕЙ СИБИРИ
КУЛЬТУРА И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ**

Редактор *Н.И. Коновалова*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *И.С. Попов*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

ЛР № 020297 от 23.07.97. Сдано в набор 17.01.02. Подписано в печать 05.03.02.

Бумага офсетная. Формат 84 × 108^{1/32}. Офсетная печать. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 700 экз. Заказ № 640.

«Наука». Сибирская издательская фирма РАН.
630099, Новосибирск, ул. Советская, 18.

Оригинал-макет изготовлен на настольной издательской системе.

СП «Наука» РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.